

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2017 г., том 24, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Запорожченко Г.М. Политическая позиция городской потребительской кооперации Сибири накануне 1917 г.	5
Самоходкин В.Н. Агитационная деятельность Г.Е. Зиновьева в апреле – июне 1917 г.	11
Старухин Н.А. «На торжестве злобы и лукавствия»: события русской революции в «Слове» белокриницкого епископа Антония (Паромова).	17

АРХЕОЛОГИЯ

Коваленко С.В. История исследования осиноозерской поздненеолитической культуры Западного Приамурья.	26
Нестеров С.П. Бронзовые лапчатые бляшки урильской культуры из Западного Приамурья.	33
Мыльников В.П., Улзийбаяр С. Деревянные погребальные лежа закрытого типа гуннского времени в Монголии: по материалам могильника Салхитын Ам.	37
Демахина М.С. Зооархеологические комплексы памятников верхнеобской культуры (по материалам Новосибирского Приобья) ..	42
Худяков Ю.С. Кистени кыргызских воинов Тянь-Шаня.	48
Табарев А.В., Иванова Д.А., Патрушева А.Е. Древние культуры Филиппинского архипелага: ключевые сюжеты и проблематика исследований.	54

ЭТНОГРАФИЯ

Майничева А.Ю., Понедельченко Л.О. Национальная культура в сибирском мегаполисе как объект этнокультурного моделирования.	58
Фурсова Е.Ф. Символика традиционной одежды как проявление этнокультурных идентичностей «свои/другие» в Сибири.	63
Лыгденова В.В., Дамдинова Е.Г. Традиционная одежда баргузинских бурят в XIX – начале XXI в.: этнографический и лингвистический аспекты.	67
Люцидарская А.А., Березиков Н.А. Ограждения как знаковая маркировка охраняемого пространства (Сибирь в конце XVI – начале XVIII в.).	72
Светачева У.В. Домостроительные традиции русского населения Минусинского округа во второй половине XIX – начале XX вв.	77

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Маклюков А.В. Роль электрификации в модернизации промышленности Дальнего Востока России в дореволюционный период.	83
Ильиных В.А. Агротехника сибирского земледелия в дискурсе 1932–1933 гг.	90
Прибыткова К.П. В поиске форм эффективности социалистического производства: нормирование труда рабочих-сдельщиков в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг.	96
Андреев С.Н. «Целинный проект» 1954 г. в аграрной истории Сибири и Казахстана.	103
Куперштох Н.А., Крайнева И.А. История новосибирского Института радиофизики и электроники (1957–1964 гг.).	109
Шелегина О.Н. Музеи-заповедники Сибири: опыт и перспективы в освоении культурного наследия.	114

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Академина» – фестиваль умных, красивых, смелых женщин.	119
Памяти Виктора Николаевича Худякова.	121

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук, д-р филол. наук *Н.З. Зайц* (Словения), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), профессор *С. Чулуун* (Монголия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 26.06.17. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 158.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2017, vol. 24, N 2

CONTENTS

TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Zaporozhchenko G. M. The Political Position of the Urban Consumer Cooperation of Siberia on the Eve of 1917.	5
Samokhodkin V.N. G.Ye. Zinoviev's Activity as a Political Agitator in April–June of 1917	11
Starukhin N.A. "Triumph of Evil and Slyness": Developments of the Russian Revolution in "Proclamation" of Belokrinitskiy Bishop Antony (Paromov).	17

ARCHAEOLOGY

Kovalenko S.V. The History of Studying the Late Neolithic Osinozerskaya Culture of the Western Amur Region	26
Nesterov S.P. Bronze Plaques of Urilsk Culture in the Form of Paws of the Western Priamurie.	33
Myl'nikov V.P., Ulziibayar S. Hunnic Closed-Type Wooden Funeral Beds in Mongolia: a Case Study of Salkhityn Am Burial Site. . .	37
Demakhina M.S. Zooarcheological Complexes of the Verkhneob Culture Monuments (on Novosibirsk Ob Region Materials)	42
Khudyakov Yu.S. Flails of the Kyrgyz Warriors in Tian Shan.	48
Tabarev A.V., Ivanova D.A., Patrusheva A.E. Ancient Cultures of Philippine Archipelago: Key Topics and Research Problematics . . .	54

ETHNOGRAPHY

Mainicheva A.Y., Ponedelchenko L.O. National Culture in a Siberian Metropolis as an Object of Ethnic-Cultural Modeling	58
Fursova E.F. The Symbolism of Traditional Clothing as a Manifestation of Ethnic and Cultural Identities «Own / Another» in Siberia . .	63
Lygdenova V.V., Damdinova Ye.G. Traditional Barguzin Buryats' Clothes in the XIX – early XXI Centuries: Ethnographic and Linguistic Aspects	67
Liutsidarskaya A.A., Berezikov N.A. Barrier as a Sign Marking the Protected Area (Siberia in the Late XVI – Early XVIII Centuries)	72
Svetacheva U.V. Housebuilding Traditions of Russian Population in Minusinsk District in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries.	77

PROBLEMS OF HISTORY

Maklyukov A.V. The Role of Electrification in Modernization of Industry in the Russian Far East in the Pre-Revolutionary Period.	83
Ilyinykh V.A. Agricultural technology of Siberian Farming in the Discourse of 1932–1933.	90
Pribytkova K.P. In Search of Forms of the Efficiency of Socialist Production: Labor Rate Setting of Piece-Workers in the Altai Territory Industry in the 1940s - 1980s	96
Andreenkov S.N. The «Virgin Project» of 1954 in the Agrarian History of Siberia and Kazakhstan	103
Kupershtokh N.A., Krayneva I. A. History of the Novosibirsk Institute of Radiophysics and Electronics (1957–1964)	109
Shelegina O.N. Museums-Reserves of Siberia: Experience and Perspectives in the Development of Heritage	114

MESSAGES, ACADEMIC LIFE

Shelegina O.N., Zaporozhchenko G.M. «Academia» – Festival of Smart, Beautiful, Courageous women	119
In Memory of Viktor Nikolayevich Khudyakov	121

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Professor *S. Chuluun* (Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Doctor *M. Junge* (Germany), Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *N.Z. Zajc* (Slovenia)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Mathanova*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Candidate of historical Sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical Sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

E d i t o r i a l a d d r e s s : Institute of History, SB RAS, office 301, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

DOI: 10.15372/HSS20170201

УДК 94(571.1/.5)"1900/1917"

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ ГОРОДСКОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ СИБИРИ НАКАНУНЕ 1917 г.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В центре внимания автора статьи – выяснение политической позиции сибирской городской потребительской кооперации, значительное влияние на деятельность которой оказывали политические ссылки. В условиях разочарования населения в официальной продовольственной политике политизированный кооперативный актив использовал потребительные общества для партийно-пропагандистских целей в ходе кампаний по борьбе с дороговизной. Это способствовало росту общественно-политической активности пайщиков и пониманию сущности политических требований общедемократического характера. Несмотря на значительное влияние политических партий, практика городской и рабочей кооперации детерминировалась преимущественно экономическими, а не идейно-политическими факторами.

Ключевые слова: потребительская кооперация, политические партии, политическая ссылка, социал-демократы, эсеры, Февральская революция, Сибирь.

G.M. ZAPOROZHCHENKO

THE POLITICAL POSITION OF THE URBAN CONSUMER COOPERATION OF SIBERIA ON THE EVE OF 1917

Institute of History of SB RAS,
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russia

In focus – clearing up of a political position of the Siberian city consumer cooperation by 1917. The considerable impact on its activities was exerted by political exiles which is clear from the documents of the police Department, cooperative organizations, materials of periodicals and memoirs. Presence at city consumer cooperatives of various political forces was not continuous, greatest role in management personnel was played by Mensheviks and Social Revolutionaries. Great opportunities for politicians to use consumer societies for the propaganda purposes opened during campaigns against high cost in 1915–1916. In the conditions of disappointment in an official food policy their propaganda promoted growth of social and political activity of shareholders and understanding of democratic requirements – freedom of the coalitions, democratic reforms, formation of the government of national trust, upgrade of the cooperative legislation. But radical representatives of political parties not always got a complete support of members even in workers' consumer cooperatives. Two currents – economic and political – were shown on a number of questions: reception of exiled in cooperatives, the ideological direction of the cooperative press and cultural work, content of speeches of cooperative leaders, interaction between the city authorities and public organizations. Despite considerable influence of political parties and efforts of party activists, first of all the Bolsheviks, aimed at submission of resources of cooperation to party tasks, most of shareholders were guided by purely economic motivations and desire to be engaged in actually cooperative work. Activity of city and workers' cooperation was determined by mainly economic, but not ideological and political factors. Most of shareholders deliberately or spontaneously supported ideology of a peaceful evolutionary way of reorganization of a social and economic order.

Key words: consumer cooperatives, political parties, political exile, the Social Democrats, the Socialist Revolutionaries, the February revolution, Siberia.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History of SB RAS.

Для создания полной картины революционных событий 1917 г. имеет существенное значение выяснение политической позиции сибирской потребительской кооперации ввиду многочисленности ее состава и важной общественно-экономической роли. В течение 1917 г. политическая активность кооперации в стране возрастала впечатляющими темпами. Сибирская кооперация, как и общероссийская, безоговорочно признала власть Временного правительства, приветствуя его деятельность в многочисленных телеграммах от имени своих собраний и съездов. В Совет всероссийских кооперативных съездов в составе 32 чел. под председательством С.Н. Прокоповича, избранный на Первом Всероссийском кооперативном съезде, от Западной Сибири вошел М.Г. Бочарников, от Восточной – М.К. Сенотрусов¹. Число кооператоров, привлекавшихся к участию в органах власти, непрерывно возрастало, некоторые из них стали министрами во Временном правительстве (С.Н. Прокопович, С.Л. Маслов), широко была представлена кооперация в Предпарламенте – группой из 18 представителей и 9 кандидатов.

Журнал «Сибирская кооперация», оценивая в 1918 г. ее деятельность, писал: «Инструкторские коллегии вели до революции вполне определенную революционную работу»². Но была ли дореволюционная кооперация активной политической силой? Действительно, как показали С.П. Днепровский, И.А. Коряков, А.П. Толочко, Д.И. Копылов, В.М. Самосудов, М.М. Валивач, Г.А. Титов, Л.Л. Кузнецов, Н.М. Кравец, Ю.П. Плотников, Н.И. Семкина, Л.Ф. Берсенева, С.В. Макачук, И.Б. Ломакина, на кооперацию, особенно городскую, большое влияние оказывали социалистические партии, политическая ссылка. В то же время политическое выступление дореволюционной потребительской кооперации исследователями квалифицировалось как достаточно слабое по сравнению с последующим периодом, когда кооператоры «от робкой оппозиции и “аполитизма” сразу же перешли на позиции открытой и активной политической борьбы» [1, с. 126]. Отмечалось, что под влиянием социалистов находились лишь единичные кооперативы, но в целом кооперативное движение развивалось самостоятельно и как с политическими партиями, так и с профессиональными союзами было слабо связано [2, с. 32]. Такое же положение отмечалось и в общероссийском кооперативном движении, где в дореволюционные годы позиции большевиков, активно пытавшихся «овладеть» кооперацией, даже в рабочих потребительных обществах заметно теснили кооперативные реформисты [3, с. 47, 54; 4, с. 146], и лишь после февраля в кооперативной среде возобладала тенденция участия в политике и содействия становлению демократического государственного строя³.

С каким политическим багажом подошла к февралю 1917 г. сибирская городская потребительская кооперация? Развитие кооперативных форм самоорганизации населения в сибирском городе началось в 1890-е гг. и определялось общими для Российской империи социально-экономическими и политическими процессами, промышленной модернизацией, урбанизацией, прогрессированием культурной сферы. Потребительские кооперативы начали органично встраиваться в социально-экономическую структуру городских поселений – нишу недостаточно развитой розничной торговли. Устойчивый рост городской потребительской кооперации в регионе начался с 1912 г. К 1917 г. доля горожан, связанных с потребительской кооперацией, доходила в отдельных городах до одной трети населения, приближаясь к общероссийскому уровню. Специфической особенностью сибирской кооперации являлось значительное влияние политических партий и течений, связанное с политической ссылкой. В организации и деятельности кооперативов политические ссылки играли исключительную роль⁴.

Опасаясь влияния радикальных политических партий на кооперативное движение, полицейское ведомство еще в 1909 г. возложило на местную полицию агентурный сбор сведений о деятельности и личном составе руководящих органов кооперативных учреждений⁵. Комплексы делопроизводственных документов охранительных ведомств, составленных с целью определения политической благонадежности кооператоров, в совокупности с документами, исходящими от кооперативных организаций, материалами периодической печати и мемуарами позволяют охарактеризовать степень влияния политики на кооперативную работу.

Привнесение представителями нелегальных партийных организаций духа, амбиций и целей политической борьбы в кооперативную жизнь зависело от конкретной расстановки сил в составе отдельных кооперативов и их управляющих органов. Одним из крупнейших в Сибири городских кооперативов с широким участием рабочих являлась «Самодеятельность» в Красноярске, созданная в 1913 г. В состав правления входили социал-демократы преимущественно большевистского направления Н.Л. Мещеряков, М.И. Бублеев, С.М. Бальба-тов, И.И. Белопольский, И.Г. Волков, М.И. Фрумкин, А.В. Байкалов и другие, эсеры Е. Пославский, Н.В. Фомин [5, с. 138–139; 6, с. 198]. Для сохранения контроля над кооперативом в качестве опорного пункта подпольной ячейки социал-демократы шли на меры, противоречившие кооперативным задачам, о чем свидетельствует, например, следующая страница истории кооператива. В 1915 г. в красноярской прессе появились сообщения о задержке открытия

¹ Союз потребителей. 1917. № 13–14. С. 12.

² Сибирская кооперация. 1918. № 1–2. С. 7.

³ Вестник кооперативных союзов. 1917. № 3. С. 3.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДПО. 1917. Д. 9, ч. 27, лит. Б. Л. 5; Д-4. 1916. Д. 20, ч. 9. Л. 1–2.

⁵ ГАТ. Ф. 152. Оп. 23. Д. 195. Л. 15.

третьей лавки «Самодетальности», в качестве причины указывалось на затянувшийся процесс вербовки новых пайщиков в районе проживания служащих городского самоуправления. Однако подоплека этого дела была в другом.

В тот период кооператив переживал серьезный кризис, отчасти вызванный неопытностью правления в коммерческих делах, отчасти спровоцированный внедренными агентами охраны⁶. Так или иначе, но кризис угрожал обществу распадом. По этой причине Н.Л. Мещеряков, И.Г. Волков и Л.Я. Буткевич, не желая потерять легальные возможности для партийной деятельности, решили, не афишируя это, образовать в среде служащих правительственных учреждений еще один кооператив. Желая не упустить членскую базу, они убеждали городских служащих не присоединяться к обществу «Самодетальность». Для руководства новым кооперативом предполагалось создать сильную партийную группу в правлении. Жандармские агенты докладывали, что торговая сторона в выявленной организации совершенно игнорировалась и под флагом культурно-просветительной работы шло образование большой социал-демократической ячейки⁷. Вскоре кризис в «Самодетальности» был преодолен, и новое общество не имело продолжения. Но тайная попытка его создания характеризовала отношение социал-демократов к кооперации преимущественно как к средству агитационно-пропагандистского влияния на большие группы населения.

Вся работа кооперативного актива «Самодетальности» была проникнута духом соперничества на политическом поприще. Большевики пытались сосредоточить деятельность кооператива на торговле, «изжить политику», большевики выступали против их соглашательской линии. Убедившись в бездействии городского самоуправления, они критиковали стремление меньшевиков и эсеров «цепляться» за сотрудничество с властями в вопросе снабжения города. Большевики использовали кооперативную работу как прикрытие для антивоенной агитации в железнодорожных мастерских, призывая не участвовать в работах на государственную оборону в противовес меньшевикам, которые вели оборонческую агитацию и настаивали на выборе представителей от кооператива в военно-промышленный комитет⁸. Сторонники каждого направления придавали общественно-политическую остроту культурной работе кооператива. Руководство областного союза кооперативов Енисейской губ. также полностью состояло из социал-демократов, таких как А.В. Байкалов, И.А. Ловцов и др., в дружной спайке которых власти с опасением усматривали «ячейку первостепенной важности в случае будущих осложнений»⁹.

В Енисейске потребительский кооператив «Самопомощь» своим появлением был обязан деятельности группы политссыльных во главе с бывшим депутатом IV Государственной думы А.Е. Бадаевым¹⁰. В Минусинске кооперативное движение развивала группа ссыльных во главе с М.И. Хачатуровым, имевшая значительное влияние в городском обществе потребителей, кредитном товариществе и союзе приказчиков. Жандармские материалы характеризовали М.И. Хачатурова как «вреднейшего противоправительственного деятеля», сплотившего «разношерстный партийный элемент» многочисленной минусинской ссылки¹¹.

Активно работали представители политических партий в кооперации Забайкалья и Прибайкалья. В областных союзах и городских кооперативах Читы и Вернеудинска среди руководителей были депутат III Государственной думы меньшевик А.А. Войлошников, социал-демократы И.И. Пятидесятников, М. Богданов, З. Кошиков¹². В издававшемся Забайкальским товариществом журнале «Наше дело» в числе редакторов были ссыльный социал-демократ Н.А. Рожков – бывший приват-доцент Московского университета, историк и экономист, В.А. Анисимов, член II Государственной думы, осужденный в 1907 г. на пять лет каторги, активный участник издававшихся в Иркутске газет и журналов социал-демократического направления¹³.

Особое внимание властей привлекал кооператив железнодорожников «Трудовой союз» в Чите, в правление которого входили большевики И.Н. Росляков, И.Т. Перевозчиков, И.А. Белоусов, П.В. Замошников и др. «Трудовой союз» проводил интенсивную лекционную работу в Народном доме Читы, где среди лекторов образованностью выделялся доктор З.Р. Рубинштейн, окончивший Берлинский университет, тесно общавшийся с подпольными партийными организациями и читавший рабочим лекции по истории развития общественной мысли в России¹⁴.

Политические идеи лежали в основе союзно-объединительной деятельности Забайкальского товарищества кооперативов. Так, руководство союза в лице А.А. Войлошникова навязало читинскому городскому кооперативу «Эконом» невыгодный союзный договор, опираясь на представления о политической роли кооперации, необходимости присоединения городских кооперативов к деревенским и расширения кооперативных организаций накануне будущих классовых битв¹⁵.

Сильное влияние социал-демократов ощущалось в крупном и популярном среди населения кооперативе «Экономия» в Верхнеудинске. В предреволюционные годы руководящие должности в кооперативе заняли

⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 25. Л. 59.

⁷ Там же. 1916. Д. 9, ч. 25, лит. Б. Л. 44 об.

⁸ Там же. 1914. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 1–2; 1916. Д. 167, ч. 25, лит. Б. Л. 2.

⁹ Там же. 1915. Д. 167, ч. 25. Л. 28.

¹⁰ Голос Сибири. 1916. 19 нояб.

¹¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 1–3.

¹² Там же. Д-4. 1916. Д. 21, ч. 9. Л. 2–2 об.

¹³ Там же. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 31–31 об.

¹⁴ Там же. Л. 18 об., 19–20, 31, 35 об.

¹⁵ Там же. Л. 9 об., 23 об.

большевики Г.И. Камынин, М. Буйко, Т.М. Сентарецкий [5, с. 146], а также прибывшие сюда после отбытия каторги на поселение члены социал-демократической фракции II Государственной думы, арестованные в дни третьеиюньского государственного переворота, В.М. Серов, В.А. Чашин, И.К. Петров.

По инициативе и при участии социал-демократов и эсеров создавались рабочие потребительские кооперативы – «Шахтер» на Черновских коях, «Наше будущее» – на Арбагарских коях в Забайкалье, в предместье Большеостровском под Читой, на станциях Тайга, Слюдянка и др.¹⁶. В созданном в Тюмени в 1915 г. рабочем кооперативе «Пчела» работали социал-демократы, привлекавшиеся к суду по делу о ликвидации тюменского подпольного комитета РСДРП в 1909 г.: Б.П. Вальбер, С.И. Морозов, М.Б. Глузман, С.А. Новоселов, возглавлял кооператив ссыльнопоселенец К.И. Самцов¹⁷.

В Иркутске, где также главными кооперативными работниками были политссылные, большое влияние и численное преобладание имели эсеры, действовавшие под руководством одного из лидеров меньшевизма члена II Государственной думы ссыльнопоселенца И.Г. Церетели¹⁸. Эсеры – организаторы «Сибирского союза социалистов-революционеров» Ф.С. Семенов (А.П. Лисиенко), М.Ф. Омельков, М.Я. Линдберг, П.Я. Михайлов и другие – долгое время работали в кооперативных обществах и союзах Мариинска, Томска, Новониколаевска, Бийска [7, с. 128–129]. В правление «Сотрудника» в Барнауле были избраны известные в городе социал-демократы – меньшевики А.В. Спекторский и Н.К. Колобов, многие члены местной ячейки РСДРП работали в Алтайском союзе кооперативов [2, с. 30].

В Новониколаевске к моменту Февральской революции около 70 политических ссыльных, среди которых преобладали эсеры и меньшевики, утвердились в кооперативных организациях города – «Экономии», Закупсбыте и Сибкредитсоюзе, отделении Московского народного банка. Во главе всесословного общества потребителей «Экономия» в 1912 г. стоял эсер А.К. Скворцов. В 1916 г. председателем правления стал приехавший из Киева большевик В.Р. Романов, вошедший в марте 1917 г. в Совет рабочих депутатов. Публикации новониколаевской газеты «Голос Сибири» отличались акцентированием общественно-политических задач кооперативной работы благодаря образовавшейся в 1916 г. в редакции группе социал-демократов и эсеров, куда вошли В.Р. Романов, Ф.И. Грабарь, Г.Е. Дронин и Н.А. Рожков¹⁹.

В работе «Деятеля» в Томске участвовали большевики В.Н. Чепалов, Н.С. Васильев, А.Ф. Иванов. В сентябре 1916 г. Н.С. Васильев был избран председателем кооператива, в марте 1917 г. он прини-

мал активное участие в работе I губернского продовольственного съезда. Член правления А.Ф. Иванов в 1917 г. был направлен большевиками на финансовую работу в Томскую городскую думу. В.Н. Чепалов возглавил Томский совет рабочих депутатов. Активно участвовали в кооперативной жизни Томска и работали в «Деятеле» эсер Д.И. Голенищев-Кутузов, социал-демократы Н.А. Рожков, Т.Е. Минычев, П.Н. Стечкин, а также «много лиц политически неблагонадежных». В городском кооперативе Омска были сильны влияние и авторитет его председателя – меньшевика-оборонца А.Н. Гладышева, в выступлениях которого отсутствовала пропаганда революционных идей и выражалась надежда на земство, крестьянскую общину и кооперацию.

Итак, городские и рабочие кооперативы оказались привлекательны для представителей разных политических партий и течений – меньшевиков, большевиков, эсеров, бундовцев, областников, которые видели в них средство улучшения своего материального положения в условиях ссылки и возможность вести легальную общественную деятельность. Присутствие в них тех или иных политических сил являлось не постоянным, причем наибольшим влиянием в аппарате управления пользовались меньшевики и эсеры. Влияние социал-демократов большевиков и меньшевиков распространялось главным образом на потребительские кооперативы с большой прослойкой рабочих, такие как «Трудовой союз» в Чите, «Самодетельность» в Красноярске, «Экономия» в Верхнеудинске.

Наиболее сильное идейное влияние социалисты оказывали на пайщиков своими острыми политическими выступлениями на кооперативных собраниях и съездах, посвященных вопросам борьбы с дороговизной и продовольственным кризисом. В принятых резолюциях указывалось, что при существовавших политических условиях невозможно наладить продовольственное дело, необходимо изменение государственного строя, проведение демократических реформ, избрание продовольственных комитетов снизу доверху, повсеместное введение земства, всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, осуществление контроля над фабриками и заводами. За антиправительственные высказывания и радикальные резолюции в Чите в декабре 1915 г. и сентябре 1916 г. были закрыты собрания кооператива «Эконом», в марте 1916 г. – областной съезд забайкальских кооперативов, в апреле 1916 г. острые выступления делегатов-кооператоров сорвали проведение областного съезда представителей городов Восточной Сибири в Иркутске²⁰. Политические требования содержались в резолюциях совещания представителей кооперативов Западной Сибири в Новоникола-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 16.

¹⁷ Там же. 1915. Д. 167. Л. 85.

¹⁸ Там же. 1916. Д. 5, ч. 27, лит. Б. Л. 65 об.

¹⁹ Там же. Д. 5, ч. 81, лит. Б. Л. 5–5 об.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1915. Д. 158. Л. 39–39 об.; 44–44 об., Д. 2, ч. 27. Л. 28; Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 67 об.–68 об.; 1916, Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 12 об.–13 об., 15 об., Д. 20, ч. 26, лит. Б. Л. 1 об.–2, 14, 23 об.–26 об.; Союз потребителей. 1915. № 36. С. 1268; Утро Сибири. 1916. 28 апр.; Сибирская жизнь. 1916. 1 мая.

евске 27–28 ноября 1916 г. о «призыве к власти лиц, пользующихся народным доверием и ответственных перед страной»²¹.

Вместе с тем, радикальные политизированные выступления далеко не всегда получали полную поддержку даже в рабочих обществах потребителей. Значительную силу в потребительских организациях представляло экономическое течение, с чем политически ангажированному кооперативному активу приходилось считаться. Это подтверждается многими примерами. Так, делегат читинского кооператива «Трудовой союз» на областном съезде забайкальских кооперативов в Чите в марте 1916 г. признавал, что «коммерческое течение, хотя и несознательно, приносит сильный вред общему делу, создает атмосферу, в которой трудно работать»²². Два течения – экономическое и политическое – проявились в «горячих прениях» по вопросу об идейном направлении читинского кооперативного журнала «Наше дело»²³, кооперативного отдела новониколаевской газеты «Голос Сибири»²⁴.

Большевикам из правления красноярской «Самодетельности», тайно создававшим для нелегальных партийных целей параллельный кооператив, удалось провести свое решение после «острых дебатов с соратниками, преследовавшими лишь экономические цели»²⁵. Кооператор С.П. Днепровский вспоминал, что в «Самодетельности» отличавшиеся высокой сознательностью железнодорожники неизменно поддерживали большевистскую часть правления, но на собраниях порой оставались в меньшинстве [5 с. 142]. Агенты охраны, внедренные в кооперативные организации, нередко доносили об активном противодействии значительной части пайщиков планам идейных руководителей использовать кооперативные собрания и съезды в качестве политической трибуны²⁶. Кооперативы Нижнеудинска, Тобольска, правительственных служащих Красноярска отказались утверждать пункт устава о приеме политссыльных²⁷. Большая часть пайщиков «Трудового союза» Читы возражала против активного участия политиков в организации Народного дома из опасения, что администрация, придравшись к чему-либо, прикроет Народный дом, а с ним вместе кооператив. Эти факты позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на значительное влияние политических партий, практика городской и рабочей кооперации детерминировалась преимущественно экономическими, а не идейно-политическими факторами.

Воздействие политических партий на кооперативную работу имело двойственный характер.

С одной стороны, негласная слежка полиции за политическим подпольем с последующими арестами, обысками и высылкой членов правления, ликвидация кооперативной литературы, запрещение бухгалтерских курсов, кассирование повестки общих собраний ослабляли позиции кооперативов как хозяйствующих субъектов²⁸. Деструктивная критика оппозиционными силами органов городского самоуправления и частного бизнеса, носившая выраженный идеологический характер, нередко осложняла достижение договоренностей по ведению совместной торгово-заготовительной деятельности. Политизированная «верхушка» кооперативов обостряла отношения с городскими властями, Союзами городов, военно-промышленными комитетами. В то же время под влиянием социал-демократов и эсеров кооперативы сохраняли привлекательные для населения невысокие паевые взносы, увеличивали отчисления из прибыли на культурно-просветительную работу и в общественные фонды.

Новые возможности для политизированного актива использовать кооперативную аудиторию с целью пропаганды своих идей открылись в ходе проведения кампаний по борьбе с дороговизной. В условиях разочарования населения в официальной продовольственной политике такая пропаганда способствовала росту общественно-политической активности пайщиков и пониманию ими сущности политических требований общедемократического характера – свободы коалиций, демократических реформ, введения земства, формирования правительства народного доверия, модернизации кооперативного законодательства.

Однако, несмотря на усилия партийных активистов, прежде всего большевиков, направить ресурсы кооперации на решение партийных задач (отчисление средств на нужды подполья, помощь семьям арестованных и бастующих, семьям беглых ссыльных, распространение через кооперативные читальни подпольной литературы, проведение антивоенной и антиправительственной пропаганды, сбор сведений агитационного характера во время закупочных поездок по деревням) большинство пайщиков приоритетными считали экономические мотивы и желание заниматься собственно кооперативной работой. Основная масса рядовых участников кооперативного движения как во Всесословных, так и в рабочих обществах не приветствовала проекты использовать потребительские организации в иных целях, помимо удовлетворения экономических и культурно-бытовых нужд, сознательно или спонтанно поддерживая идеологию мирного эволюционного пути реорганизации общественного и хозяйственного строя. Логическим продолжением этой позиции явился переход кооперации от поддержки демократических преобразований Временного правительства к резкому неприятию большевистской власти после октября 1917 г.

²⁸ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 20, ч. 25, лит. Б. Л. 1: Самодетельность потребителя. 1917. № 1–2. С. 14.

²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Д. 16, ч. 82. Л. 1–1 об.

²² Там же. Д. 4. 1916. Д. 21, ч. 9. Л. 1–2.

²³ Там же. ДПОО. 1915. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 17.

²⁴ Голос Сибири. 1916. 20 сент.

²⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1915. Д. 167, ч. 25. Л. 53–58.

²⁶ Там же. Д. 5, ч. 26, лит. Б. Л. 60 об.; 1916. Д. 16, ч. 26, лит. Б. Л. 20.

²⁷ Сибирская жизнь. 1917. 12 янв., 16 февр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и Гражданской войны. Томск, 1976. 373 с.
2. Макаrchук С.В. Социалистические партии и потребительская кооперация Сибири (июнь 1907 – февраль 1917 г.) // Из прошлого Сибири: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.Э. Казакова. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1994. Вып. 1. С. 26–35.
3. Балдин К.Е. Политическая борьба в российской кооперации в 1907–1914 гг. // Вестник Иванов. гос. ун-та. Серия «История. Филология. Психология. Педагогика». 2000. Вып. 2.
4. Ким Чан Чжин. Государственная власть и кооперативное движение в России–СССР (1905–1930). М., 1996. 250 с.
5. Днепровский С.П. Кооператоры. М., 1968. 383 с.
6. Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. 336 с.
7. Шиловский М.В. Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX – начала XX в. // Города Сибири в XIII–XX в.: сб. науч. тр. / отв. ред. В.А. Скубневский. Барнаул, 2001. С. 113–133.

REFERENCES

1. Ivanov B.V. The Siberian cooperation in the period of the October revolution and the Civil war. Tomsk, 1976, 373 p.
2. Makarchuk S.V. Socialist party and consumer cooperation of Siberia (June 1907 – February 1917). *Iz proshlogo Sibiri: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, pod red. E. Kazakova. Novosibirsk, 1994, vol. 1, pp. 26–35.
3. Baldin K.E. The Political struggle in the Russian cooperation in 1907–1914. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika»*. 2000, vol. 2, pp. 46–56.
4. Kim Chang Jin. State power and the cooperative movement in Russia–USSR (1905–1930). Moscow, 1996. 250 p.
5. Dneprovsky S.P. Co-Operators. Moscow, 1968, 383 p.
6. Moukhin A.A. The Workers of Siberia in the era of capitalism. Moscow, 1972, 336 p.
7. Shilovsky M.V. The Factors influencing social and political life of the West Siberian cities in the second half of XIX — early XX century. *Goroda Sibiri v XIII–XX v.* Barnaul, 2001, pp. 113–133.

Статья принята
редакцией 02.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170202
УДК:94(47)"1917":323.27+32.019.51

В.Н. САМОХОДКИН

АГИТАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.Е. ЗИНОВЬЕВА В АПРЕЛЕ – ИЮНЕ 1917 г.

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт Истории,
РФ, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5

В условиях партийного плюрализма, вызванного к жизни в России Февральской революцией, агитация для политических партий приобрела особое значение. В настоящей статье освещается деятельность одного из виднейших представителей РСДРП(б) Г.Е. Зиновьева как агитатора, на основе сохранившихся стенограмм его речей анализируются пропагандируемые им идеи. По заключению автора, укрепившееся в советской историографии мнение о том, что Зиновьев уже с весны 1917 г. стоял в оппозиции к В.И. Ленину, является неверным.

Исследование базируется на материалах из фондов Российского государственного архива социально-политической истории, а также периодической печати революционного периода и воспоминаниях современников рассматриваемых событий.

Ключевые слова: большевики, Зиновьев, Ленин, Каменев, РСДРП(б), Великая российская революция, агитация, пропагандистская деятельность, Петроград, Центральный Комитет.

V.N. SAMOKHODKIN

G.Ye. ZINOVIEV'S ACTIVITY AS A POLITICAL AGITATOR IN APRIL–JUNE OF 1917

Saint-Petersburg State University, Institute of History,
5 Mendeleev Str., Saint-Petersburg, 199034, Russia

Under new conditions established in Russia after the February revolution agitation activities of political parties, including the RSDLP(b), obtained a special value, which was specially emphasized by V.I. Lenin in his "April Theses". Thus it seems actual to focus on the activity of one of the most talented orators of the Bolshevik party G.Ye. Zinoviev, who was the closest associate of Lenin and a member of the Central Committee of the RSDLP(b). The current topic relevance is also determined by the fact that G.Ye. Zinoviev's role in the events of 1917 was covered with prejudice in the Soviet historiography for ideological reasons, and it didn't attract any scientific interest in the Post Soviet period. However, according to his contemporaries, political propaganda was one of the most important aspects of Zinoviev's work between two Revolutions.

The author of the current article strives to investigate the propagandist activities of G.Ye. Zinoviev since his return from the exile to Petrograd and up to the historical events of June.

The study is based on the preserved transcripts of G.Ye. Zinoviev's speeches and newspaper reports about them, archival documents, as well as his contemporaries' memoirs. Studying G.Ye. Zinoviev's activities and his ideas the author attempts to draw a conclusion, whether the assumption that Zinoviev had opposed V.I. Lenin since spring of 1917 is true.

Being an outstanding public speaker, Zinoviev played a prominent role in the propaganda of Bolshevik ideas during April–June, 1917. The party entrusted Zinoviev with participating in rallies that were the most difficult in terms of agitation and propaganda, because of the lack of sympathy for the Bolshevik movement. With that, the ideas propagated by Zinoviev did not come into collision with those of V.I. Lenin. This in turn indicates, that the reason why Zinoviev fell into opposition to Lenin should be searched in later revolutionary events.

Key words: Bolsheviks, Zinoviev, Lenin, Kamenev, RSDRP (b), Great Russian Revolution, agitation, propaganda, Petrograd, Central Committee.

В пропаганде большевистских идей после Февральской революции наряду с периодической печатью и летучими листовками ключевую роль играла устная агитация. В революционной обстановке, затронувшей интересы практически всех слоев населения, митинг

становился одной из основных форм выражения отношения широких народных масс к быстро меняющейся политической конъюнктуре. В этих условиях агитация приобретала особое значение. Основной задачей большевистских агитаторов в период апреля – июня

Вячеслав Николаевич Самоходкин – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, e-mail: feoclistus-sicilicius@yandex.ru

Vyacheslav N. Samokhodkin – postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Institute of History

В.И. Ленин считал раскрытие противоречий между интересами капиталистов и волей большинства населения, направляя тем самым «на них внимание народа, стараться прояснять сознание масс, обращаясь к их классовому сознанию» [1, с. 389].

В настоящей статье освещается деятельность одного из виднейших представителей партии большевиков Г.Е. Зиновьева в качестве агитатора в период с апреля по июнь 1917 г. Верхней хронологической границей нашего исследования является приезд Зиновьева в Петроград 3 (16) апреля, нижней – начало июльских событий, в результате которых он вместе с В.И. Лениным перешел на нелегальное положение.

Прежде всего отметим, что агитационная работа была одним из приоритетных направлений деятельности Зиновьева. Вместе с тем в исследуемый период он бок о бок с В.И. Лениным редактировал газету «Правда» (причем впоследствии вспоминал, что период с апреля по июль 1917 г. в их совместной с Владимиром Ильичом редакторской работе был наиболее насыщенным и напряженным¹), активно писал статьи, а также занимался организационной работой в партии и Петроградском совете.

Ораторский талант Зиновьева был признан современниками – как соотечественниками [2, с. 28], так и иностранцами [3, с. 148], что выделяет его среди других большевистских агитаторов. Один из талантливейших ораторов эпохи Л.Д. Троцкий замечал, что Григорий Евсеевич был «оратором исключительной силы», способным «проникать в душу демоса и играть на ее струнах» [4, с. 50–51], подчеркивая при этом, что по своей сути «Зиновьев был агитатором и даже, по выражению Ленина, только агитатором» [5, с. 296].

Зиновьев, будучи наиболее видным (после В.И. Ленина) членом ЦК, сыграл важную роль в выработке тех идей, которые пропагандировал как он сам, так и другие большевистские агитаторы.

Наконец, следует отметить что в отечественной историографии роль Г.Е. Зиновьева в событиях 1917 г. в советский период по идеологическим причинам освещалась весьма предвзято, а в постсоветский пока не привлекла внимания исследователей. В отечественной историографии во многом благодаря написанным после 1934 г. мемуарам участников событий (см., например: [6, с. 12]) сложилось мнение, что Г.Е. Зиновьев начал выступать против Ленина еще весной 1917 г., уже тогда проявляя колебания, которые, в конечном счете, к октябрю и привели его в оппозицию по отношению к плану вооруженного восстания (см., например: [7]).

Агитационная работа Г.Е. Зиновьева в России началась тотчас же по пересечении финской границы при возвращении из эмиграции лидеров РСДРП(б) (см., например: [8]). Тогда, 3 (16) апреля на станции «Белоостров», именно Зиновьев, выйдя на площадку вагона, произнес перед встречавшими Ленина

сестрорецкими рабочими «небольшую, но горячую речь – первую на территории революционной России» [9, с. 222].

На следующий день, 4 (17) апреля 1917 г., выступая перед большевиками-участниками Всероссийского совещания Советов, В.И. Ленин назвал вопрос об отношении к войне основной проблемой текущего момента [1, с. 103]. Согласно же второму ленинскому программному тезису, «своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства» [1, с. 106]. Таким образом, пропаганда среди рабочих масс большевистских идей для подготовки их к новому этапу революции стала важнейшим направлением политики РСДРП(б) вплоть до перехода власти к Советам.

Зиновьев немедленно взялся за воплощение в жизнь политики, намеченной Лениным в его знаменитых «апрельских тезисах». Считавшийся в партии одним из ведущих экспертов по Интернационалу и войне, он первым делом принялся разъяснять рабочим массам именно эту проблему.

Согласно биографическим материалам из хранящегося в Российском государственном архиве социально-политической истории личного фонда Г.Е. Зиновьева, 9 (22) апреля в актовом зале политехникума состоялась его первая, с момента возвращения в Россию, публичная лекция «Война и революция»². 10 (23) апреля Григорий Евсеевич выступил на аналогичную тему в казармах Измайловского полка³, где, кроме него, произнес речь В.И. Ленин [1, с. 187]. На сеанс очередной лекции, прочитанной Зиновьевым в здании политехникума 11 (24) апреля, собралось примерно 2 тыс. чел. [10, с. 770]. 16 (29) апреля аналогичное выступление состоялось в зале Морского корпуса, где присутствовали уже около 3 500 чел. В программу лекции пришлось добавить вопрос о поездке через Германию. Стоит отметить, что Зиновьеву уже приходилось выступать на эту тему, правда, перед однопартийцами, а также перед членами Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов [11, с. 73].

Лекция «Война и революция» оказалась весьма популярной: буквально на следующий день, 17 (30) апреля, в помещении Бетонного плаца Галерного завода послушать Зиновьева собрались уже 15 тыс. чел. По итогам выступления огромная аудитория решила вынести резолюцию, в которой выразила «полное доверие товарищам Ленину и Зиновьеву и другим эмигрантам», а также протест против их травли [10, с. 771]. Документ был под гром аплодисментов принят единогласно, а оратора слушатели вынесли на руках. Восторженные рабочие и солдаты, постро-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 324. Оп. 1. Д. 492. Л. 4–6.

² Там же. Д. 5. Л. 68.

³ Там же.

ившись у дверей, кричали лектору «ура!». Последнее выступление Зиновьева с лекцией «Война и революция» состоялось в театре «Колизей» 23 апреля (6 мая) [10, с. 772].

Впрочем, только этой темой репертуар Зиновьева как революционного трибуна не ограничивался. 18 апреля (1 мая) он произнес на Марсовом поле перед рабочими пространную речь об истории первомайского праздника, а 12 (25) мая выступил с речью на митинге, собравшемся в знак протеста против осуждения на смертную казнь австрийского социал-демократа Фридриха Адлера⁴, убившего министра-президента Австро-Венгрии графа Карла фон Штюргка, персону которого ассоциировалась у австрийцев с перегибами политики военного абсолютизма [12, с. 55].

На содержании лекций Зиновьева о войне и революции газета «Правда», в которой помещались краткие отчеты о них, подробно не останавливалась. Но, как мы полагаем, выступление Григория Евсеевича на совещании делегатов с фронта, открывшемся 25 апреля (8 мая) в Петрограде, как раз и было «фирменной» зиновьевской лекцией «Война и революция». Публикуя в 1925 г. 7-й том «Сочинений» Зиновьева, в комментариях к основному тексту редакционная коллегия не без сожаления отмечала, что стенограмма его речи на совещании делегатов с фронта не обнаружена. Все, что удалось выявить тогда, это заметки о выступлении, помещенные в газетах «Речь» и «Новая жизнь» [13, с. 57]. Однако стенографический отчет Совещания делегатов с фронта не только существует, но даже был опубликован в виде нумерованных бюллетеней вскоре после его закрытия. Ввиду того, что выступление Зиновьева на этом мероприятии является, по существу, единственной найденной стенограммой его доклада о войне и революции, с которым он выступал ранее перед самыми разнообразными собраниями рабочих, а также на Всероссийском крестьянском съезде, мы считаем необходимым остановиться на этом эпизоде подробнее.

Съезд фронтовых делегатов, по сообщению большевистских газет, прошел под лозунгом соглашения с буржуазией⁵. Григорий Евсеевич выступил на нем в качестве приглашенного делегата от РСДРП(б) [14, с. 37]. 30 апреля (13 мая), когда совещание заседало непрерывно с 10 утра до 19 вечера, на повестке дня значилось два доклада: военного министра А.И. Гучкова и представителя большевиков Г.Е. Зиновьева.

А.И. Гучков в своем часовом выступлении патетически призывал делегатов с фронта «к прозрению», поскольку, по мнению министра, иначе, как победив Германию, спасти родину и революцию не удастся. Для этого необходимо умерить шаги и без того далеко зашедшей военной демократии: оратор требовал соблюдения железной дисциплины вплоть до победы Антанты в войне⁶.

Вслед за Гучковым от партии большевиков выступил Зиновьев. Трехчасовая речь, которую оратор произносил практически не останавливаясь, лишь изредка делая короткие паузы, необходимые для поправки дыхания, произвела большое впечатление на фронтовых делегатов.

Зиновьев начал с того, что попытался оправдать себя перед совещанием за проезд через Германию, пространно и вполне убедительно доказывая, что русские эмигранты попросту не могли поступить иначе, и, отметив, что в это самое время тем же путем, как и большевики, в Россию возвращаются политэмигранты-меньшевики. Объяснения выступавшего встретили сочувственный отклик почти у всей аудитории. Обличительные нападки Зиновьева на европейский капитализм произвели на публику «несомненное впечатление», однако, когда оратор перешел от истории к нынешнему моменту, его постигла неудача. На многочисленные вопросы публики «как закончить войну?», Зиновьев вынужден был не раз ответить, что «к сожалению, рецепта окончания войны» у него нет. Неясной для делегатов оказалась и позиция доклада по вопросу о братаниях солдат на фронте⁷.

Тем не менее Зиновьев развернуто изложил позицию большевиков по вопросу о мире. «Мы зовем вас, – убеждал Зиновьев делегатов-фронтовиков, – не к сепаратному миру с Вильгельмом⁸ и переговорам с ним, а к тому, чтобы, свергнув власть капиталистов у нас, взяв власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, объединиться с рабочими всех стран, чтобы низвергнуть всех капиталистов, а о сепаратном мире нет речи» [14, с. 42]. Зиновьев заметил, что, с другой стороны, большевикам приписывают еще один «рецепт окончания войны», будто бы они призывают солдат просто воткнуть штыки в землю и уйти. «Оттого, что одна из 10 воюющих стран уйдет, война не кончится» [14, с. 43], – заявил Зиновьев, открестившись, таким образом, от сепаратного мира как «сверху», так и «снизу». Оказавшись у власти, он, в числе совсем немногих в партии, займет совершенно другую позицию, с самого начала поддержав В.И. Ленина по вопросу о Брестском мире.

Коснулся Зиновьев в своей программной речи и земельного вопроса. От имени большевиков он высказался за немедленный переход земли к крестьянам, не дожидаясь Учредительного собрания, созыв которого правительство бесконечно откладывало. Заканчивая свое пространное выступление, Григорий Евсеевич громогласно объявил, что большевики выступают «за диктатуру крестьян и рабочих», «за власть Советов рабочих и солдатских депутатов» [14, с. 44].

Так как в президиум была подана масса записок с вопросами – сам оратор заметил, что их поступило более сотни [15, с. 7], Зиновьев начал на них отвечать. Однако, по настоянию аудитории, президиум принял

⁴ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 5. Л. 68–69.

⁵ См. например: Правда. 1917. 9 мая (26 апр.).

⁶ Новая жизнь. 1917. 2 (15) мая.

⁷ Там же.

⁸ Вильгельмом II – германским императором. – В.С.

решение изменить традиционный порядок прений. Так как на съезде от Исполнительного комитета Петроградского совета присутствовал И.Г. Церетели⁹, лидер меньшевиков, стоявший, как известно, на оборонческих позициях (см. например: [16, с. 42–43]), но имевший наибольшую среди всех советских вождей популярность в народе, его попросили оппонировать представителю большевиков. Было решено, что по каждому вопросу выскажутся два оратора: сначала Зиновьев, а затем его оппонент. Правда, в силу утомленности слушателей едва начавшийся диспут пришлось отложить до следующего дня.

1(14) мая совещание попросило товарищей Зиновьева и Церетели продолжить дискуссию [15, с. 1–2]. Делегаты интересовались отношением представителей диаметрально противоположных крыльев российской социал-демократии к Временному правительству, к войне, к «Займу свободы» и земельному вопросу¹⁰. Зиновьеву пришлось во многом повторять свой доклад. Он заявил, что, по мнению большевиков, революции, перед которой стоят колоссальные задачи, необходима сильная власть, и Временное правительство менее всего соответствует этому критерию. Вся власть должна перейти в руки Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но лишь тогда, когда большинство населения выскажется за это [15, с. 2], мирным путем. Здесь важно отметить, что Ленин в тот период не пояснял, каким именно образом управление государством должно перейти от Временного правительства к Советам. Вполне возможно, что такую формулировку Зиновьев позаимствовал у Л.Б. Каменева – основного оппонента Ленина в партии по вопросу о завершении в России буржуазно-демократической революции, с которым Григорий Евсеевич в тот период совместно работал в Петроградском совете. Однако в дебатах, развернувшихся вокруг разногласий Ленина и Каменева на Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б), Зиновьев поддержал ленинскую позицию, называя при этом вопрос о переходе власти в руки Советов «нервом всей нашей агитации и плана» [17, с. 164]. Тогда он разошелся с Владимиром Ильичом только по вопросу о тактике партии в Циммервальдском блоке [17, с. 211–214].

Церетели отчаянно возражал Зиновьеву по каждому вопросу, требуя от большевиков не на словах, а на деле подчиниться Совету и его исполкому. Защищая оборонческую точку зрения, он призывал предоставить важнейшие вопросы, в том числе и земельный, на решение Учредительного собрания. По свидетельству корреспондента «Новой жизни», «делегаты с большим вниманием слушали диспут и аплодировали то одному, то другому оратору одинаково горячо, но, тем не менее, сочувствие громадного большинства оказалось на стороне Церетели»¹¹. После этого Зиновьев покинул совещание.

Церетели в последующих своих выступлениях старался посредством ораторского таланта искоренить появившиеся в умах части делегатов-фронтовиков ростки большевистских идей, посеянных Зиновьевым. Уже на следующем заседании один из делегатов, некто штабс-капитан Богданов, заявил, что «Зиновьев бросает лозунги и сам не делает никаких выводов. Выводы делает армия. Люди бегут, соблазненные лозунгами Зиновьева»¹². Учитывая официальный характер совещания, а также значительную долю офицеров среди делегатов, выполоть «сорняки» большевистских идей на оборонческий манер оказалось довольно просто. Тем не менее «бой» народных трибунов, продлившийся два дня, не прошел даром: Церетели был вынужден в конце концов заявить, что Петроградский совет «добивается не только опубликования договоров, нарушающих права народов», но и их «отмены, которая должна быть сделана в согласии с народами Антанты» [13, с. 57]. Таким образом, лидер оборонческого крыла РСДРП буквально повторил пункт большевистского программного доклада, посвященного этому вопросу.

4 (17) мая в Народном доме в Петрограде прошел Всероссийский крестьянский съезд [13, с. 137]. Открывавший его С.С. Маслов выделил стоявшие перед съездом задачи, главнейшими из которых декларируются «централизация и оформление мнения крестьян», а также необходимость посредством российского крестьянства «заставить всех выполнить обязанности свои перед родиной»¹³. 11(24) мая, на 8-й день заседаний съезда, от партии большевиков с докладом по вопросу о войне выступил Г.Е. Зиновьев. По сути, содержание зиновьевской речи было тем же, что и на прежних выступлениях. Оратор выступал за публикацию тайных договоров, за мир «без аннексий и контрибуций» на основе самоопределения народов, а также, по требованию крестьянских делегатов, выразил, хоть и весьма туманно, свое отношение к брациям солдат на фронте¹⁴.

Проект резолюции о войне, внесенный группой большевиков, встретил несогласие у эсеровского большинства [13, с. 137]. Речь Зиновьева вызвала различную реакцию среди делегатов съезда – значительная часть не разделяла большевистских лозунгов, раздавались крики: «Товарищ Зиновьев, в окопы!»¹⁵. Однако без аплодисментов Григорий Евсеевич все же не остался.

Новый виток антивоенных лекций Г.Е. Зиновьева начался после провала так называемого «наступления Керенского» на Юго-Западном фронте, первые известия о котором до общественности Петрограда дошли 18 июня (1 июля). 21 июня (4 июля) с докладом по этому поводу он выступил в Городской думе¹⁶.

¹² Там же. 3 (16) мая.

¹³ Там же. 5 (18) мая.

¹⁴ Там же. 12 (25) мая.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 5. Л. 72.

⁹ Новая жизнь. 1917. 2 (15) мая.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

30 мая (12 июня) открылась Первая петроградская конференция фабрично-заводских комитетов, на которую съехалось 568 делегатов [18, с. 70]. Особенно весомую роль в ее организации сыграл Петербургский комитет большевиков. Наряду с организационной деятельностью РСДРП(б) и ее вожди по-прежнему особое внимание уделяли идее «рабочего контроля», и с приходом революции в российскую действительность почувствовалась острая потребность конкретизировать и объяснить пролетариату лозунг «рабочего контроля на производстве» с целью воплощения его в жизнь. Особо внимательное отношение к движению фабзавкомов и их конференции проявили В.И. Ленин и Г.Е. Зиновьев, участвовавшие в работе конференции и выражавшие на ней линию партии по всем основным вопросам [18, с. 68].

Зиновьев выступил на этой конференции с докладом о состоянии промышленности и необходимости ввести рабочий контроль над производством [10, с. 786]. Он резко критиковал фабрично-заводские комитеты за то, что они состоят на «побегушках» у хозяев, в то время как у самих фабзавкомов в революционных условиях есть все шансы вести себя, как хозяева [19, с. 77]. Когда собравшиеся принялись обсуждать вопрос о контроле над производством и распределением продуктов, Зиновьев от имени Организационного бюро по созыву конференции огласил большевистский проект резолюции о мерах борьбы с хозяйственной разрухой [18, с. 86].

В резолюции утверждалось, что катастрофу, которая постигла хозяйственную жизнь страны, классическими капиталистическими методами преодолеть нельзя. Для подлинного выхода из страшного кризиса необходимо установление действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов. Резолюция давала рецепт для организации рабочего контроля: во-первых, признавалось необходимым, чтобы на всех производственных предприятиях и в связанных с ними учреждениях за рабочими было обеспечено не менее 2/3 всех голосов, при обязательном привлечении к участию как не отошедших от дела предпринимателей, так и технически-научно-образованного персонала; во-вторых, необходимо, чтобы фабричные и заводские комитеты, равно как и профессиональные союзы, получили право сотрудничать в контроле, с полным доступом ко всем торговым и банковским книгам, а также данным о торговых операциях, проводимых на конкретном предприятии [18, с. 86].

Меры предлагались вводить постепенно и продуманно, но в то же время безо всякой оттяжки – именно благодаря этим шагам рабочий контроль должен перерасти в полное регулирование производства и распределения продуктов рабочими. Таким образом, как отмечалось в резолюции, в руки народа перейдет «большая часть прибылей».

Резолюция констатировала, что оздоровление финансовой системы и «всего денежного дела» невоз-

можно вплоть до прекращения войны. Ввиду этого предполагалось организовать в широком областном, а затем и общегосударственном масштабе обмен сельскохозяйственных орудий, одежды, обуви и прочей продукции на хлеб и иные сельскохозяйственные продукты – но только на время войны. После этого был возможен переход к всеобщей трудовой повинности под контролем народной милиции, а также перевод рабочих с военного на мирное производство. Заканчивалась резолюция констатацией того, что планомерное и успешное проведение вышеуказанных мер возможно только в случае перехода всей государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов [18, с. 87].

Вслед за Зиновьевым «новожизненец» Б.В. Авиллов предложил свой проект резолюции, на который с критикой обрушился В.И. Ленин, отметивший, что «резолюция Авиллова, начавшая с того, что обещала дать все, закончила тем, что в сущности предлагает все оставить по-старому» [18, с. 92].

По итогам прений была принята резолюция Зиновьева, за которую было подано 290 голосов [18, с. 70], в то время как за проект Авиллова – лишь 13. Данная резолюция, по словам исследователя Н. Дмитриева, «заполнила конкретным большевистским содержанием по существу абстрактный лозунг рабочего контроля» [19, с. 84]. Важно отметить, что этот документ уже после Октябрьского переворота, когда большевистские лозунги о «рабочем контроле» активно старались реализовать на практике, вполне продолжали воспринимать как инструкцию по осуществлению «рабочего контроля» [20, с. 106–107].

Подводя итоги, стоит отметить, что в условиях «первого периода революции», когда агитация играла одну из ключевых ролей в политике РСДРП(б), Г.Е. Зиновьев внес значительный вклад в борьбу РСДРП(б) за привлечение широких масс на сторону большевиков. Партия поручала ему выступления на наиболее важную и злободневную на тот момент тему – о войне и революции – перед аудиторией, сочувствие которой большевикам было не слишком велико. При этом агитационная работа Зиновьева в данный период находилась «в русле» программных «апрельских тезисов» В.И. Ленина, а это позволяет сделать вывод о том, что причину перехода Зиновьева в оппозицию к Ленину накануне Октябрьской революции стоит искать в последующих событиях. Скорее всего, этот переход был связан именно с июльским кризисом и вызванными им гонениями на большевиков, на основании чего Зиновьев сделал вывод, что РСДРП(б) еще не готова к захвату власти, и в этом он оказался вполне солидарен с Л.Б. Каменевым. Кроме того, в сложившихся после июля 1917 г. условиях в деятельности РСДРП(б) в Петрограде все более преобладала уже не пропагандистская, а организационная работа, а эта сфера отнюдь не была сильной стороной Григория Евсеевича [21, с. 260].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. М., 1969. Т. 31: март – апрель 1917. 671 с.
2. Луначарский А.В. Григорий Евсеевич Зиновьев (Радомысльский): сборник работ. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 28–31.
3. Хильгер Г., Мейер А. Россия и Германия. Союзники или враги? М.: Центрполиграф, 2008. 413 с.
4. Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Терра; Республика, 1997. Т. 2. Ч. 1. 317 с..
5. Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Терра; Республика, 1997. Т. 1. 461 с.
6. Сталь Л.Н. Вожьд Октября: Ленин в 1917 году: воспоминания. М.: [Политиздат], 1967. С. 11–14.
7. Волин Б. Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич // Большая Советская Энциклопедия. М.: ГСЭИ Советская Энциклопедия, 1933. Т. 27. С. 48–51.
8. Смолін А.В. 1917 год: Торнео – дорога в Россию // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 19–53.
9. Раскольников Ф.Ф. Приезд Ленина в Россию // Пролетарская революция. 1923. №1(13). С. 212–226.
10. Зиновьев Г. Год революции. Л.: Госиздат, 1925. 836 с.
11. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и бюро М.; Л., 1925. 375 с.
12. Бауэр О. Австрийская революция 1918 года. М.; Л., 1925. 294 с.
13. Зиновьев Г. Сочинения. Л.: Госиздат, 1925. Т. 1, ч. 1. 559 с.
14. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 30 апреля 1917 г. [Пг., 1917]. 65 с.
15. Стенографический отчет делегатов фронта. Заседание 1 мая 1917 г. [Пг., 1917]. 46 с.
16. Рачковский В.А. Война и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в феврале–марте 1917 г. // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 39–47.
17. Седьмая («Апрельская») всероссийская и Петроградская общегородская конференции РСДРП(б): апрель 1917. [Протоколы]. М.: Партиздат, 1934. 311 с.
18. Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1.: От февраля к октябрю. М.; Л., 1927.
19. Дмитриев Н. Петроградские фабзавкомы в 1917 г. // Красная летопись. 1927. № 2(23). С. 62–100.
20. Шестая Конференция ФЗК, Петербург, 22–27.I.1918: Протоколы и материалы. СПб., 2002. 501 с.
21. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М.: Книга по требованию, 2013. 357 с.
2. Lunacharskiy A.V. Grigoriy Evseevich Zinov'ev (Radomysl'skii). *Sbornik rabot*. Moscow, 2014, pp. 28–31. (In Russ.).
3. Hil'ger G., Meyer A. Russia and Germany. Allies or enemies? Moscow: Tsentrpoligraf, 2008, 413 p. (In Russ.).
4. Trotsky L.D. History of the Russian Revolution. Moscow: „Terra“ Respublika, 1997, vol. 2, part 1, 317 p. (In Russ.).
5. Trotsky L.D. History of the Russian Revolution. Moscow: „Terra“ Respublika, 1997, vol. 1, 461 p. (In Russ.).
6. Stal' L.N. Leader of October. *Lenin in 1917: memories*. Moscow, 1967, pp. 11–14. (In Russ.).
7. Volin B. Zinov'ev (Radomysl'skiy) Grigoriy Evseevich. *Bol'shaya sovestkaya entsiklopediya*. Moscow, 1933, vol. 27, pp. 48–51. (In Russ.).
8. Smolin A.V. 1917: Torneo – a road to Russia. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2015, no. 2, pp. 19–53. (In Russ.).
9. Raskol'nikov F.F. The arrival of Lenin to Russia. *Proletarskaya revolyutsiya*. 1923, no.1, pp. 219–226. (In Russ.).
10. Zinoviev G. Year of the Revolution. Leningrad, Gosizdat, 1925. 836 p. (In Russ.).
11. Protocols of meetings of the Executive Committee and the Bureau of the Executive Committee. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1925, 375 p. (In Russ.).
12. Bauer O. The Austrian Revolution of 1918. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1925, 294 p. (In Russ.).
13. Zinoviev G. Collected works. Vol. 1, pt. 1. Leningrad, Gosizdat, 1925, 559 p. (In Russ.).
14. A verbatim report of the front delegates. Meeting on April, 30, 1917 [Petrograd, 1917], 65 p. (In Russ.).
15. A verbatim report of the front delegates. Meeting on May, 1, 1917. [Petrograd, 1917]. 46 p. (In Russ.).
16. Rachkovsky V.A. War and the Petrograd Soviet of Workers 'and Soldiers' Deputies in February-March 1917. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2015, no. 1, pp. 39–47.
17. The Seventh (“April”) All-Russian and Petrograd City Conference of the RSDLP (Bolsheviks): April 1917: [protocols]. Moscow: Partizdat, 1934. 311 p. (In Russ.).
18. October Revolution and factory committees in 1917. Pt. 1. From February to October. Moscow, Leningrad, 1927. 277 p. (In Russ.).
19. Dmitriev N. Petrograd factory committees in 1917. *Krasnaya letopis'*. 1927, no. 2, pp. 62–100. (In Russ.).
20. Sixth conference of factory committees, St. Petersburg, January, 22–27, 1918: protocols and materials. Saint Petersburg, 2002. 501 p. (In Russ.).
21. Trotsky L.D. My life. Moscow, Kniga po trebovaniyu, 2013. 377 p. (In Russ.).

REFERENCES

1. Lenin V. I. Complete set of works: in 55 vol. Moscow, 1969, vol. 31: March–April 1917, 671 p. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 27.04.2017

DOI: 10.15372/HSS20170203
УДК 821.161.1 – 52:323.27

Н.А. СТАРУХИН

**«НА ТОРЖЕСТВЕ ЗЛОБЫ И ЛУКАВСТВИЯ»:
СОБЫТИЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В «СЛОВЕ»
БЕЛОКРИНИЦКОГО ЕПИСКОПА АНТОНИЯ (ПАРОМОВА)**

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье вводится в научный оборот малоизвестное сочинение, принадлежащее епископу Белокриницкой иерархии Антонию (Паромову). Сочинение позволяет выявить отношение авторитетного представителя урало-сибирского старообрядческого епископата к революционным событиям лета–осени 1917 г. Проанализирован основной круг источников памятника, составленного в жанре политически заостренного «слова» и обращенного к собственной пастве. Показано, что за счет расширения круга используемых работ, включая отдельные труды идеологических противников, Антонию удалось актуализировать используемый текст, экстраполировать его на происходящие в общественной жизни страны события. Белокриницкий иерарх демонстрирует непримиримость в оценках действий вождей социалистических партий разной направленности.

Ключевые слова: старообрядчество, революция, белокриницкое согласие, эсхатология, полемика.

N.A. STARUKHIN

**“TRIUMPH OF EVIL AND SLYNESS”:
DEVELOPMENTS OF THE RUSSIAN REVOLUTION IN “PROCLAMATION”
OF BELOKRINITSKIY BISHOP ANTONIY (PAROMOV)**

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article deals with historiographically unstudied work of a famous Ural and Siberian bishop of the Belokrinitzskaya hierarchy, Antoni (Paromov), which was published in one of the last issues of “*Sibirskiy Staroobryadets*”, a diocese journal that is edited in Barnaul. In the first place “*Proclamation*” of bishop Antoni is interesting as it provides the direct reaction of the Old Believers’ bishop on the revolution developments of the year 1917. In the work under investigation, with the polemic attacks against ideological ex-opponents of the Belokrinitzskiy Old Believers – the supporters of not named priestless sects are kept to a minimum. The main accent is made on critics of the socialist parties, which was a reaction to their rise in August–September of 1917. For this purpose bishop Antoni uses separate works and periodicals published by A. Bebel, M. Gorkiy. Originality of the author’s approach is seen in the updating of the above named texts, their extrapolation on the contemporary developments of the Russian life, and – not very characteristic for “Austrians” – an active use of the Old Testament – 3 Esdras (non-canonical). One can notice definite rigidity of the Belokrinitzskiy bishop in the evaluation of different socialist parties’ leaders conduct. In our opinion, the published composition confirms conclusions of the researchers, who repeatedly pointed to both the acuteness of eschatological feelings initially inherent to the Old Believers’ movement, as well as the entwinement of social and religious motives in it. It testifies that politization of society in the period of “three revolutions” affected such conservative social groups as Old Believers. Foremost it refers to the Belokrinitzskaya (“Austrian”) group of Old Believers. Revolutionary events of the year 1917 can be considered a definite period in political activities of the Belokrinitzskiy communities.

Key words: Old Believers, revolution, Belokrinitzskaya group of Old Believers, eschatology, polemics.

Причины и последствия острейшего социального кризиса, вызванного революционными преобразованиями 1917 г., являются одной из дискуссионных проблем

в отечественной историографии [1, с. 112–123]. Политизация общества в период «трех революций», связанная с резко изменившимся курсом правительства, затро-

Николай Алексеевич Старухин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: prognostika@mail.ru.
Nikolay A. Starukhin – Candidate of Historical Sciences, Research Officer, Institute of History SB RAS.

нула и такие, казалось бы, сугубо консервативные слои населения, как старообрядчество [2]. Степень участия в политической жизни страны староверов определялась принадлежностью как к определенному согласию, так и к той или иной группировке внутри одного согласия. Идейные предпочтения этих группировок нередко разнились между собой.

В статье речь пойдет о белокриницком («австрийском») согласии, которое в наибольшей степени было затронуту отмеченными выше процессами политизации. Революционные события 1917 г. можно считать определенным этапом в политической деятельности белокриницких общин, отразившимся и на процессе литературного творчества¹. Например, статус «политических» получили 18-й и 19-й съезды – последние всероссийские съезды белокриницких, состоявшиеся в мае и августе 1917 г. в Москве. Выдвигалась инициатива создания центральных выборных органов, координирующих политическую деятельность старообрядцев основных согласий. После октября 1917 г. их деятельность будет перенесена в региональные старообрядческие центры – Урал и Сибирь [3]. Инициативы сибирских староверов в области общественно-политической жизни страны прослеживаются в 1918–1919 гг., после установления власти Колчака². В указанный период в согласии усиливаются консервативные настроения, прослеживается стремление дистанцироваться как от «правых», так и от «левых» партийных течений. Как и во всякую переломную эпоху, старообрядческая идеология приобретает традиционную эсхатологическую окраску.

Эсхатологические переживания, что неоднократно подчеркивалось дореволюционными и современными исследователями, изначально являлись отличительной чертой старообрядческого движения. Постоянное осмысление апокалиптических и библейских текстов, перенос их сюжетов на богатую событиями русскую действительность способствовали появлению разноплановых по объему, жанрам и уровню сочинений.

Ученые указывали на повторяющуюся с завидной регулярностью переработку «ревниителями старины» антикатолических и антипротестантских идей, изложенных в полемических сборниках и изданных незадолго до раскола Русской церкви – Кирилловой книге (1644 г.) и Книге о вере (1648 г.) [4; 5; 6]. Как показали исследования последних лет, названные сборники использовались не только в полемике с официальной («никонианской») церковью или представителями других согласий, но и против собственной администрации. Расширяется и корпус источников, используемых в сочинениях как за счет переводной литературы, так и гражданских и периодических изданий. Эти идеи окажутся весьма востребованными и при оценке староверами социальных катаклизмов рубежа 1920-х гг., когда лидеры разных общин в очередной раз будут вынуждены обратиться к сюжетам Апокалипсиса [7, с. 29].

Одним из ярких, и, насколько известно, первым по времени возникновения памятником урало-сибирских «австрийцев», который посвящался теме «последних вре-

мен» после падения монархического режима, является «Слово» епископа Антония (Паромова). Озвученное на одном из епархиальных съездов староверов Белокриницкой иерархии в Екатеринбурге в сентябре 1917 г. сочинение белокриницкого епископа имеет характерные черты древнерусских «слов». Во-первых, оно предназначалось для достаточно широкого круга единомышленников. Во-вторых, «слово» политически заострено, что явно сближает данное сочинение с жанром «политических слов» (его разновидностью). В-третьих, в нем ставятся общественно значимые, широкого социального-философского охвата проблемы. Белокриницкий архиерей³ ранее уже рекомендовал себя в разработке эсхатологической тематики [8, с. 33; 7, с. 233–238].

Сочинение было опубликовано в 14-м номере епархиального журнала «Сибирский старообрядец» 28 июля 1919 г. по новому стилю. (В журнале после календарной реформы начала 1918 г. принципиально указывалось две даты – по новому и старому стилю.) Указанный печатный орган издавался в Барнауле – с декабря 1918 г. по август 1919 г. Одним из главных инициаторов его издания являлся известнейший столичный апологет и общественный деятель «австрийцев» Ф.Е. Мельников [8, с. 167–168, 253–254]. Журнал отличала ярко выраженная антибольшевистская позиция, и не удивительно – сам Мельников после прихода к власти, как он выражался, «товарищей» выехал из Москвы. По прибытии в Сибирь Федор Ефимович продолжил свою активную деятельность, причем не только на поприще старообрядческой общественной жизни [9, с. 61–65]. Этим объясняется и редакционная политика журнала: «служить возрождению» не просто «христианства», но и «великой, единой и независимой России»⁴.

Сочинение получило обширное наименование: «Слово преосвященного Антония епископа Пермского и Тобольского, читанное при открытии V-го епархиального старообрядческого съезда 24 сентября 1917 г. в г. Екатеринбурге»⁵. Перепроверить эти данные нет возможности – архив редакции, равно как и другие источники, в которых могла бы содержаться необходимая информация, на сегодняшний день не выявлен. Не ясно, сохранились ли и сами материалы екатеринбургского съезда. Единственное упоминание о нем имеется в одной из работ уральского археографа С.А. Белобородова [10, с. 164]. Но С.А. Белобородов не указывает источники, которые он использует в работе, как и точную дату названного епархиального съезда. Вероятнее всего, указанный епархиальный съезд был приурочен ко второму урало-сибирскому съезду «старообрядцев всех согласий», проходившему 5–6 октября 1917 г. в Екатеринбурге [2, с. 339]. Как известно, одним из основных обсуждаемых на последнем съезде вопросов являлись предстоящие выборы в Учредительное собрание. Из сведений, извлеченных из материалов аналогичных урало-сибирских съездов 1917–1918 гг., видно, насколько старообрядческие общества не были едины в своих политических пристрастиях. Среди крестьянской

¹ Слово церкви. 1917. № 10–11. С. 197–198.

² Сибирский старообрядец. 1919. № 13. С. 1–6.

³ Там же. 1918. № 1. 1 (14) декабря. С. 14–15.

⁴ Там же. С. 1.

⁵ Там же. 1919. № 14. 15 (28) июля. С. 1.

массы как на Урале, так и, к примеру, на Алтае преобладало влияние партии эсеров. Закономерно, что в своем сентябрьском выступлении уральский иерарх высказал опасения относительно именно «левых» партий. Обращают на себя внимание и ярко выраженные антимонархические настроения староверов. Так, уже в начале работы епархиального съезда, состоявшегося в Барнауле в июле 1917 г., мнения его участников «относительно царей» в большинстве своем совпали – «цари установление человеческое», и с «христианской» точки зрения «обязательными считаться не могут»⁶.

Примечателен и факт публикации «Слова» епископа Антония в одном из самых последних из дошедших до нас номеров «Сибирского старообрядца». Впрочем, можно сделать предположение о наличии сочинения в «редакторской папке» задолго до публикации, связав это с многочисленными поездками Ф. Мельникова по Сибири, с его издательской деятельностью и обширными личными связями. Толчком к публикации могли послужить, прежде всего, осознание агонии колчаковского режима, определенная эволюция редакторской позиции. Обнаруженные в последних номерах журнала популистские обещания колчаковского правительства (например, о передаче земли в собственность крестьян, обращения самого адмирала Колчака) явно диссонируют с заметками о массовой миграции старообрядческого населения из зоны боевых действий в более труднодоступные места, о расправах красноармейцев на освобожденной от войск «верховного правителя» территории, подогревавших апокалиптические настроения.

Публикуемая работа хорошо структурирована. Она имеет вводную, основную и заключительную части. В основной части логично отделяются доказательства наступления «времени антихриста» (епископ являлся сторонником чувственного прихода Антихриста, что он неоднократно подчеркивал), изложенные на основании редко используемой в среде белокриницких неканонической книги Ветхого завета 3 Ездры, от другой части, где рассматриваются «знамения», исключительно связанные с последней книгой Нового завета – Апокалипсисом, или Откровением Иоанна Богослова. Вполне самостоятельной выглядит часть, в которой делается разбор учения «вождей социализма». В отдельных случаях библейские тексты перемежаются цитатами из Кирилловой книги и Книги о вере, апостольскими посланиями.

Стиль «Слова» епископа Антония достаточно архаичен, как и круг привлекаемых им источников. Исключения составляют работы трех авторов – А. Бебеля, белокриницкого епископа Михаила (Семенова) и одна из статей Максима Горького из газеты «Новая жизнь» (в источнике названа ошибочно «Наша жизнь»⁷). Для творчества епископа Антония в целом характерны обостренные эсхатологические переживания, попытки связать события в Рос-

сии с мировыми. Основная идея, которую он стремится донести в своем «Слове»: время прихода Антихриста близко, и нужно приложить все усилия, чтобы не отпасть от веры. Если прежняя борьба христиан заключалась, по его мнению, в противостоянии собственным страстям и ересям, то теперь наступает наиболее сложный период – «надлежит братия и с богоотступниками, с вольнодумцами».

Довольно подробно архиерей останавливается на разборе социалистического учения. Это сближает его с трудами подобного плана уже упоминавшегося выше известного белокриницкого апологета Ф.Е. Мельникова⁸. Справедливость гибели монархических режимов, замена их республиканскими и демократическими формами правления, предсказанная, по мнению Ф. Мельникова, «ясновидящими пророками», не вызывает у него сомнения. Но используя соответствующие новозаветные и ветхозаветные тексты, Ф. Мельников не исключает и реставрации монархического режима в России, правда, уже самими «социалистами-революционерами», сделавшими все, по его мнению, чтобы «погубить собственную революцию, втоптать в грязь социализм, упитать братской кровью несчастную Родину, и на развалинах ее воздвигнуть новое монархическое здание»⁹.

Предположение Ф. Мельникова созвучно и прогнозу епископа Антония, сформулированному в его «Слове» следующим образом: «...Социализм переходит в коммунизм и большевизм – захваты, насилия и т.п.»¹⁰. Как можно предположить, это его заключение являлось реакцией белокриницкого иерарха на успехи большевистской партии. Прослеживаются в «Слове» и социальные мотивы, и темы почитания своих учителей, бывших и предполагаемых «гонимых». Белокриницким епископом особо подчеркивается, что революционные события носят характер не только «политико-социального», но прежде всего «экономического переворота».

Текст сочинения публикуется без сокращений, с сохранением орфографии памятника – в соответствии с эдическими приемами, на протяжении ряда лет применяемыми при публикации старообрядческих сочинений в изданиях сектора археографии и источниковедения ИИ СО РАН. Буквы «ять», «і» заменены на «е» и «и»; в конце слов убран «ъ». Раскрытые сокращения помещены в квадратные скобки без оговорок. Исправленные технические погрешности, описки указаны в подстрочных буквенных примечаниях. Сохранены некоторые особенности, допущенные при предыдущей публикации текста: выделения курсивом, многоточия, отдельные написания слов с прописной и строчной букв. Расстановка знаков препинания по возможности приближена к современным требованиям.

⁶ См. материалы краевого съезда старообрядцев белокриницкого, часовенного, поморского согласий, беллопоповцев, состоявшегося в Барнауле 20–24 июля 1917 г. – ГААК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–7.

⁷ См. коммент. 26, 30, 31.

⁸ Мельников Ф.Е. Падение монархий // Сибирский старообрядец. 1918. № 2. 15 (28) дек. С. 6–8. Данная работа требует специального рассмотрения.

⁹ Мельников Ф.Е. Падение монархий // Сибирский старообрядец. 1918. № 2. 15 (28) дек. С. 8.

¹⁰ Сибирский старообрядец. 1919. № 14. 15 (28) июля. С. 5.

**Слово преосвященного Антония епископа Пермского и Тобольского,
читанное при открытии V-го епархиального^{1, а} старообрядческого
съезда^б 24 сентября 1917 г. в г. Екатеринбурге**

«Блюдите, како ходите, яко дни лукави суть» (Ефес[яном]¹⁾)

Возлюбленные отцы и брати <е !^в>

Ввиду^г наступившаго государственнаго испытания, и внутренней экономической разрухи, и надвигающихся извне и изнутри великих и неисчислимых бедствий я решил собрать вас для личного свидания, дабы вкупе поскорбеть и обсудить настоящий момент текущей жизни.

Сопоставляя текущая события с Священным^д писанием, откровением и учением святых отцов Церкви Христовой при трепете сердечном, прихожу к убеждению, что пришествие «страшного зверя» *антихриста* «близ есть, при дверех»², а потому надлежит нам с великим опасством рассмотреть писания о последних днях, и, по апостолу, «блюсти (наблюдать) за собою, как мы ходим», достойно ли званию христиан, – «ибо дние лукави суть».

Чтобы не быть голословным о надвигающемся «злом и лукавом» времени и «о последнем звере», я хочу нечто малое от многого, необъятного предложить вашему^е христианскому вниманию.

Св[ятой] прор[ок]^з Ездра глаголет: «Колико бо^ж изнеможет век от старости, толико умножатся на обитающих злая³» (кн [ига] 3, гл[ава] 14, ст [их] 16), и паки: «Се Аз, рече Господь, наведу на круг земный злая: меч, и глад, и смерть, и погубление: понеже оскверни беззаконие всю землю, и наполнена суть дела их вредная⁴» – (кн [ига] 3, гл[ава] 15, ст[их] 5–6). И паки: «Во время же то, что сотворю, егда придут злая. Се глад, и казнь, и скорбь, и теснота, посланы суть бичи во исправление: и во всех сих не обратятся от беззакония своих, ни бие-ния памятовати будут всегда. Се будет обилие ни во что же на земли, тако, яко возмнят себе бытии управлен мир: и тогда возрастут злая на земли: меч, глад, и велико смятение; от глада бо мнози иже обитают на земли погибнут, и меч сгубит прочих, иже восстанут от глада⁵» (кн[ига] 3, гл[ава] 16, ст[их] 19–23). И паки: «Уже бо приидоша на круг земный злая, и пребудете в них. Не избавит бо вас Бог, понеже согрешисте перед ним⁶» (кн[ига] 3, гл[ава] 15, ст[их] 27).

Из приведеннаго изречения пророка³ видно, что современные события, происходящая не только в нашем отечестве, но и во всем мире, убеждают нас, что то, скорбное и плачу достойное время, о котором святые отцы говорили с великою тугою и вздыханьями, наступает и недалече, ибо тот же пророк глаголет:

«Яко век погуби юность свою, и времена приближаются старетися. На двенадцать бо частей разделен есть век, и приидоша его девять и пол-десятыя части: ошастся же его после долдесятыя части⁷» (кн[ига] 3, гл[ава] 14, ст[их] 10) и еще: «Яко по седьмих тысящах приход его будет⁸» (Кн[ига] о вере, гл[ава] 30, л[ист] 271 об.)

Знамения же^и сия суть его пришествия:

«Сего ради разумевали, во время оно умолкнет, яко время зло есть; навьки возлюбленне, иже тогда человеком лукавство, како восхищают дома и села и праведное от праведнаго отъемлющее. Егда бо сия будут, да веси, яко кончина есть⁹» (Сл[ово] Иппол[ита] Папы Римскаго лист 4 к нач[алу]). О знамениях же^и: «Се дние придут в них же^к живущии на земли обременении будут даньми многими, и скрывается путь правды, и будет *вселенная неплодна от веры*, и умножится неправда паче сея, юже ты видиши¹⁰» (Ездра кн[ига] 3, гл[ава] 5, ст[их] 1).

Из всего вышеприведеннаго явствует, что пришествие лютаго томителя – *антихриста* настает.

Великий апостол Павел, разсуждая о последних днях (к Солунян[ом]) предупреждает, чтобы верующие во Христа «не спешили колебаться умом и слушаться: ни от духа, не от слова, ни от послания», и, указывая признаки Его^л пришествия, говорит: «Да никто же вас прельстит ни по единому же образу: Яко аще не приидит отступление прежде, и открытся человек беззакония, сын погибели, противник и превозносящийся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, яко ему сести в церкви Божии аки богу, показуяще себе, яко бог есть. Не помните ли, яко еще живыи у вас, сия глаголах вам; и ныне удерживающее весте, во еже явитися ему во свое ему время. Тайна уже деется беззакония, точию держай ныне дондеже от среды будет. И тогда

^{1, а} Испр.; в источнике Епархиального;

^б испр.; в источнике Съезда;

^в техническая утрата текста, восстановлено по смыслу;

^г испр.; в источнике В виду;

^д испр.; в источнике священным;

^е испр.; в источнике Вашему;

^з испр.; в источнике Прор[ок];

^ж испр.; в источнике Колико-бо;

³ испр.; в источнике Пророка;

^и испр.; в источнике Знамения-же;

^и испр.; в источнике О знамениях-же;

^к испр.; в источнике в них-же;

^л испр.; в источнике его;

явится беззаконник, его же Господь Иисус убьет духом уст своих и упразднит явлением пришествия своего¹¹) (II Солун[яном] 2, 3–8).

На изречение св. апостола: «Яко еще не придет отступление прежде»... Мы^м, братие, должны обратить особенное внимание, ибо доколе не последует отступления людей от веры во Христа, от веры Бога Небесного, дотоле^н не будет и пришествия в мир последнего антихриста. Первоначально отступление от веры, а затем уже его пришествие для борьбы с оставшимися на земле верными христианами. Поэтому^о мудрование наших братьев безпоповцев, что отступление – суть ереси разных еретиков, не право. Ибо еретики возникли и есть от самых времен апостольских, и продолжают доселе, и пребывают многое множество. Но мы, как «чада света», должны твердо познать и веровать, что прежде отступление от Бога, а потом явится антихрист. На сие и св. Златоуст таковое же толкование полагает, и инии святы мнози. Так и св. Кирилл Иерусалимский глаголет: «Яко антихристу предотечами его место самодержавное царское мира сего уготовано будет, и не мало царей мира сего к престолу его пореченному, слугами его приведены будут и поклонятся, и предадутся ему. Понеже он, последний антихрист, не явится, дондеже первее, по пророчеству, к престолу своему слугами своими семь царей прельстити и прилучити имать¹²» (Кирилл[ова] л[ист] 21)

Из сказанных пророческих и апостольских речений видно, что мы живем на самой вершине, на самом торжестве злобы и лукавствия. Прежде борьба христиан была со страстями плоти и ересями, ныне же надлежит еще браться и с богоотступниками, с вольнодумцами.

Прежде мы боролись и остерегались никоновской церкви и ея последователей, а ныне приходится и настает вступить в борьбу с учениями и последователями вольнодумцев и богоотступников: толстовцев, ренановцев¹³, бебелевцев, марксистов^п и им подобных, и с богоборческим течением так называемой социал-демократии, ибо цель их учения есть разрушение христианской религии и веры в Бога, и даже отрицание существования Бога – Творца всея твари, т.е. проповедь безбожия. Борьба эта с безбожием – далеко труднее, чем с еретиками, а поэтому^р и внимание должно быть сильнее и сознательнее. Ибо тот будет «блажен, кто стоит на страже¹⁴» (Апокалипсис^с), а от сего будет понятно и изречение апостола о том, что прежде пришествия антихриста должно произойти (в массах) отступление от Бога, что мы и видим, и отчасти и испытываем, братия, – ибо главное руководство народов переходит в руки последователей Маркса, Энгельса и др[угих] социалистических вождей, явно ведущих проповедь безбожия, и мы телесно уже под власть их попадаем, что горько и прискорбно, но еще горше будет, если мы по своему небрежению и невниманию попадем и духовно. О, горе тогда, горе!

Время настало нам, братие, воспрянуть, и опасно посмотреть, и вникнуть в настоящее мятущееся явление жизни, дабы этот адский круговорот не затянул и нас в свою пропасть, как об этом говорит св. Ефрем: «Зрите, братия, прелесть, яко от чрева начинает привлекать к себе¹⁵». Сам указывает на экономическое положение и устройство. Антихрист хотя еще и не кладет своей богомерзской печати на чело и на руку, но путь ему уже подготавливается.

Святой Златоуст о сем глаголет: «Егда изгубится Римская власть, тогда антихристова начнется властельство¹⁶» (Кирилл[ова] л[ист] №8).

Римская власть здесь разумеется – власть царей самодержавных, властвовавших на Римском языческом праве, как было и наше Русское. Власть эта от царей переходит к народу, а у последнего восхищают ее «социалисты». Факты налицо, братия, и сомнений в этом не должно быть.

До сего я приводил доказательства от пророков, апостолов и св[ятых] мужей церкви. Далее я хотел бы показать и из самого откровения св. Иоанна о грядущих в последняя лета бедствиях, бываемых за беззакония людей.

Апокалипсис: «Десять рогов яже^т видел еси, десять царей суть, яже царства еще не прияша, но область яко цари на един час примут со зверем¹⁷» (17, 12).

Обратите, братия, внимание: но область, «яко цари, на един час примут со зверем», означает десятирицу государств, и что важно, здесь их не называют царями, «но яко цари»... Не^у президенты ли – братия? – «На^ф един час примут со зверем, т.е. с антихристом, царствование», означает: на короткое время, а не на века.

Сущее: (ст[их] 13) «Сии едину волю имут и силу, и область свою зверю дадут¹⁸».

Зрите, братия, единения десяти рогов, т.е. десяти держав или государств, яко едину будут волю, и силу, и область иметь, т.е. заодно^х будут действовать с антихристом.

^м испр.; в источнике мы;

^н испр.; в источнике до толе;

^о испр.; в источнике По этому;

^п испр.; в источнике Марксистов;

^р испр.; в источнике по этому;

^с испр.; в источнике апокалипсис;

^т испр.; в источнике я-же;

^у испр.; в источнике не;

^ф испр.; в источнике на;

^х испр.; в источнике за одно;

Сущее: (ст[их] 14) «Сии со агнцем брань сотворят и агнец победит их, яко Господь господем есть, и Царь царем, и сущии с ним звании, и избрании вернии»¹⁹.

Десять царей, соединившихся с антихристом за едино, будут гнать и мучить христиан, т.е. как говорит: «Сии со агнцем брань сотворят, но агнец победит я, яко Царь царем... и с ним верующий». Победа останется за тем, кто примет, понесет гонения, и мучения, и самую смерть. По истине, по святых изречения: больше прежних мучеников будет мученик, гонимый антихристом и его слугами или сотоварищами...

Сущее: (ст[их] 15). «И глагола ми (ангел): Воды, яже еси видел идеже любодейца сидит, людие и народи суть, и племена, и языцы»²⁰.

Воды означает весь мир, ангелу яве сказавшу. В 18 гл[аве] во 2-м стихе называет мир всемирным Вавилоном, идеже¹ любодейца сидит. Разве этот Вавилон не заблудил от Божественных заповедей и Бога? Здесь фигура представляется всемирная, Богу тако благоволившу показати судьбу мира.

Сущее: (ст[их] 16). «И десять рогов яже видел еси на звери сии любодейцу возненавидят, и запустевшу сотворят ю, и нагу, и плоть ея снесут и сожгут – огнем»²¹.

Десять рогов – десять государств. Этим означает всемирную войну, как это видим из прочих пророческих изречений, и отеческих пояснений: Златоуста, св. Андрея Уродиваго, и проч[их] святых²². При кончине мира это безпрекословно должно совершится. Отчасти это видим и при настоящем времени совершается. Война всего мира: идет страшное кровопролитие... Миллионы² падают людей, массовое сожжение и опустошение городов, и деревень, и неопишное бедствие. Здесь делом доказывается, что продолжается по всему миру возненавидение, опустошение, снесение плотей человеческих смертоносными орудиями и способами. Но все это может быть только начало болезней, тем болезням, какия описуют бедствия при кончине мира пр[орок] Иезекииль, Ездра, Андрей Блаж[енный] и проч[ии] святии.

Сущее: (ст[их] 17). «Бог бо³ дал есть в сердца их сотворити волю его, т.е. антихристову, и сотворити едину волю, и дати царство свое зверю, дондеже скончаются глаголы Божия. И жена, юже еси видел, град есть великий, иже имать царство над цари земными»²³.

Зрите, братия, попушение Божие за грехи: како первее ратовали друг на друга – десять рогов, т.е. государств, проливали кровь неповинных, убивали и убивают миллионы людей, калечили и калечат человечество, и опустошают мир, а потом смиряются, и соединяются во единомыслие. Как говорит Дух Святой: «Бог бо дал есть в сердца их, сотворити волю его (т.е. волю антихристову). И сотворити едину волю и дати царство свое зверю». Видите, как впоследствии соединяются во единомыслие и отдаются зверю, т.е. антихристу, и с ним воцарятся «на один час», т.е. на малое время, и будут вести брань со агнцем, т.е. Христом, и его церковью – со всеми христианами, как это говорится в стихе 12, 13 и 14 Апокалипсиса, дондеже скончаются глаголы Божия. Дотоле гнать и мучить будут, пока не придет Господь второе на землю и «убьет противника духом уст своих и упразднит явлением пришествия²⁴ своего»²⁴.

К подтверждению апокалипсического текста я приведу еще доказательство из книги Кирилловой следующей: «Тогда возстанут в Риме десять царей, в разных местах будут, к Римскому единому царству, во едино в послушании будут. Тогда в Риме на том едином царстве, иже есть последнем Антихристе, скоро содеются имать. Ибо семь царей в послушание свое антихрист к Римскому престолу слугами своими в то время добровольно и без брани взыскати имать. А трех паки войною и силою с иными семью цари достанет»²⁵» (кн[ига] Кир[иллова] л[ист] 49).

Здесь то же⁵ самое св. Кирилл поясняет, что и в Апокалипсисе говорится. Как и прор[ок] Даниил видел на четвертом звере 10 рогов, а одиннадцатый малый. Это пророчество всеми Богословцы поясняется⁶ – о последнем антихристе...

Тот политико-социальный, или вернее, экономический переворот, который в данное время происходит в нашем отечестве, устрашает нас, и заставляет с особенным опасством разсматривать все совершающееся – руководствуясь о сем Свящ[енным]⁷ писанием – о чем я выше и приводил вашему христианскому вниманию и любознательности.

В доказательство того, что в данное время, именно совершается и проповедуется отступление от Бога Небесного, отрицание Его бытия и водительства, я хочу вам привести несколько слов от их же⁸ учителей.

Социализм в своем учении отрицает существование Бога, необходимость христианской религии и Христовой церкви. Целью своей он исключительно ставит жизнь материальную, плотскую, земную, совершенно отри-

¹⁹ *испр.*; в источнике и деже;

²⁰ *испр.*; в источнике миллионы;

²¹ *испр.*; в источнике Бог-бо;

²² *испр.*; в источнике пришествие;

²³ *испр.*; в источнике то-же;

²⁴ *испр.*; в источнике поясняется;

²⁵ *испр.*; в источнике свящ[енным];

³ *испр.*; в источнике их-же;

чая жизнь духовную, будущую – загробную, небесную. Чтобы^ю не быть голословным, я приведу учение вождя социал-демократии Бебеля²⁶. На письмо католич[еского] священника Гогофа²⁷ к нему, т.е. к Бебелю, последний отвечает:

«Социализм является самым настоящим народным и человеческим учением, потому что он в действительности желает применить к жизни те нравственные законы, которые для церкви, в течение^а 18 веков служили только вывеской и употреблялись ею лишь для подавления и угнетения масс.

Социализм хочет осуществить всеобщее равенство, всеобщую любовь, и всеобщее счастье не потому, что их проповедовали^{II, а} Будда, Иисус и Магомет, а что сами по себе они являются целью, идеалом, который чувствовало и к которому *безсознательно* стремилось человечество всех стран, всех государственных устройств, и всех вероисповеданий. Оно достигло бы этого идеала и тогда, если бы^б не существовало ни Будды, ни Христа, ни Магомета. Представляя себе землю, как юдоль страданий^в, учителя эти неоднократно проповедовали^г умеренность и воздержание, указывали человечеству на будущую жизнь. А между тем нет, да и не может быть никаких данных, подтверждающих существование этой другой жизни, потому что она немыслима, и вера в нее только накладывает оковы на человеческие страдания, препятствует человеческому прогрессу»...

«Все хорошее, что возникло во время господства христианства, принадлежит не ему, а всего того огромного зла и несчастья, которые принесло с собою оно, мы не хотим. Вот в двух словах наша точка зрения... Итак, Вы^д теперь поймете, г. священник, *как безконечно далеки наши стремления от стремлений христианства*²⁸»... «Христианство и социализм противостоят друг другу, как *огонь и вода*²⁹» (Христ[ианство] и социализм еписк[опа] Михаила Канадского^е)³⁰. «Все, что принесло христианство, мыльные пузыри», говорит М. Горький (№ 3. «Нашей жизни»³¹).

Итак^е, современный социализм объявляет себя не только помощником человеку в разрешении экономических вопросов, но полным хозяином жизни, диктующим разрешение вопросов не только правовых и политических, но и религиозных, нравственных и всех прочих. Как определенное и цельное мировоззрение он прямо и открыто желает стать на место христианства: «Социализм сам хочет быть общественной религией, а для этого нужно очистить место³²» (Бебель). Религию он объявляет частным и только временно терпимым делом. Христианство объявляет «худшей из всех религий» и даже «религиозною чумою». Небо он насмешливо предоставляет «ангелам и воробьям». Нравственные правила считает временными и условными. Единственной целью жизни признает только блага материальные. С таким социализмом, с таким учением христианство мириться не может. Ибо в дальнейшем социализм переходит в коммунизм и большевизм – захваты, насилия и т.п., так как он видит прекрасный образ человека без Бога, без хозяина, без власти, а поэтому и объявляют войну всем и вся... «Мы атеистичны», – заявляют они, а отсюда гордыня человеческой личности, провозглашающей себя превыше всего в мире...

Мы же возлюбленные, не тако будем, а будучи «сынами света», по апостолу, «да трезвимся, облекшись в броню веры и любви, и в шлем надежды спасения³³»; «будем вразумлять безчинных, утешать малодушных, поддерживать слабых, будем долготерпеливы ко всем, не будем воздавать зла на зло, но всегда будем искать добра и друг другу, и всем³⁴».

«Будем помнить наставников наших, которые проповедывали слово Божие и взирая на кончину их жизни, будем подражать их вере, ибо Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки³⁵». «Учениями различными и чуждыми не будем увлекаться, не будем унывать, делая добро. Сам же Господь мира и любви да даст нам мир всегда, во всем, и будет Господь со всеми нами³⁶».

Итак^ж изложив сие, прошу вас^з, Господа ради потрудиться приступить на настоящем съезде^к к рассмотрению и разрешению программы съезда^и, и признанное нужным для жизни принять тщание проводить в жизнь на местах в приходах на началах братского единения, любви и справедливости.

Епископ Антоний
Пермский и Тобольский

Сибирский старообрядец. 1919. № 14(15 (28) июля). С. 1–5.

^ю *испр.*; в источнике Что-бы;

^а *испр.*; в источнике в течении.

^{II, а} *испр.*; в источнике проповедывали;

^б *испр.*; в источнике если-бы;

^в *испр.*; в источнике страдании;

^г *испр.*; в источнике проповедывали;

^д *испр.*; в источнике И так, вы;

^е *испр.*; в источнике Канадского;

^е *испр.*; в источнике И так;

^ж *испр.*; в источнике И тако;

^з *испр.*; в источнике Вас;

^и *испр.*; в источнике Съезде;

^и *испр.*; в источнике Съезда.

КОММЕНТАРИИ

¹ «Блудите, како ходите, яко дни лукави суть». — Ср.: Еф 5:15.

² «... близ есть, при дверех...». — Ср.: Откр 1:3, 22:6–10.

³ «Колико бо изнеможет век от старости...». — См.: 3 Езд 14:16.

⁴ «Се аз, рече Господь, наведу на круг земный злая...». — См.: 3 Езд 15:5–6.

⁵ «Во время же то, что сотворю...». — См.: 3 Езд 16:19–23.

⁶ «Уже бо приидоша на круг земный злая...». — См.: 3 Езд 15:27.

⁷ «Яко век погуби юность свою...». — См.: 3 Езд 14:10–12.

⁸ «... Яко по седьмих тысящах приход его будет...». — Ср.: Книга о вере. М., 1648. Л. 271 об.

⁹ «Сего ради разумеваши...». — Ср.: Соборник из 71 слова. М., 1647. Л. 121–121 об.

¹⁰ «Се дние придут...». — См.: 3 Езд 5:1.

¹¹ «...не спешили колебаться умом...». — См.: 2 Фес 2:3–8.

¹² «Яко антихрист предотечами его...». — Ср.: Кириллова книга. М., 1644. Л. 21.

¹³ ... толстовцев, ренановцев... — последователи учения русского писателя Л.Н. Толстого (1828–1910) и французского писателя и историка религии Эрнеста Ренана (1823–1892), переводы трудов которого начинают активно издаваться в России с 1866 г.

¹⁴ «... блажен, кто стоит на страже...». — Ср.: Откр 16:15.

¹⁵ Ефрем Сирий (ок. 306 – 9 июня 373 г.) – известный христианский богослов и поэт.

«...Зрите, братия, прелесть, яко от чрева начинает привлекать к себе...». — Ср.: Ефрем Сирий. Поучения; авва Дорофей. Поучения. М., 1652. Л. 298 об.

¹⁶ «...Егда изгубится Римская власть, тогда антихристовая начнет властвовать...». — Ср.: Кириллова книга, л. 47.

¹⁷ «...Десять рогов яже видел еси...». — См.: Откр 17:12.

¹⁸ «Сии едины волю имут...». — См.: Откр 17:13.

¹⁹ «Сии со агнцем брань сотворят...». — См.: Откр 17:14.

²⁰ «И глагола ми...». — См.: Откр 17:15.

²¹ «И десять рогов яже видел еси...». — См.: Откр 17:16.

²² Иоанн Златоуст (ок. 347 — 14 сентября 407) — архиепископ Константинопольский, богослов, в ряде христианских церквей почитается как святой.

Андрей Уродивый — (Андрей Константинопольский, или Цареградский; ум. в 936 г.) — известный христианский святой и юрист.

²³ «Бог бо дал есть в сердца их...». — См.: Откр 17:17.

²⁴ «...убиет противника духом уст своих и упразднит явлением пришествия своего...». — См.: 2 Фес 2:8.

²⁵ «Тогда возстанут в Риме десять царей...». — См.: Кириллова книга, л. 49.

²⁶ Бебель Август (1840–1913) — известный деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей социал-демократической рабочей партии Германии (СДПГ).

²⁷ Гогоф Вильгельм — католический священник, в 1873 г. выступил в печати против работы А. Бебеля «Парламентская деятельность германского рейхстага и ландтагов и социал-демократия». Отвечая на критику, в феврале 1874 г. Бебель выпустил брошюру «Христианство и социализм», в которой в полемической форме обозначил свою позицию по отношению к религии. — См.: Бебель А. Христианство и социализм. М.: Госполитиздат, 1959. 40 с.

²⁸ Ср.: Бебель А. Христианство и социализм... С. 27–28.

²⁹ Ср.: Бебель А. Христианство и социализм... С. 29.

³⁰ Михаил (Семенов) — (1874–27 окт. 1916) — епископ Канадский староверов Белокрыницкой иерархии, известный публицист и общественный деятель. См. о нем: Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря... С. 172–174; Епископ Михаил (Семенов). Собр. соч. Т. 1: Статьи из старообрядческой периодики 1906–1908 гг. / Сост., подг. текстов к изданию, науч. ред., введ. статья, примеч. В.В. Боченкова; общ. ред. В.В. Волкова. — Москва; Ржев, 2011. С. 6–23; Воронцова И. «Свободное христианство» епископа Михаила (Семенова) и «социальные» программы 1905–1915 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 52–56; Головушкин Д.А. Апостол XX века. Жизнь и творчество о. Михаила (Семенова). СПб., б.г. 127 с. Названная работа епископа Михаила имеет другое наименование. — А [рхимандрит] М [ихаил]. Христианство и социал-демократия. СПб., 1906.

Автор искренне благодарен В. Боченкову за указанный факт.

³¹ «Наша жизнь» — ошибочное наименование ежедневной газеты «Новая жизнь», издававшейся в Петрограде группой писателей и публицистов, объединившихся вокруг журнала «Летопись». Выходила с апреля 1917 по июль 1918 г. М. Горький входил в состав редакции, опубликовал в газете серию статей, получивших название «Несвоевременные мысли». Писатель занимал в этот период ярко выраженную антибольшевистскую позицию. — См.: В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М., 1969; Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990.

³² В данном случае епископ Антоний цитирует упоминавшуюся выше работу епископа Михаила (Семенова). См.: А [рхимандрит] М [ихаил]. Христианство и социал-демократия... С. 6; Ср.: Бебель А. Христианство и социализм... С. 22, 27.

³³ «... да трезвимся, облекшись в броню веры и любви, и в шлем надежды спасения...». — См.: 2 Фес 5:8.

³⁴ «... будем вразумлять безчинных, утешать малодушных, поддерживать слабых, будем долготерпеливы ко всем, не будем воздавать зла на зло, но всегда будем искать добра и друг другу и всем...». — Ср.: 2 Фес 5:14.

³⁵ «Будем помнить наставников наших, которые проповедывали слово Божие и взирая на кончину их жизни, будем подражать их вере, ибо Иисус Христос вчера и днесь, той же и во веки...». — Ср.: Евр 13:7, 8.

³⁶ «Учениями различными и чуждыми не будем увлекаться, не будем унывать, делая добро. Сам же Господь мира и любви да даст нам мир всегда, во всем, и будет Господь со всеми нами...». — Ср.: Евр 13:9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неведов С.А. Февраль 1917 года: власть, общество, хлеб и революция // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11. С. 112–126.
2. Ключкина Ю.В. Старообрядцы и политические партии (1905–1917) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2003. Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. 488 с.
3. Старухин Н.А. Общественно-политическая жизнь белокриницких общин в начале XX в. (по материалам старообрядческой периодики) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII – XXI вв. Новосибирск, 2007. С. 154–162.
4. Покровский Н.Н. Народная эсхатологическая «Газета» 1731 г. // Исследования по Древней и Новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.
5. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988. 188 с.
6. Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. 431 с.
7. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002. 471 с.
8. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символ. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. 317 с.
9. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. 127 с.
10. Белобородов С.А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (Из истории Русской Православной Старообрядческой Церкви – белокриницкого согласия // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 136–167.

REFERENCES

1. Nefedov S.A. February of the year 1917: government, society, bread and revolution // *Uralskii istoricheskii vestnik*. Ekaterinburg, 2005, pp. 112 – 126. (In Russ.)
2. Klyukina Yu.V. Old Believers and political parties (1905–1917) // *Problemy istorii Rossii*. Ekaterinburg, 2003, iss. 5: Na perekrestkakh epokh i traditsii, pp. 488. (In Russ.)
3. Starukhin N.A. Social-political life of Belokrinitskie communities at the beginning of the XX century (on materials of Old Believers' periodicals) // *Aktualnye voprosy istorii Sibiri XVIII XXI vv.* Novosibirsk, 2007, pp. 154 –162. (In Russ.)
4. Pokrovskiy N.N. Public eschatological "Newspaper" of the year 1731 // *Issledovaniia po Drevnei i Novoi literature*. Leningrad, 1987, pp. 290–297. (In Russ.)
5. Guryanova N.S. Peasant antimonaarchic rebellion in the Old Believers' literature of the late feudalism period. Novosibirsk, 1988, 188 p. (In Russ.)
6. Oparina T.A. Ivan Nasedka and polemic theology of the Kiev archeparchy. Novosibirsk, 1998, 431 p. (In Russ.)
7. Pokrovskiy N.N., Zolnikova N.D. Chasovennie Old Believers in the East of Russia in XVIII–XX centuries. Moscow, 2002, 471 p. (In Russ.)
8. *Old Belief*. Persons, things, events and symbol. Best practices of encyclopedia. Moscow, 1996, 317 p. (In Russ.)
9. Dolotov A. Church and sectarianism in Siberia. Novosibirsk, 1930, 127 p. (In Russ.)
10. Beloborodov S.A. "Austrians" in the Urals and West Siberia (from history of the Russian Orthodox Old Believer Church – Belokrinitsk group). *Ocherki istorii staroobriadchestva Urala i sopredel'nykh territoriy*. Ekaterinburg, 2000, pp. 136–167. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 02.03.2017

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: 10.15372/HSS20170204
УДК 902.2(571)

С.В. КОВАЛЕНКО

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСИНООЗЕРСКОЙ ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ

ГАО «Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области»
676000, РФ, г. Благовещенск, пер. Уралова, 5 Литер А2

В истории исследования осиноозерской археологической культуры Западного Приамурья можно выделить два периода. Первый относится к работе в 1960–1970-х гг. на территории западной части Приамурья ДВАЭ под руководством А.П. Окладникова. В результате проведенных исследований ряда памятников выделена новая культура, получившая название осиноозерская – по эпонимному памятнику, расположенному на берегу оз. Осинное в Амурской области.

С середины 1990-х гг. после почти тридцатилетнего перерыва в изучении неолита региона, начался второй этап в исследовании осиноозерской культуры, который связан с совместной работой отрядов ИАЭТ СО РАН и благовещенских археологов. В дополнение к материалам 1960-х гг. поселения на Осинном Озере в последние два десятилетия были частично доисследованы, существенно расширена источниковая база для анализа осиноозерской культуры. Работы по изучению данной культуры в настоящее время продолжаются.

Ключевые слова: Западное Приамурье, осиноозерская археологическая культура, стратиграфия, керамический комплекс, отжимная ретушь, трасология, орудийный набор, земледелие, археологическая периодизация.

S.V. KOVALENKO

THE HISTORY OF STUDYING THE LATE NEOLITHIC OSINOOZERSKAYA CULTURE OF THE WESTERN AMUR REGION

The Amur Laboratory of Archeology and Ethnography
Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS
A2, Uralova prosp., Blagoveshchensk, 676000, Russia

It is possible to mark two periods in the history of study of the Osinozerskaya archaeological culture of the Western Amur Region. The first one refers to work of the Far Eastern archaeological expedition under the direction of A.P. Okladnikov in the 1960–1970s in the territory of the western part of Priamurye. The result of the studies of a number of sites and collected data was a new culture of the developed Neolithic, which received name Osinozerskaya according to the eponymous site found in 1961 by A.P. Okladnikov on the bank of Lake Osinovoie in the Amur region. The cultural and chronological characteristic was given to the settled population living in semi-underground dwellings and being engaged mainly in hunting and fishery. The received archaeological remains allowed researchers to draw a preliminary conclusion that the carriers of this culture had rudiments of agriculture. The second stage of the research of the Osinozerskaya culture began in the middle of the 1990s after almost thirty-year break in studying the Neolithic of the region, and is connected with collaboration of groups of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science and the Blagoveshchensk archeologists. In addition to the 1960s data of

Станислав Викторович Коваленко – начальник археологического отдела ГАУ «ИЧН Амурской области», e-mail: stas-kov7@yandex.ru.
Stanislav V. Kovalenko – Head of the Archeological Department, State Autonomous Institution of the Amur Region “Center for Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Amur Region”.

the settlement on Lake Osinovie, in the last two decades the known sites were partially re-studied, and some new sites were investigated, thereby source base for the analysis of the Osinozerskaya culture has essentially expanded. Such rare site as a workshop on production of stone trade tools – Mikhaylovka-Klyuch on the Amur River – was found and surveyed. On the Neolithic settlement in the mouth of the Gromatukha River the first seasonal aboveground dwelling within the northern part of an area of this culture was examined. In spite of obtaining new data, many problems connected with debatable questions of emergence of the making economy and chronology of the culture still remain outstanding. Works on studying the Osinozerskaya culture are continued.

Key words: Western Amur Region, Osinozerskaya archaeological culture, stratigraphy, ceramic complex, pressure technique, microwear analysis, tool set, agriculture, archaeological periodization, cartography.

Неолитическая эпоха на территории Западного Приамурья (в основном это территория современной Амурской области), согласно сложившейся с 1960-х гг. культурно-хронологической схеме, представлена тремя культурами: громатухинской, новопетровской и осинозерской [1, с. 103]. Наименее изученной остается осинозерская культура [2]. Раскопки на эпонимном памятнике этой культуры – поселении Осинное Озеро – проводились в 1962 и 1965 гг. По результатам исследований памятника было опубликовано всего две статьи [3; 4].

В ходе разведочных работ 1961 г. на территории Константиновского района Амурской области отрядом ДВАЭ под руководством А.П. Окладникова (с участием В.Е. Ларичева и В.Ф. Контанисовой) на берегу оз. Осинное был обнаружен крупный археологический объект со слоем неолитического времени¹. Открытие данного памятника послужило началом изучения новой неолитической культуры на территории Западного Приамурья. В 1962 г. отрядом под руководством Н.Н. Забелиной (с участием Б.С. Сапунова и А.П. Деревянского) и в 1965 г. отрядом под руководством А.П. Деревянского на памятнике проводились стационарные раскопки. В результате исследования более 600 м² памятника было раскопано несколько неолитических жилищ и территория между ними, получен обширный материал для характеристики культуры проживавшего здесь населения² [3; 4].

Исследованные жилища имели округлую в плане форму диаметром 7,5–9 м. Их основание заглублено в котлован на 25–40 см, т.е. жилища были полуподземного типа. Стены котлованов крутые, четкие. Вдоль них зафиксирован внешний круг столбовых ям. Второй круг столбовых ям располагался вокруг очагов, соорудившихся в центре в специально подготовленном углублении, с деревянной обкладкой, обмазанной глиной. Следов истлевшего дерева от рухнувшей кровли и стенок обнаружено не было, но найденные в заполнениях и на полу жилищ мелкие обрывки бересты (некоторые из них были со-

сквозными отверстиями около 3 мм в диаметре, проколотые острием с неровными гранями) позволили сделать вывод о наличии берестяной кровли конусовидной формы. Она опиралась на два ряда столбов, расположенных по окружности. Возможно, часть бересты использовалась для гидроизоляции самого котлована. Не было обнаружено хозяйственных ям и наземного выхода. Площадь жилищ в среднем составляла 60 м².

Почти в каждом жилище встречались небольшие участки, на которых располагалось значительное число отщепов и чешуек, а иногда и готовых изделий. Это были рабочие площадки, где производились каменные орудия. Основой для изготовления их основной массы служили сколы и отщепы с желваков халцедона и яшмы. Из отщепов выделялись наконечники стрел и дротиков, вкладыши, скребки, проколки, тесла, долота. Орудия были обработаны тонкой ретушью, которая наносилась, как правило, с двух сторон. Наконечники стрел треугольно-черешковые и треугольные, с прямым и скошенным, с симметрично и асимметрично вогнутым основанием. Скребки округлые с ретушью по всему периметру, подпрямоугольные с ретушью по двум-трем краям, вытянутые с ретушью на узком конце. Вкладыши сделаны из массивных отщепов и имеют бифасиальную обработку, проколки изготавливались из отщепов подтреугольных форм, ретушью оформлялось только острие. Тесла и долота (простые и желобчатые) выполнены из кремнистого сланца с подшлифовкой или полным шлифованием поверхности. Ножевидных пластин (как и устойчивых форм нуклеусов, связанных с их отделением) на Осинном Озере не встречено. Найденные здесь два круглых диска диаметром 4 см и толщиной 0,3 см с отверстием в центре изготовлены из темного песчаника.

Из крупных орудий труда на поселении обнаружены песты, зернотерки, грузила для сетей. Большая часть пестов изготовлена из серого плотного песчаника. Одни песты округлые в сечении и зашлифованные (длина 17–20 см), другие имели в основании прямоугольную форму с несколько округлыми углами.

Особый интерес представляет «крупнорушка». На ней продолжительное время работали по краю пестом, отчего образовался концевидный желобок. Встречено несколько разломанных плиток, являющихся, по всей видимости, зернотерками, одна сторона у них тщательно зашлифована. Костяные изде-

¹ Окладников А.П. Отчет о разведывательных работах на р. Зее в 1961 г. Отчет о разведывательных работах по р. Амуру (Благовещенск – Новопокровка) в 1961 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р-1. № 2240. 99 л., 8 ил.; № 2240а: Альбом иллюстраций к отчету. 21 л., 48 ил.

² Окладников А.П. Отчет об археологических исследованиях в бассейне реки Амур в 1962 г. // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р-1. № 2439. 88 л.; № 2439а: Альбом иллюстраций к отчету. 20 л., 44 ил.

лия представлены уникальным костяным гарпуном с пятью зубцами, который был обнаружен в 1962 г. на дне очага в жилище № 1, а также зашлифованным острием из трубчатой кости, найденным на полу жилища № 2. На поселении обнаружены кости животных, в том числе олений рог со срезанными отростками, находившийся в очаге жилища № 3. Кроме того, в золе очагов всех трех жилищ в большом количестве найдены кости рыб [4; 5; 6, с. 9–10; 7, с. 104–106; 8, с. 104–106; 9, с. 36–37].

Значительную часть коллекции с поселения составляет керамика. Судя по ее фрагментам, можно говорить о трех типах сосудов с плоским дном. К первому типу относятся большие плоскодонные горшки ситупообразной формы со слабо выраженной горловиной. Край венчика обычно прямой, изредка отогнут наружу. Диаметр изделия по устью – 25–30 см, высота – 30–35 см. Сосуды украшены налепными рассеченными валиками, прямыми и волнистыми, которые образуют орнамент в виде кривых линий, группирующихся в ромбические или восьмерковидные фигуры. Ко второй группе относятся небольшие горшки высотой до 20 см, с диаметром устья около 15 см, с более четко выраженной шейкой. Венчик Г-образной формы. Орнамент состоит из налепных валиков. Третью группу представляют небольшие сосуды в виде чаш, как правило, с прямым венчиком (диаметр 5–10 см), иногда украшенным одним или двумя налепными валиками [3; 4; 5, с. 193–194; 7, с. 106; 8, с. 106].

Проведенные на памятнике исследования дали обширный материал, позволивший авторам обосновать характеристику хозяйственной деятельности населения, проживавшего здесь в эпоху неолита. Это оседлое население, занимавшееся охотой и рыболовством, о чем свидетельствуют близость поселения к берегу озера, которое ранее являлось протокой р. Амур, найденный костяной гарпун и галечные грузила. На основании имеющегося в заполнении жилища значительного числа пестов и зернотерок, а также в связи с обнаружением зерен проса в очажном заполнении одного из жилищ сделан вывод о появлении у осиноозерцев нового вида хозяйства – земледелия. Этому, по мнению авторов раскопок, способствовали природные условия в бассейне р. Амур – значительные степные участки и богатые черноземом земли.

Представление о данной археологической культуре дополнялось находками 1960-х гг. на поселении в долине р. Зеи при впадении в нее р. Белой. А.П. Окладников отнес этот материал к разрушенному погребению, так как наряду с характерной для поселения на Осиновом Озере керамикой там были обнаружены обломки нефритовых браслетов, цилиндрические бусины и подвески [10, с. 38]. Необходимо отметить, что среди собранного подъемного материала не было отщепов и заготовок каменных орудий, зато имелись тщательно обработанные с обеих сторон отжимной ретушью вкладыши лезвия и наконечники стрел.

Это также свидетельствует о том, что обнаруженные здесь предметы относятся к погребениям [4, с. 40; 7, с. 106–107; 8, с. 107–108].

На материалах этих и некоторых других памятников, выявленных в ходе разведочных и стационарных работ в 1960-х гг. (таких как поселение у с. Поляковского – открыто в 1961 г. А.П. Окладниковым; многослойное поселение у бывшего с. Горного (Падь Калашникова) – открыто в 1968 г. Б.С. Сапуновым и В.В. Сухих, а также поселение на дюнах вблизи с. Сергеевки – археологические исследования проводились в 1963 г. под руководством А.И. Мартынова, позднее памятник изучался А.П. Окладниковым и А.П. Деревянко) выделена новая поздненеолитическая осиноозерская культура Западного Приамурья. Первоначальное ее наименование – войковская. По аналогиям археологического материала с сопредельных территорий она была датирована III–II тыс. до н.э.³ [4, с. 33–42; 7, с. 104; 10, с. 38].

Затем последовал 30-летний перерыв в изучении неолита Среднего Приамурья. Практически до начала нового тысячелетия информации о каких-либо новых памятниках осиноозерской культуры в археологической литературе не появлялась. Итоги изучению ее источниковой базы, сложившейся к началу 1970-х гг., подведены в обзоре [2, с. 188].

В 1996 г. благовещенскими археологами под руководством Б.С. Сапунова было положено начало исследованию многослойного памятника Михайловка-Ключ в Благовещенском районе. С 2000 г. на протяжении трех полевых сезонов Благовещенским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством С.В. Алкина на памятнике проводились широкомасштабные исследования, которые дали уникальный материал для изучения осиноозерской культуры. Впервые в Амурской области был обнаружен такой редкий тип археологических памятников, как мастерская по изготовлению каменных орудий [11, с. 11]. В коллекции имеется большое количество разной степени сработанности многоцветных халцедоновых и яшмовых ядрищ – основных материалов для получения сколов и отщепов. Расщепление проводилось без какой-либо системы. Типологически устойчивых форм нуклеусов не обнаружено. Массовый материал представлен продуктами первичного расщепления. Доля готовых орудий незначительна. Использование отщеповой техники при изготовлении двусторонне ретушированных орудий является характерным признаком известных коллекций осиноозерской культуры. В слое присутствует небольшое число бифасиально ретушированных инструментов. Среди них наконечники стрел и лезвия для вкладышевых орудий, скребки и дрели [2, с. 189]. Керамический материал данного осиноозерского слоя представлен

³ Для жилища № 2 Осинового Озера (раскопки 1962 г.) получена радиоуглеродная дата по бересте AA-36744–3715±35 л.н. (cal.±2σ, 2274–2032 BC) [12]. Эта дата, первая для данной культуры, подтвердила предложенную хронологию.

фрагментами керамики с наклепными рассеченными прямыми и волнистыми валиками [11, с. 11–14]. Для неолитического слоя также получены две радиоуглеродные даты по углю СОАН-3466 — 4255 ± 150 (cal. $\pm 2\sigma$ 5290–4430 л. н.) и АА-60676 — 3520 ± 40 (cal. $\pm 2\sigma$ 3900–3960 л. н.), что соответствует хронологическому диапазону существования культуры [1, с. 105; 12, с. 47–48]. Судя по результатам трасологического изучения каменных артефактов, которое было выполнено д-ром ист. наук П. В. Волковым, на изучаемой площади проводился цикл работ, включающий первичное расщепление камня, вторичную обработку изделий, однако степень утилизации инструментов оказалась незначительной, что подтверждает интерпретацию памятника как производственной мастерской [2, с. 190].

В 2004 г. при новых раскопках в устье р. Громатуха эпонимного памятника громатухинской культуры раннего неолита Западного Приамурья под руководством С.П. Нестерова (в работах принимал также участие П.В. Волков) был исследован слой, насыщенный фрагментами осиноозерской керамики с орнаментом в виде параллельных наклепных валиков, рассеченных поперечными линиями. Кроме того, найдены каменные артефакты, основным сырьем для изготовления которых служили халцедоновые желваки красновато-желтых оттенков и речная галька. Было изучено осиноозерское жилище, представленное остатками наземной конструкции. Их анализ позволил выявить контуры постройки, особенности ее пространственной ориентации и внутренней организации жилого пространства с очагом и зонами работы и отдыха. Жилище на р. Громатухе интерпретируется как сезонная, временная (промысловая) постройка. Предполагается, что оно могло иметь разборно-переносную конструкцию. Это первое жилище осиноозерской культуры в пределах северной части ее ареала [2, с. 191; 13]. Для данного слоя были получены четыре радиоуглеродные даты по углю СОАН-5759 — 3600 ± 45 (cal. $\pm 2\sigma$ 4080–3730 л. н.), МТС-05939 — 3350 ± 40 (cal. $\pm 2\sigma$ 3690–3470 л. н.), МТС-05940 — 3340 ± 40 (cal. $\pm 2\sigma$ 3690–3480 л. н.), МТС-05941 — 3350 ± 40 (cal. $\pm 2\sigma$ 3630–3410 л. н.), что соответствует хронологическому диапазону существования культуры [1, с. 105].

В начале 2000-х гг. проводились работы по выявлению на площади Троицкого могильника, на р. Белой в северо-западной части Ивановского района, более ранних комплексов. Было зафиксировано новое местонахождение осиноозерской культуры, получившее название Озеро Табор [2, с. 191; 14, с. 173]. Культурная принадлежность памятника определена по комплексу находок характерной керамики, орнаментированной наклепными криволинейными валиками с насечками, а также по совокупности ретушированных каменных орудий, выполненных преимущественно на отщепах халцедонового сырья [2, с. 191; 15, с. 225–226]. Особенности неолитического комплекса были наличие микропластинчатой

технологии в изготовлении каменных орудий и обнаружение уникального для Приамурья небольшого круглодонного сосудика с гребенчатым орнаментом под венчиком [2, с. 192; 14 с. 54–56, 173; 16, с. 30]. Следов жилищных конструкций на памятнике не выявлено. Поселение предварительно было интерпретировано как сезонный поселенческий комплекс с преимущественной ориентацией на эксплуатацию речных ресурсов [2, с. 192].

Проведенные сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области в 2009 г. исследования возвышенной части средневекового городища на горе Шапка в Михайловском районе позволили получить новые материалы об объекте, в том числе выявить неолитический слой, относящийся к осиноозерской культуре. В целом материал коллекции был рассмотрен как поселенческий с высокой долей утилизации орудий. По составу инструментария можно говорить об изучаемой территории как месте, где у населения в рационе преобладало потребление мясных продуктов [17, с. 70–74; 18, с. 120–127].

В 2011 г. в окрестностях с. Албазино обнаружена стоянка эпохи неолита Ульдугич I, на которой были найдены фрагменты осиноозерской керамики. Произведенные в 2012 г. раскопки выявили остатки неолитического слоя, который был частично разрушен более поздним средневековым поселением. Керамика и каменные артефакты, которые были обнаружены в этом слое, отнесены к осиноозерской культуре [19, с. 47; 20, с. 30; 21, с. 494–498]. В настоящее время этот памятник является самым западным для данной культуры.

В результате раскопок поселения Осинное Озеро в 2012 г., проведенных под руководством автора, была получена коллекция археологического материала, основную часть которой составили каменные артефакты и фрагменты керамики. Керамика представлена фрагментами венчиков, донышек и стенок лепных сосудов осиноозерского типа как неорнаментированных, так и украшенных наклепными рассеченными валиками. Большую часть каменных артефактов составляли сколы и отщепы из халцедона и яшмового сырья. Расщепление проводилось без какой-либо выраженной системы. Типологически устойчивых форм нуклеусов не обнаружено. Использование отщеповой техники при изготовлении двусторонне ретушированных орудий является характерным признаком осиноозерской культуры. Доля готовых орудий в коллекции незначительна [22, с. 118–124]. В целом инструментарий охарактеризован как типичный для жилищных комплексов с разнообразной деятельностью людей. На нижней границе культурного слоя поселения Осинное Озеро были выявлены столбовые ямы, возможно, представляющие собой конструкции легкого навеса. Был сделан вывод, что активный рабочий процесс на территории поселения Осинное Озеро происходил как в самих жилищах, так и за их пределами. В жилищах зафиксировано наличие рабочих площадок, свиде-

тельствующих о разнообразных видах производственной деятельности, и отсутствие хозяйственных ям, располагавшихся в большом количестве за их пределами на периферии поселения, которая также активно использовалась обитателями поселка. Периферийная часть поселения, вероятно, представляла собой комплекс сезонных легких навесов и шалашей небольших размеров (4×5 м), не заглубленных в землю и использовавшихся для разнообразной деятельности людей в теплое время года [23, с. 118–124].

В 2016 г. в Центре коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» СО РАН была получена еще одна радиоуглеродная дата по бересте из жилища № 2 Осинового Озера (раскопки 1962 г.)⁴: Nska-01110, 3911±148 л. н. (cal.±1δ 2616–2143.; cal.±2δ 2872–1983 до н.э.).

Несмотря на то, что в дополнение к материалам поселения на Осинном Озере в последние два десятилетия археологическими отрядами ИАЭТ СО РАН в сотрудничестве с благовещенскими археологами были изучены новые памятники, существенно расширившие источниковую базу осиноозерской культуры, многие дискуссионные вопросы остаются по-прежнему не решенными. Так, остается открытой проблема, связанная с изучением генезиса осиноозерской археологической культуры. Не решены вопросы относительно хронологии культуры. А.П. Деревянко на основании сходства керамики и конструктивных особенностей жилищ высказал предположение о том, что генезис осиноозерской культуры связан с новопетровской культурой [5, с. 194–195]. Имеющиеся в настоящее время радиоуглеродные даты верхней границы новопетровской культуры (8980–8590 л. н.) и даты нижней границы осиноозерской культуры (5290–4430 л. н.) указывают, однако, на временной разрыв около 4 тыс. лет [1].

Актуальным представляется изучение связи носителей осиноозерской культуры с населением эпохи раннего железного века Западного Приамурья. Предположение А.В. Гребенщикова об участии населения поздненеолитической культуры в формировании урильской культуры не объясняет, почему в ареале поздненеолитической осиноозерской культуры в Западном Приамурье раннеурильская керамика схожа с таковой из Восточного Приамурья. К тому же для урильских памятников западной части Приамурья получены пока самые ранние радиоуглеродные даты. Роль осиноозерских традиций в формировании урильской культуры еще в достаточной степени не выявлена. Можно говорить о наличии в обеих культурах шлифованных каменных изделий, но они были широко распространены и во времени, и в пространстве всего азиатского региона [7, с. 267–268; 24, с. 297–301]. Нужно отметить также, что в орнаментации сосудов урильской культуры присутствуют такие элементы декора, как наlepной

рассеченный орнамент и прочерченные линии, характерные для осиноозерской культурной традиции [7, с. 192–193, 337].

Пожалуй, одним из самых важных и дискуссионных является вопрос о переходе племен осиноозерской культуры от присваивающего хозяйства к производящему. Отнесение осиноозерцев к носителям раннеземледельческих культур произошло на основе сообщения об обнаружении зерен проса в очажном заполнении одного из жилищ на Осинном Озере. Косвенным указанием на занятие земледелием могут быть обнаруженные на этом поселении песты и плитки зернотерок [2, с. 193]. Частично подтверждают эту теорию выводы, сделанные Я.В. Кузьминым в результате проведенного споро-пыльцевого анализа грунта, извлеченного из отложений рекогносцировочного шурфа 1999 г. вблизи раскопа 1962 г. на глубине 30 см у развала неолитического сосуда с орнаментом в виде наlepных рассеченных валиков. По итогам работ Я.В. Кузьмин отмечает, что в культурном слое, относящемся к осиноозерской культуре, наряду с другими определена пыльца культурных злаков (*Cerealia*), с высокой степенью достоверности указывающая на то, что обитатели стоянки занимались земледелием [25, с. 105–106].

В целом вопрос о начале перехода к производящему хозяйству в Приамурье остается открытым, требуются дополнительные исследования с привлечением совокупности различных методов (флотация культурного слоя на поселениях, пробы на споро-пыльцевой анализ, трасологическое изучение орудий труда и др.). В связи с этим особое значение имеет глубокий анализ всей полученной информации об осиноозерской культуре. Тщательно изучаются источники, ведется камеральная обработка находок, осуществляется полное картографирование всех известных на данный момент памятников культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.
2. Алкин С.В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2011. С. 188–198.
3. Окладников А.П., Васильевский П.С., Деревянко А.П. Археологические исследования на Осинном Озере (раскопки 1965 года) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Ч. II. С. 323–392.
4. Окладников А.П., Деревянко А.П. Осиноозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР, 1973. Т. 9. С. 33–42.
5. Деревянко А.П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск: Наука, 1970. 204 с.
6. Деревянко А.П. Ранний железный век Дальнего Востока. Курс лекций. Новосибирск, 1972. Ч. 2. 276 с.
7. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.

⁴ Коллекция ИАЭТ СО РАН 1962 г.

8. Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приамурья и Приамурья. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. 440 с.

9. Деревянко Е.И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: Наука, 1991. 158 с.

10. Окладников А.П. Археология долины реки Зеи и Среднего Амура // Советская археология. 1966. № 1. С. 32–41.

11. Алкин С.В. Предварительные результаты изучения памятника Михайловка-Ключ в Среднем Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 11–14.

12. Джалл Э. Дж. Т., Деревянко А.П., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Болотин Д.П., Сапунов Б.С., Табаров А.В., Зайцев Н.Н. Новые радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Приамурья // Вестн. Амур. гос. ун-та. 2001. Вып. 12. С. 47–48.

13. Волков П.В., Нестеров С.П. Осиноозерское жилище на поселении Громатуха // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. Вып. 5. С. 90–110.

14. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хен У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. Вып. 1, ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. 218 с.

15. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Алкин С.В., Нестеров С.П., Субботина А.Л., Хон Хену, Ю Ын Сик. Совместные российско-корейские исследования Троицкого могильника в Амурской области в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2007 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. Т. XIII. С. 222–227.

16. Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хен У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. Тэджон: Изд-во Института культурного наследия, 2008. Вып. 1, ч. 2: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. 154 с.

17. Волков П.В., Волков Д.П., Зайцев Н.Н., Миронов М.А. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 70–74.

18. Зайцев Н.Н., Волков П.В., Волков Д.П., Коваленко С.В. Неолитическая коллекция с горы Шапка в Амурской области (по результатам раскопок 2009 г.) // Традиционная культура востока Азии. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 120–127.

19. Черкасов А., Беляков А. Археологические исследования в Албазино // Родина. 2012. № 5. С. 47.

20. Черкасов А., Беляков А., Вальчак С., Чхаидзе В., Волков Д. Археологические исследования в Албазино: от амурского неолита до русского средневековья // Родина. 2012. № 12. С. 28–30.

21. Вальчак С.Б., Черкасов А.Н. Раскопки поселения Ульдугичи I в Амурской области. Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань, 2014. Т. III. С. 494–498.

22. Коваленко С.В. Полевые исследования неолитической стоянки на Осиновом озере в 2012 году // Традиционная культура Востока Азии. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. Вып. 7. С. 102–129.

23. Коваленко С.В., Волков П.В. Результаты трасологического анализа каменных артефактов с неолитического поселения Осиновое Озеро в Амурской области // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. Т. 23. № 2. С. 10–14.

24. Нестеров С.П. Начало раннего железного века в Приамурье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири

и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. 2013 год. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. 612 с.

25. Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. Владивосток: Тихоокеанский ин-т географии ДВО РАН, 2005. 282 с.

REFERENCES

1. Kuz'min Ya.V., Nesterov S.P. Chronology of Neolithic Cultures of the western Amur Region. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2010, vol. 6, pp. 103–110. (In Russ.)

2. Alkin S.V. The contemporary state of studying the Neolithic Osinozersk culture of the middle Amur Region. *Aktual'nye problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Ussuriysk, 2011, pp. 188–198. (In Russ.)

3. Okladnikov A.P., Vasil'evskii R.S., Derevyanko A.P. Archeological studies on Lake Osinovo (excavations of 1965). *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkheologicheskoy ekspeditsii*. Novosibirsk, 1971, pt. 2, pp. 323–392. (In Russ.)

4. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The Osinozersk culture on the Middle Amur. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istoriya, arkheologiya, etnografiya, filologiya)*. Vladivostok, 1973b, vol. 9, pp. 33–42. (In Russ.)

5. Derevyanko A.P. The Novopetrov culture of the Middle Amur. Novosibirsk, Nauka, 1970. 204 p. (In Russ.)

6. Derevyanko A.P. The Early Iron age of the Far East. Lecture course. Pt. 2. Novosibirsk, 1972. 276 p. (In Russ.)

7. Derevyanko A.P. The Early Iron age of the Far East. Novosibirsk, Nauka, 1973. 354 p. (In Russ.)

8. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. The distant past of Primorie and Priamurie. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973a. 440 p. (In Russ.)

9. Derevyanko E.I. Ancient dwellings of Amur Region. Novosibirsk, Nauka, 1991. 158 p. (In Russ.)

10. Okladnikov A.P. Archeology of the Zeya valley and the Middle Amur. *Sovetskaya arkheologiya*. 1966, no. 1, pp. 32–41. (In Russ.)

11. Alkin S.V. Preliminary results of studying the site Mikhaylovka-Klyuchin the middle Amur Region. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2001, vol. 7, pp. 11–14. (In Russ.)

12. Jall E.J.T., Derevyanko A.P., Kuz'min Ya.V., Orlova L.A., Bolotin D.P., Sapunov B.S., Tabarev A.V., Zaytsev N.N. New carbon dating of the archeological sites of the middle Amur Region. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2001, vol. 12, pp. 47–48. (In Russ.)

13. Volkov P.V., Nesterov S.P. Osinozersk culture's dwelling at the Gromatukha settlement. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2008, vol. 5, pp. 90–110. (In Russ.)

14. Derevyanko A.P., Kim Bon Gong, Nesterov S.P., Choy Man Sik, Hong Heun Woo, Alkin S.V., Subbotina A.L., Yu Un Sik. Data and studies of the Russian-Korean archeological expedition in the western Amur Region. Vol. 1, pt. 1: Excavations of the Troitsky burial ground of the early Middle ages in 2007. Daejeon, Izd-vo Instituta kul'turnogo naslediya, 2008a. 218 p. (In Russ.)

15. Derevyanko A.P., Kim Bon Gong, Alkin S.V., Nesterov S.P., Subbotina A.L., Hong Heun Woo, Yu Un Sik. Russian-Korean joint studies of the Troitsky burial ground in Amur region in 2007. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2007, vol. 13, pp. 222–227. (In Russ.)

16. Derevyanko A.P., Kim Bon Gong, Nesterov S.P., Choy Man Sik, Hong Heun Woo, Alkin S.V., Subbotina A.L., Yu Un Sik. Materials and studies of the Russian-Korean archeological expedition in the western Amur Region. Vol. 1, pt. 2: Excavations of the Troitsky burial ground of the early Middle ages in 2007. Daejeon, Izd-vo Instituta kul'turnogo naslediya, 2008b. 154 p. (In Russ.)

17. Volkov P.V., Volkov D.P., Zaytsev N.N., Mironov M.A. The Neolithic collection from Mount Shapka in Amur Region (based on excavation results in 2009). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2009, vol. 15, pp. 70–74. (In Russ.)

18. Zaytsev N.N., Volkov P.V., Volkov D.P., Kovalenko S.V. The Neolithic collection from Mount Shapka in Amur Region (based on excavation results in 2009). *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2010, vol. 6, pp. 120–127 (In Russ.)

19. Cherkasov A., Belyakov A. Archeological studies in Albazino. *Rodina*, 2012, no. 5, p. 47. (In Russ.)

20. Cherkasov A., Belyakov A., Val'chak S., Chkhaidze V., Volkov D. Archeological studies in Albazino: from the Amur Neolithic to the Russian Middle ages. *Rodina*, 2012, no. 12, pp. 28–30. (In Russ.)

21. Val'chak S.B., Cherkasov A.N. Excavations of the Settlement Uldugichi I in Amur Region. *Trudy IV (XX) vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda*. Kazan, 2014, vol. 3, pp. 494–498. (In Russ.)

22. Kovalenko S.V. Field studies of the Neolithic site on Lake Osinovoe in 2012. *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii*. Blagoveshchensk, 2014, vol. 7, pp. 102–129. (In Russ.)

23. Kovalenko S.V., Volkov P.V. The results of microwear analysis of stone artifacts from the Neolithic settlement Lake Osinovoe in Amur Region. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no. 2, pp. 10–14. (In Russ.)

24. Nesterov S.P. The beginning of the early Iron age in Priamurie. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2013, vol. 19, pp. ?-?. (In Russ.)

25. Kuz'min Ya.V. Geochronology and paleoenvironment of the late Paleolithic and Neolithic in the temperate zone of East Asia. Vladivostok, 2005, 282 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170205
УДК 903.2(571)

С.П. НЕСТЕРОВ

БРОНЗОВЫЕ ЛАПЧАТЫЕ БЛЯШКИ УРИЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ ЗАПАДНОГО ПРИАМУРЬЯ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

Среди немногочисленных бронзовых украшений урильской культуры Приамурья (XII–II вв. до н.э.) известны две лапчатые бляшки. Одна была найдена в 1961 г. на о. Урильский и затем до 2017 г. «утеряна», случайно попав в коллекцию памятника Анго, другая – в 1997 г. на памятнике Букинский Ключ-1. Украшения являются копиями с двух типологически похожих бляшек. При сходстве общих форм и орнамента, одинаковом оформлении способа крепления через два небольших отверстия они использовались, в одном случае – как нашив-ка, в другом – как подвеска. Технология изготовления бляшек по оттиску оригиналов в пластичной форме была единой. Лапчатые бляшки нашли широкое распространение в карасукскую эпоху в конце II – начале I тыс. до н.э., поэтому приамурские экземпляры можно отнести к начальному этапу урильской культуры.

Ключевые слова: Приамурье, урильская культура, ранний железный век, бронзовые лапчатые бляшки.

S.P. NESTEROV

BRONZE PLAQUES OF URILSKAYA CULTURE IN THE FORM OF PAWS OF WESTERN PRIAMURIE

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Lavrentieva ave., 17, Novosibirsk, 630090, Russia

The beginning of the early Iron Age in the Amur area is associated with the origin of Urilsk archeological culture (XII–II centuries BC). Studies have shown that its bearers representing a symbiosis of the tribes in this region were migrants who lived in western and south-western Manchuria and Inner Mongolia of China at the end of II thousand BC. Two plaques in the form of paws are known among very few bronze ornaments of the Urilskaya culture in Priamurie. One plaque was found in 1961 at the Urilsky island on the Amur river, and later was «lost» until 2017, accidentally placed into a collection of the Ango site from the Zeya river. Another plaque was found in 1997 at the Bukinski Kluch-1 site on the Bureya river. For these plaques are common signs of a sub-triangular shape, the bulge outwards, a linear type of ornament on the front side, the presence of broken loops for hanging on a smooth reverse side, which were inherent in the original things and served as a model to create matrices. Equally the problem of a new fastening device has been solved. After plaques loops for hanging have been broken pair horizontal holes in the plate were made. In this form plaques were used in one case, as a stripe, in the second one – as a suspension. These ornaments are copies of two typologically similar plaques. The technology of plaques production applying a print of original things in the plastic form was similar. The plaques in the form of paws were widespread during Karasuk era in Siberia, Central Asia and North China at the end of II – early I millennium BC. Archaeological materials, stratigraphic data of Suchie Protoki-2 and Bukinski Kluch-1 sites, where in the layers with Urilsk culture ceramics bronze and iron objects of Karasuk appearance were found, as well as radiocarbon dates allow us to date the bronze plaques in the form of paws by the initial stage of forming the Urilsk archeological culture in Priamurie.

Key words: Priamurie, Urilskaya culture, early Iron Age, bronze plaques in the form of paws.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Начало раннего железного века в Приамурье: происхождение урильской культуры (XII–II вв. до н.э.)», № 6-01-00203.

Сергей Павлович Нестеров – д-р. ист. наук, заведующий сектором, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru.

Sergey P. Nesterov – Doctor of Historical Sciences, Head of Sector, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Начало раннего железного века в Приамурье связано с формированием здесь урильской археологической культуры. Исследования показали, что для данного региона ее носители, видимо, представлявшие симбиоз племен, проживавших в конце II тыс. до н.э. в западных и юго-западных районах Маньчжурии и Внутренней Монголии Китая, были мигрантами. Этот протоурильский конгломерат двумя потоками переселяется в Приамурье, после чего здесь исчезает поздненеолитическое население осиноозерской культуры в Западном Приамурье и вознесенской культуры – в Восточном Приамурье [1], причем в культурном плане они были разными [2; 3].

Среди коллекции материалов из раскопок памятников урильской культуры Западного Приамурья есть две похожие друг на друга бронзовые бляшки, одна была обнаружена в жилище № 4 поселения на о. Урильский в 1961 г. и определена как «лапчатая подвеска карасукского типа» [4, с. 45, 138, 288, табл. XV, 8]. После ее публикации А.П. Деревянко в 1973 г. случилось так, что оригинал бляшки надолго пропал из поля зрения исследователей, и, по сути, считался утерянным. Однако во время ревизии хранилища артефактов Института археологии и этнографии СО РАН в 2016–2017 гг. эта урильская бляшка была неожиданно обнаружена в коллекции с поселения Анго на р. Зее, исследованного экспедицией А.П. Окладникова в том же 1961 г.¹ На ее тыльной стороне имеется надпись: «ДВ-61 Анго 142» (см. рисунок, 2). Памятник Анго отнесен к бронзовому веку на основании находки бронзовой бляшки (см. рисунок, 3) вместе с каменными артефактами (миниатюрные ножевидные пластины из кремня и халцедона, халцедоновые наконечники, небольшое шлифованное тесло) и хорошо профилированной гладкостенной керамикой. Такие бляшки относятся к карасукской археологической культуре, культуре плиточных могил Забайкалья, известны они и с поселений Чифэн и Суй-юань из Внутренней Монголии в Китае [4, с. 113, 279, табл. VI]. Однако на внешней и внутренней поверхностях этой дольчатой бляшки имеются ржавые пятна, которые, возможно, являются окислами, появившимися в результате контакта с железным предметом. Несмотря на то, что данный факт является косвенным и окислы могли появиться от соприкосновения с железистой почвой, данная бляшка могла принадлежать урильской культуре. Этому не противоречит находка на Анго вместе с бляшкой шлифованного тесла (см. рисунок, 4), которое имеет аналоги и в материалах с поселений на о. Урильский, Кочковатка [4, с. 289, табл. XIX, 2; с. 293, табл. XX, 10; с. 307, табл. XXXIV, 1]. Похожая дольчатая морфология бляшек также была присуща урильской культуре. Так, на памятнике Сухие Протоки-2 на р. Буре была найдена бронзовая дольчатая пронизка. Она со-

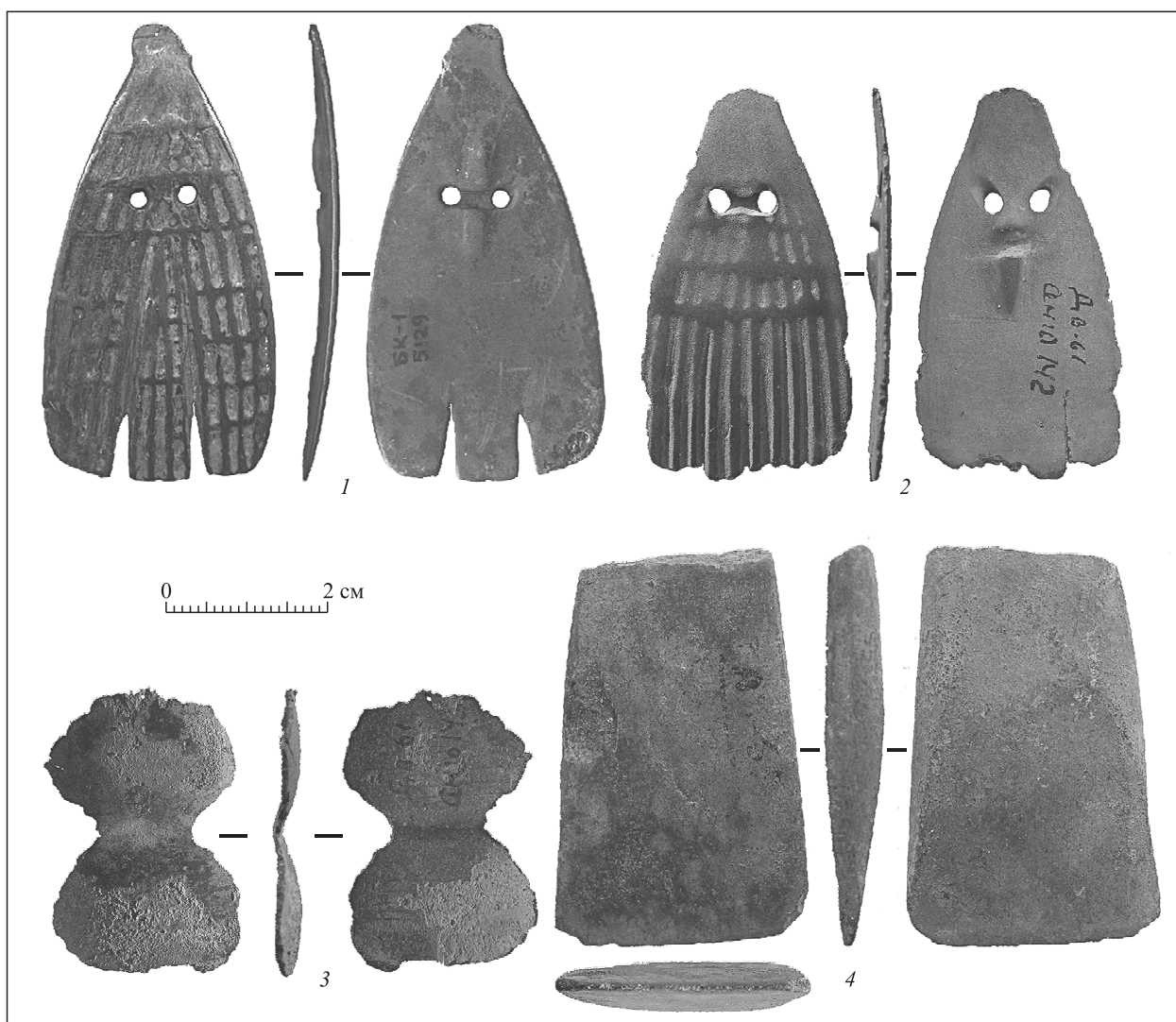
стоит из двух соединенных вместе выпуклых бляшек бочонковидной формы, на внешней стороне которых сделаны широкие вырезы, а на месте перехвата – парные прямоугольные отверстия. Полное, овальное в сечении изделие отделено от исходной, отлитой в форме заготовки. Украшение представляет собой дальневосточную разновидность дольчатых бляшек южно-сибирского типа, но не полусферической, а бочонковидной формы долек [5, с. 78, рис. 31, 6].

Лапчатая бляшка с о. Урильский на р. Амур (наибольшая длина 4,8 см, ширина 2,6 см) представляет собой слегка выпуклую подтреугольную пластину с двумя небольшими отверстиями в верхней части (см. рисунок, 2). Нижняя, слегка выпуклая кромка бляшки, как и нижняя часть боковых кромок, обломана. Вершина украшения закругленная. Лицевая часть украшена рельефным линейным орнаментом в виде сетки, нанесенным от уровня отверстий до середины изделия. При этом первый верхний уровень состоит из двух ячеек, сплошной второй – отделен от него и от расположенных ниже 11 вертикальных полос горизонтальными перемычками. На обратной стороне в верхней трети бляшки сохранились остатки сломанной петли для подвешивания. Два горизонтальных отверстия проделаны в пластине выше середины петли на 5 мм. От отверстий вверх под углом отходят конусовидные выемки как направляющие для шнура, видимо, сформованные изначально на модели, для которой использовалось изделие уже со сломанной петлей. Наличие направляющих для шнура предполагает использование бляшки в качестве подвески.

Лапчатая бляшка с р. Буреи, найденная на памятнике Букинский Ключ-1 в 1997 г., является полным аналогом бляшке с о. Урильский. Ее длина – 5,75 см, ширина – 2,9 см, в верхней части имеются два небольших отверстия. Бляшка представляет собой слегка выпуклую подтреугольную пластину с рассеченным на три части основанием и небольшим дисковидным навершием. Лицевая поверхность украшена рельефом в виде сетки, состоящей из сходящихся к вершине линий, пересеченных несколькими параллельными горизонтальными валиками, расположенными в шесть рядов. На обратной стороне в верхней трети бляшки сохранились остатки сломанной петли (см. рисунок, 1). Два отверстия сделаны посередине петли. Технико-технологический анализ бляшки, выполненный канд. ист. наук И.А. Дураковым, показал, что она является бронзовой копией, в качестве модели для которой использовано старое, сильно потертое в процессе длительного использования изделие со сломанной петлей. Наличие на бляшке двух отверстий и следов потертости от шнура, характерных для пришивания, а не подвешивания позволяет предполагать, что украшение как подвеска не использовалось [6, с. 37–39].

Общим для бляшек является подтреугольная форма, легкая выпуклость во внешнюю сторону, наличие на гладкой обратной стороне остатков петли для подвешивания, которые были присущи оригинальным вещам, используемым в качестве моделей для создания

¹ Благодарю за оказанное содействие ведущего специалиста Института археологии и этнографии СО РАН Ю.А. Плотникова, который обнаружил эту бляшку в коллекции с памятника Анго.

Предметы из бронзы (1–3) и камня (4) урильской культуры: 1 – лапчатая бляшка с памятника Букинский Ключ-1; 2 – лапчатая бляшка с поселения на о. Урильский; 3 – дольчатая бляшка с поселения Анго; 4 – тесло с памятника Анго.

их матриц. Одинаково решена и проблема крепежного устройства, после того как у бляшек сломались петли для подвешивания: в пластине проделывались парные горизонтальные отверстия в 3–3,5 мм друг от друга.

Несмотря на внешнее сходство, эти две лапчатые бляшки с р. Буреи и р. Амур имеют различающиеся элементы в оформлении и способах ношения: амурская использовалась как подвеска, а бурейская – как нашивка. Еще на пластичной модели бляшки-оригинала, используемой для изготовления украшения, найденного на р. Бурее, мастером-литейщиком были сделаны треугольные вырезы, которые придали ей лапчатую форму [6, с. 39]. Это хорошо видно на лицевой стороне, где вырезы своими вершинами продолжают две углубленные линии орнамента, сходящиеся углом у отверстий, т. е. в месте крепления петли с обратной стороны. Подобные элементы отсутствуют на бляшке

с р. Амур, но на обратной стороне пластины, обломанной снизу, имеется трещина, которая могла появиться в бронзе по линии разрушенного выреза (см. рисунок, 2). На лицевой стороне амурской бляшки-подвески особо выделенных углубленных линий нет, хотя три центральные линии также сходятся в одной точке под отверстиями в месте, где на обратной стороне располагалась петелька.

Новое «открытие» бляшки-подвески с о. Урильский, позволяющее провести ее всесторонний анализ, сравнение с бляшкой-нашивкой с Букинского Ключа-1, показало, что прежний вывод о том, что оба изделия, возможно, отливались с одного образца, оказался неверным. Украшения были скопированы с двух типологически похожих бляшек, но отличающихся друг от друга некоторыми элементами как морфологического, так и орнаментального характера. Технология

же изготовления данных бляшек по оттиску оригинала в пластичной, скорее всего, восковой форме (как это было установлено по бурейской подвеске [6, с. 39]), была едина для обоих предметов.

По внешнему облику бляшки урийской культуры относятся к лапчатым, широко распространенным в карасукском мире Южной Сибири, Центральной Азии и в Северном Китае в конце II – начале I тыс. до н.э. [7, с. 202; 8, с. 145]. Археологические материалы, стратиграфические данные бурейских памятников Сухие Протоки-2 и Букинский Ключ-1, где в раннеурийских слоях найдены бронзовые и железные предметы карасукского облика, а также радиоуглеродные даты [5, с. 97, табл. VIII] позволяют датировать бронзовые лапчатые бляшки начальным этапом формирования в Приамурье урийской археологической культуры, а именно XII–X вв. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нестеров С.П. Территориальные группы населения урийской культуры Приамурья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2016. Т. XXII. С. 385–388.
2. Окладников А.П., Деревянко А.П. Осинноозерская культура на Среднем Амуре // Материалы по истории Дальнего Востока (история, археология, этнография, филология). Владивосток, 1973. Т. 9. С. 33–42.
3. Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток, 2004. 156 с.
4. Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973. 356 с.
5. Древности Буреи. Новосибирск, 2000. 352 с.

6. Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урийской культуры с Букинского ключа на реке Буреи. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 32–42.

7. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. 248 с. (МИА, № 182).

8. Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970. 192 с.

REFERENCES

1. Nesterov S.P. Territorial population groups of the Urilsk culture in Priamurie. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk, 2016, vol. 22, pp. 385–388. (In Russ.)
2. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Osinozersk culture in the Middle Amur. *Materialy po istorii Dal'nego Vostoka (istoriya, arheologiya, etnografiya, filologiya)*. Vladivostok, 1973, vol. 9, pp. 33–42. (In Russ.)
3. Shevkomud I.Ya. Late Neolithic of the Lower Amur. Vladivostok, 2004, 156 p. (In Russ.)
4. Derevyanko A.P. Early Iron Age of Priamurie. Novosibirsk, 1973, 356 p. (In Russ.)
5. Antiquities of the Bureya river. Novosibirsk, 2000, 352 p. (In Russ.)
6. Nesterov S.P., Durakov I.A., Shelomikhin O.A. An early complex of the Urilsk culture of Bukinskii Kluch site on the Bureya river. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrasii*. 2008, no. 4, pp. 32–42. (In Russ.)
7. Chlenova N.L. Monuments chronology of the Karasuk epoch. Moscow, 1972, 248 p. (MIA, no. 182). (In Russ.)
8. Novgorodova M.A. Central Asia and the Karasuk problem. Moscow, 1970, 192 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 16.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170206
УДК 903.26

В.П. МЫЛЬНИКОВ¹, С. УЛЗИЙБАЯР²

**ДЕРЕВЯННЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЛОЖА ЗАКРЫТОГО ТИПА
ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В МОНГОЛИИ:
ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА САЛХИТЫН АМ***

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. ак. Лаврентьева, 17

²Институт истории и археологии Академии наук Монголии,
Монголия, 13343, г. Уланбаатор, ул. Жукова, 77

Погребальные ложа закрытого типа в Северной и Центральной Азии подразделяются на колоды и гробы. Первые захоронения в колодах, выдолбленных из целого ствола дерева, датируются раннескифским временем. Захоронения в гробах, изготовленных из досок, появились значительно позже – в гуннское время. Несмотря на большую вариативность в размерах и конструктивные особенности устройства, они состоят из трех основных частей: прямоугольного или трапециевидного ящика-полости, дна и крышки.

К настоящему времени в Монголии и на сопредельных территориях изучены многие десятки погребений гуннского времени в дощатых гробах. Каждое новое исследование таких археологических памятников дает новую информацию об особенностях изготовления этого вида погребальных лож и в целом дополняет банк данных о состоянии деревообработки в данный хронологический период.

Ключевые слова: Монголия, археология, гуннское время, погребальные ложа, дерево, технология.

V.P. MYLNIKOV¹, S. ULZIYBAYAR²

**HUNNIC ENCLOSED-TYPE WOODEN FUNERAL BEDS IN MONGOLIA:
A CASE STUDY OF SALHITYN AM BURIAL SITE**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russia

²Institute of History and Archaeology Mongolian Academy of Sciences,
77, Jucov str., Ulaanbaatar, 13343, Mongolia

Enclosed-type wooden funeral beds in North and Central Asia are divided into the blocks and coffins. The first burials are in blocks carved from a tree trunk dating back to the early Scythian time. Burials in coffins made of boards appeared much later in the Hunnic time. On the shape and complexity of the devices the following types of coffins are distinguished: rectangular, trapezoidal as well as single or double. Despite the large variation in the size and complexity of the device, they are comprised of three main parts: a rectangular or trapezoidal box-cavity, the bottom and the lid. Boxes-cavity are collected from four - six right-hewn timbers and boards, interconnected by means of leather straps, rectangular and X-shaped curved slots (facets-cuttings) and the same form of wooden spikes (fasteners) or nails. Long coffins' longitudinal walls in most cases are made with the residue. They are interconnected by means of grooves and thorns. Edges of the sides and ends by means of the operation of slots-finger joints are attached to the bottom of one or more wide boards. Caps are generally flat, mounted from one to two and three rarely right hewn boards in exactly the same way as the bottom-cavities boxes. In the children's coffins-cradle lids are nailed to the end walls of wooden nails (spikes). In double coffins external box-cavity usually made of hewn logs sided (half log) connected to each other «in junction», «in spike (inserted tenon)», very rarely – «paw (claw)». Cap or ceiling are constructed of two or three thick long timbers or a dozen short cross ones. To date in the territory of Mongolia and neighboring areas lots of Hunnic time burial plank coffins have been studied. Each new study of these archaeological sites provides new information about the features of the production of this type of burial beds and in general about the state of woodworking in the chronological period.

Key words: Mongolia, archeology, the Hunnic time, funeral beds (coffins, blocks), wood (tree), technology.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Владимир Павлович Мыльников – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru.

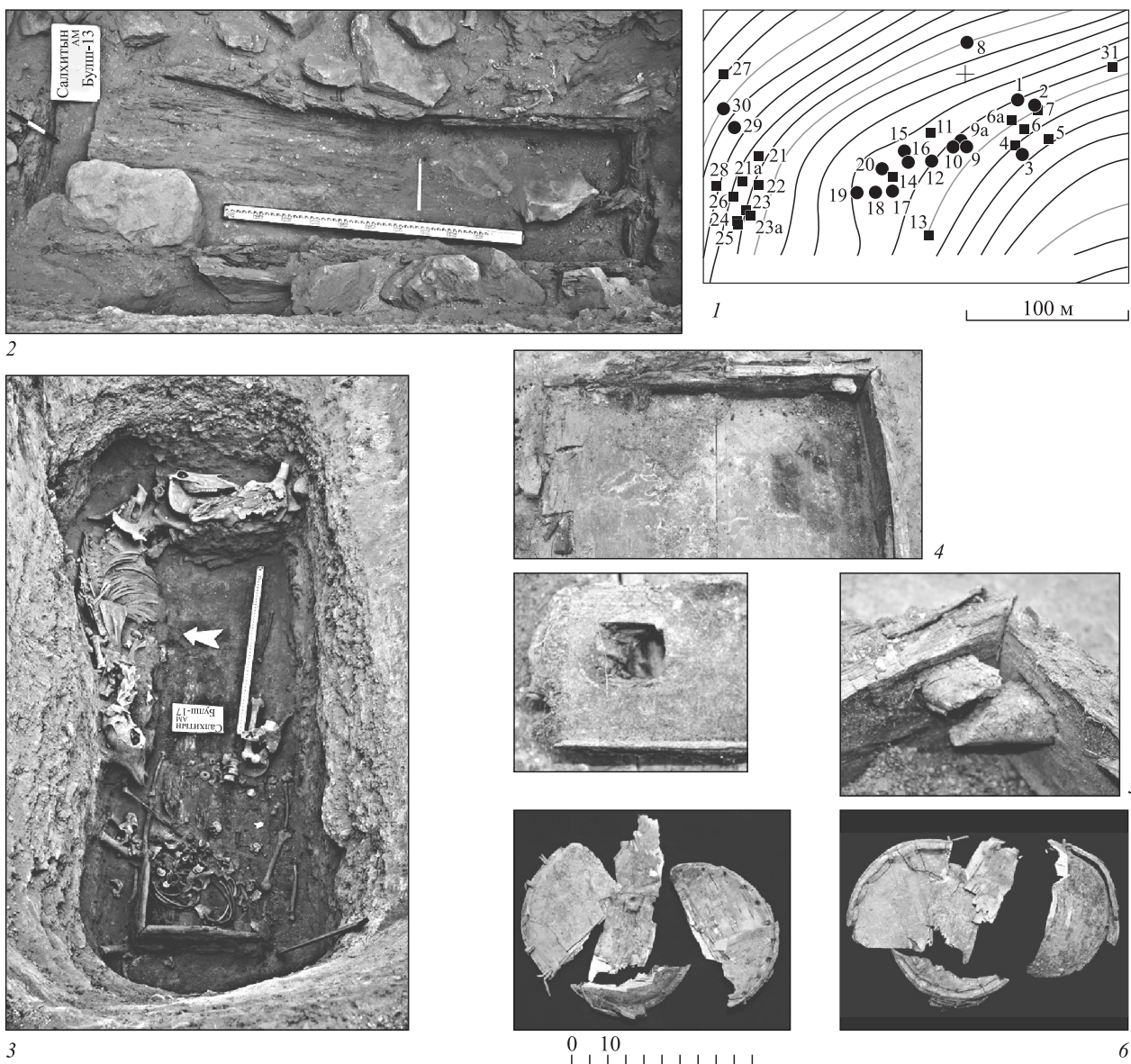
Содном Улзийбаяр – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Академии наук Монголии, e-mail: ulziibayars@yahoo.com.

Vladimir P. Mylnikov – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Sodnom Ulsiibayar – Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology Mongolian Academy of Sciences.

В 2009 г. экспедиционная группа «Северная Монголия» кафедры археологии и антропологии Монгольского государственного университета под руководством С. Улзийбаяра провела разведку археологических памятников и обнаружила в местности Салхитын ам, на северном склоне горы Булган, расположенной в долине р. Ац неподалеку от сомона Рашаант Хубсугульского аймака, могильник гуннского времени (см. рисунок, 1). На следующий год там были осуществлены раскопки четырех курганов. С 2011 по 2012 г. Национальная экспедиционная группа «По следам истории и культуры Хунну» Институ-

та истории Монгольской академии наук исследовала на могильнике Салхитын ам 32 погребения. На основе анализа полученных данных было установлено, что 27 захоронений относятся к гуннскому времени, одно датируется монгольским. Остальные не содержали предметов, позволяющих хронологически атрибутировать объекты. Раскопки показали, что почти все погребенные были ориентированы головой на запад. Такая особенность погребального обряда, по мнению исследователей, свидетельствует о том, что «покойники в этих местах были носителями культуры почитателей солнца», и эти погребения появились раньше

Погребальные ложа из дерева гуннского времени.
Монголия. Могильник.

1 – план могильника Салхитын ам; 2 – деревянный гроб в могильной яме кургана № 13; 3 – деревянный гроб в могильной яме кургана № 17; 4 – часть дна и стенок деревянного гроба в могильной яме кургана № 17; 5 – система пазово-шипового соединения досок ящика-полости гроба из кургана № 17; 6 – дно берестяного колчана в могильной яме кургана № 17.

аналогичных погребений в Монголии и Забайкалье [1]. Было зафиксировано, что в указанных захоронениях отсутствуют следы оттаивания мерзлой почвы, а палеонтологи по анализу зубов молодых лошадей определили, что в 14 могилах умершие были погребены весной и осенью. В 19 погребениях обнаружены остатки частей домашних животных – коней и коров. В пяти могильных ямах рядом с погребенными были захоронены полностью снаряженные кони, в трех – кони найдены выше погребенных. На основе совокупности данных ученые пришли к выводу, что обряд хоронить покойника головой на запад вместе с жертвенным конем в курганах могильника гуннского времени Салхитын ам находит прямые аналогии в синхронных погребениях Тувы и Горного Алтая [1].

Результаты радиоуглеродного анализа образцов из погребений, полученных в лаборатории «Beta» в США и других странах, подтвердили первоначальное предположение о том, что наиболее ранние погребения относятся к периоду с 210 по 170 г. до н. э. (Западный Хань), а остальные могут быть отнесены к рубежу нашей эры [2, т. 231–232; 3, с. 183–186; 4, т. 234–240].

В курганах № 2, 8, 13, 15–17 исследованного памятника обнаружены погребения в деревянных погребальных ложах закрытого типа разной степени сохранности. В кургане № 2 умерший был захоронен в листовенничной колоде, размерами 200 х 60 см. Этот вид погребального ложа был единственным среди 27 погребений. Остальные погребения совершены в дощатых гробах, изготовленных из двусторонне обработанных досок. Степень их сохранности различная. Лучшую сохранность имели погребальные ложа из курганов № 13 и № 17, анализу которых и посвящена данная статья.

Чтобы понять конструктивные особенности и общие черты в устройстве данного вида погребального ложа из дерева, следует обратиться к краткому обзору сведений об аналогичных материалах по данной теме.

МОНГОЛИЯ

Погребальные ложа рядовых гуннов отличаются от элитных упрощенным устройством и не особой тщательностью обработки древесины. Они в довольно большом количестве как целые, так и их фрагменты найдены в курганных погребениях на территории следующих аймаков Монголии.

Увс (Убсунурский) аймак. *Могильник Улангом*. Могила № 29. На глубине 150 см обнаружен дощатый гроб размером 180×50 см. Могила № 44. На глубине 140 см найдено захоронение в дощатом гробу размером 180×50×40 см, у которого боковые, торцовые стенки и дно сделаны из плах толщиной 5 см. Крышка смонтирована из трех досок шириной 15–20 см, толщиной 2 см. В могиле № 50 выявлены остатки дощатого гроба трапециевидной формы. В могильной яме № 51 на глубине 200 см обнаружен дощатый гроб [5, с. 108–117].

Оворхангайский аймак. *Могильник Тэви Уул*. Курган № 16 содержал продолговатый сруб из тонких бревен, соотношение длины и ширины сторон 1 : 3, внутри

которого найдена рама-гроб. В кургане № 20 обнаружено захоронение в гробу (200×76×60 см) из досок. На боковых стенках выявлен орнамент в виде ломаных перекрещивающихся линий, образовывавших восемь ромбов. Перекрытие потолка поперечное, из семи узких дощечек.

Несколько гробов аналогичного устройства выявлены в погребениях на могильнике *Увс Амгийн Чандмань*.

Могильник МЗТСХЭ. Курган № 1 содержал захоронение в трапециевидном гробу, собранном при помощи шипового соединения из пяти широких досок. В кургане № 2 найдено захоронение в трапециевидном гробу, по технике изготовления аналогичном вышеописанному.

Булганский аймак. *Могильник Овгон Уул*. В кургане № 1 обнаружено погребение в узком длинном гробу из широких плах, которые были скреплены между собой при помощи пар небольших квадратных шипов и отверстий. По конструкции и основным технологическим деталям погребальное сооружение почти аналогично исследованным в Иволге, Дерестуйском культуке, Ильмовой и Черемуховой падах Забайкалья [6, с. 32–167; 7; 8].

Могильник Туухийн Хурээлэн. В кургане 4 внутри сруба найден гроб из пяти широких плах, скрепленных между собой при помощи пар квадратных шипов и отверстий, и крышки. Технология изготовления гроба аналогична производству гробов гуннской элиты в Ноин-Уле. Гроб аналогичной конструкции выявлен в кургане № 5.

Могильник Туулын-Хайрхан. В могильной яме на глубине 230 см, выявлен трапециевидный гроб размером 195×47–58×30–44 см с крышкой из двусторонне отесанных и лицеванных досок, соединенных между собой при помощи пазово-шипового соединения.

ТУВА

Могильное поле Аймырлыг [9; 10, с. 34–41; 11, с. 21–23] – самый крупный археологический памятник гунно-сарматского времени в зоне затопления водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС, в Улуг-Хемском р-не, на левом берегу р. Чаа-Холь в Туве. При раскопках могил обнаружено 19 погребений в дощатых гробах.

В Саяно-Алтайском нагорье Тувы в исследованных археологических памятниках II в. до н. э. – V в. н. э. выявлены захоронения в трапециевидных и прямоугольных деревянных гробах, изготовленных из листовенничных и тополевых досок [12, с. 81].

Могильник Кара-Даш. В могильной яме кургана №1 на глубине 190 см обнаружен гроб из тонких (2–3 см) листовенничных досок со следами обработки теслом с плоским лезвием шириной 5 см. Ящик-полость был собран из четырех досок: двух боковых размером 228×33–49×33–27 см, двух торцевых (49×33 см в головах и 31×27 см в ногах). Крышка и дно размерами 228×55×43 см были изготовлены из одной широкой доски.

Могильник Кокэль – памятник гунно-сарматского времени I в. до н. э. – V в. н. э. Курган № 3. В могиле

на глубине 160 см найдено захоронение в трапециевидном гробу из лиственничных досок. В могильной яме кургана № 7 обнаружен гроб (220×60×40 см) из тополевых досок. Крышка гроба размером 230×40 см, изготовленная из тополевой доски, имела следы обработки теслом. Курган № 11. В могиле № 28 выявлены захоронения в двух прямоугольных гробах, поставленных параллельно. В могиле № 41 расчищено захоронение в прямоугольном гробу с отсеком для посуды в головках [13, с. 143–184; 14, с. 71; 15, с. 56–80; 16, с. 195].

Наибольший информативный материал по деревообработке дал анализ трапециевидных в плане гробов из курганов № 13 и № 17 могильника гуннского времени Салхитым ам в Монголии.

Курган № 13 находился в 65 м к юго-востоку от кургана № 17. В могильной яме на глубине 296 см был расчищен археологически целый гроб (см. рисунок, 2). Сохранность материала средняя. Длина гроба составляла 230 см, ширина – 75х55–58 см, предполагаемая высота – 30–35 см. Размеры плаха: зафиксированная ширина – 30 см, толщина 4–5 см. Ящик-полость смонтирован из четырех плах, сохранились также остатки длинных досок – 5–6 см. Соединение досок – пазово-шиповое. Дно и крышка гроба сделаны из двух плах. Для дополнительной жесткости длинные продольные доски ящика-полости были укреплены крупными каменными плитками и грунтом. Аналогии этому погребальному ложу можно найти в публикациях материалов по археологии северо-восточных областей Китая [17; 18].

Сохранность деревянного ложа из кургана № 17, расположенного в центре могильника, удовлетворительная (см. рисунок, 3). Длина гроба – 228 см, Ширина – 80–85х60 см. Высота – 33–35 см. Предполагаемая ширина плахи – 30 см, толщина 4–5 см. Ящик-полость смонтирован из четырех плах, соединенных особым, пока нигде не зафиксированным способом. Длинные продольные и короткие поперечные доски срезаны примерно под углом 45° и плотно соединены между собой при помощи необычного пазово-шипового соединения посредством прямоугольных отверстий и соединительных реечек-шкантов (рисунок, 4). Сквозные отверстия в углах каждой доски ящика-полости прорублены долотом под углом 45°. Шканты-реечки размерами 10–12х5х5 см очень плотно вставлены (вколочены) в гнезда (рисунок, 5). Дно и крышка гроба собраны из двух плах, тщательно подогнанных друг к другу и присоединенных к днищу и боковым стенками при посредстве прямоугольных отверстий и шкантов-клиньев.

В этом же погребении были обнаружены части (развал) днища берестяного колчана для стрел (рисунок, 6).

Технико-технологический анализ деревянных погребальных лож закрытого типа гробов из курганов могильника гуннского времени Салхитым ам в Монголии позволил выявить дополнительные сведения о конструктивных особенностях этого обязательного атрибута погребального обряда. Наиболее информа-

тивными в плане получения новой информации о технологии обработки дерева и способах изготовления гробов гуннского времени оказались погребальные ложа из погребений в курганах № 13 и № 17. Сравнительно-типологический анализ технологических особенностей этих артефактов с подобными из синхронных погребений других памятников Монголии и сопредельных территорий показывает, что при изготовлении этих ритуальных предметов деревообрабатчики руководствовались определенными стандартами, фиксируемыми при анализе формы, размеров, основных компонентов. Эти параметры находят много общего с погребальными ложами из дерева из синхронных памятников Тувы и Забайкалья из Ильмовой пади. Особая аккуратность в обработке досок (тщательная отеска и лицевка) может свидетельствовать не только о мастерстве деревообрабатчиков, но и о возможном применении нового для кочевых народов инструмента – рубанка.

Погребальное ложе из кургана № 17 имеет свои отличительные особенности в соединении продольных и поперечных досок ящика-полости при помощи наклонных сквозных прямоугольных отверстий и соединительных реечек-шкантов квадратного сечения. Такой вид пазово-шипового соединения отдельных деталей в одно целое является новым, пока он не находит аналогий в известном круге памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Улзийбаяр С., Очир Б., Уртнасан Э. К вопросу раннего этапа Хуннуской археологической культуры (на материале могильника Салхитым ама) // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 2015. С. 323–332.
2. Амартувшин Ч., Хатанбаатар П. Хүннү булшны судалгаа // Дундговь аймагт хийсэн археологийн судалгаа: Бага газрын чулуу УБ., 2010. № 9-р хүснэгт. Т. 231–232.
3. Бросседер У., Марсадалов Л.С. Новые радиоуглеродные даты для Иволгинского археологического комплекса объектов в Забайкалье (предварительные результаты) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ, 2010. Вып. 4. С. 183–186.
4. Brosseder U., Bayarsaikhan J., Miller B.K., Odabaatar Ts. Seven radiocarbon dates for Xiongnu burials in Western and Central Mongolia // Öv Nüdelchdiin судлал. 2011. Vol. 11. P. 234–240.
5. Цэвээндорж Д. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978. С. 108–117.
6. Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 219 с.
7. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Наука, 1985. 111 с.
8. Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Археологические памятники сюнну. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. Вып. 2: Иволгинский могильник. 176 с.
9. Мандельштам А.М. Исследования на могильном поле Аймырлыг // Древние культуры Евразийских степей (по материалам археологических работ на новостройках). Л.: Наука, 1983. С. 25–33.
10. Стамбульник Э.У. Новые памятники гунно-сарматского времени в Туве: Некоторые итоги работ // Древние культуры Евразийских степей: По материалам археологических работ на новостройках. Л.: Наука, 1983. С. 34–41.
11. Свод археологических памятников Республики Тыва / сост. И.У. Самбу. Кызыл, 1994. 191 с.

12. Кызласов Л.П. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. 207 с.

13. Вайнштейн С.И. Памятники Казылганской культуры // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 2. С. 143–184.

14. Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году (погребения Казылганской и Сыын-чурекской культур) // Тр. ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. 3. С. 7–79.

15. Дьяконова В.П. О погребальном обряде тувинцев. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна реки Хемчика // Тр. ТКАЭЭ. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 2. С. 56–80.

16. Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Тр. ТКАЭЭ. Л.: Наука, 1970. Т. 3. С. 80–209.

17. The Chu State Tombs at Yutaishan of Jiangling. (With an English abstract). Jingzhom Museum, Hubei Provinze. Cultural Relics Publishing. House. Beijing: Institute of Archaeology, 1984. 194 p.

18. Western HAN Tombs at Dabaotai Beijing. Compiled by the Institute of Archaeology. CASS. Cultural Relics Publishing House. Beijing: Institute of Archaeology, 1990. 157 p.

REFERENCES

1. Ulziibayar, S., Ochir B., Urtnasan E. To an early stage of the Hunnic archaeological culture (on materials of Salikhityn Am burial ground). *Aktualnye voprosy arkheologii i etnologii Tsentralnoy Azii*. Ulan-Ude, 2015, pp. 323–332. (In Russ.)

2. Amartyvshin Ch., Khatanbaatar P. Khynny bulshny sudalgaa. *Dundgov aymagt khiysen arkheologiyin sudalgaa: бага газрын чулуу*. Ulaan Baatar, 2010, № 9-р khysnegt, t. 231–232. (In Mongol.)

3. Broseder U., Marsadolov L.S. New radiocarbon dates for the Ivolga archaeological complex objects in Transbaikalia (preliminary results). *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoy Sibiri / Tsentralnaya Aziya i Pribaykale v drevnosti*. Ulan-Ude, 2010, no. 4, pp. 183–186. (In Russ.)

4. Broseder U., Bayarsaikhan J., Miller B.K., Odbaatar Ts. Seven radiocarbon dates for Xiongnu burials in Western and Central Mongolia // *Nyydelchdiynov sudlal*. 2011, vol. 11, no. 20, pp. 234–240.

5. Tseveendorzh D. Chandmana culture. *Arkheologiya i etnografiya Mongolii*. Novosibirsk, 1978, pp. 108–117. (In Russ.)

6. Konovalov P.B. The Xiongnu in Transbaikalia (funerary monuments). Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1976, 219 p. (In Russ.)

7. Davydova A.V. The Ivolga complex (settlement and burial ground) – a monument to the Xiongnu in Transbaikalia. Leningrad: Nauka, 1985, 111 p. (In Russ.)

8. Davydova A.V. The Ivolga archaeological complex. Archaeological sites of syunnu. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1996, iss. 2: Ivolginskii mogil'nik, 176 p. (In Russ.)

9. Mandel'shtam A.M. Investigations at the Aymyrlyg graves field. *Drevnie kultury Evraziiskikh stepey (po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroikakh)*. Leningrad, 1983, pp. 25–33. (In Russ.)

10. Stambul'nik E.U. New monuments of Hun-Sarmatian time in Tuva: (some results). *Drevnie kultury Evraziiskikh stepey (po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroikakh)*. Leningrad, 1983, pp. 34–41. (In Russ.)

11. A set of archaeological monuments of the Tuva Republic. Comp. I.U. Sambu. Kyzyl, 1994, 191 p. (In Russ.)

12. Kyzlasov L.R. Ancient Tuva (from Paleolithic to the IX century). Moscow: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1979, 207 p. (In Russ.)

13. Vainshtein S.I. Monuments of Kazyrgan culture. *Trudy TKAE*. Moscow, Leningrad, 1966, vol. 2, pp. 143–184. (In Russ.)

14. Vainshtein S.I. Excavations at the Kokel' burial ground in 1962 (burials of Kazyrgan and Syyn-churek cultures). *Trudy TKAE*. Leningrad, 1970, vol. 3, pp. 7–79. (In Russ.)

15. Dyakonova V.P. About the funeral sites of Tuva. Materials on the ethnography and archaeology of the Khemchik river basin. *Trudy TKAE*. Moscow, Leningrad, 1966, vol. 2, pp. 56–80. (In Russ.)

16. Dyakonova V.P. Large mounds-cemeteries at the Kokel' burial ground. *Trudy TKAE*. Leningrad, 1970, vol. 3, pp. 80–209. (In Russ.)

17. The Chu state tombs at Yutaishan of Jiangling. Beijing: Inst. of Archaeology, 1984, 194 p.

18. Western Han tombs at Dabaotai Beijing. Beijing: Inst. of Archaeology, 1990, 157 p.

Статья принята
редакцией 16.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170207
УДК 902/904 (571)

М.С. ДЕМАХИНА

**ЗООАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПАМЯТНИКОВ
ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОГО ПРИОБЬЯ)***

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

В статье дан анализ редких остеологических материалов с памятников верхнеобской культуры Новосибирского Приобья. Приведены результаты остеологического определения найденных костных остатков. Дана видовая характеристика животных (как диких, так и домашних), сделаны выводы о преобладающей роли скотоводства, в частности коневодства, в хозяйственной деятельности верхнеобцев. Рассмотрено несколько точек зрения на присутствие костных остатков собаки и на поселениях, и в могильниках. Высказано предположение о типе хозяйства населения Новосибирского Приобья – комплексном, включающем элементы как присваивающего (охота и рыболовство), так и производящего хозяйства.

Ключевые слова: зооархеологический комплекс, верхнеобская культура, остеологический материал, поселение, могильник, скотоводство, охота.

M.S. DEMAKHINA

**ZOOARCHEOLOGICAL COMPLEXES
OF THE MONUMENTS OF VERHNEOBSKAYA CULTURE
(ON NOVOSIBIRSK OB REGION MATERIALS)**

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
17, Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia

The object is to characterize the economic activity of the Verkhneob culture representatives in Novosibirsk Ob region based on the osteological material analysis. Nowadays there are no special works dedicated to studying zoomaterials of the early middle ages (Verkhneob and synchronous cultures). Mainly specific composition is briefly mentioned in generalizing articles. That is why the author has investigated osteological materials of the Verkhneob culture monuments in Novosibirsk Ob region in details. The materials of settlements and funeral monuments have been studied.

The paper marks an extreme scarcity of osteological materials on monuments of the early middle age. Animals submitted in a bone sample are both wild and domestic ones. Three forms of domestic cattle have been revealed – a horse, a goat (a sheep), a cow. The brief characteristics of animals are given.

It is also noted, that horse bones prevail at all monuments of early middle age both in Novosibirsk Ob region and adjacent territories. Several points of views are identified on finding dogs bone residues in settlements and monuments.

The basic zones of bone remains allocation on monuments have been defined. Bones (1–6 fragments) were located in dwellings and between dwellings sites, but bone remains practically were not recorded near hearths in settlements. In funeral monuments animal bones were recorded in burial pits, as well as small pits near burials.

Thus, the economic-cultural type of the population of Novosibirsk Ob region in the period under review is characterized as a complex one including in itself both elements of assigning and producing economy. It should be clearly confirmed that a cattle breeding was a predominant branch of the producing economy. The cattle breeding with horses' dominant role is noted. Rather high role of hunting in economy of West Siberian residents in early middle age has been marked.

Key words: zooarcheological complex, Verkhneob culture, osteological material, settlement, burial ground, cattle breeding, hunting.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

Марина Сергеевна Демахина – аспирант, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: marshinza@mail.ru.
Marina S. Demakhina – post-graduate student, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS.

Ископаемые остатки животных позволяют получить информацию о социальной и экономической жизни древнего населения. В настоящее время практически отсутствуют специальные работы, посвященные подробному изучению зооматериалов раннего Средневековья в Новосибирском Приобье. Как правило, о видовом составе кратко говорится в обобщающих работах, однако определения видов в основном интуитивные. На современном этапе развития науки с использованием мультидисциплинарного подхода стало возможным более подробное исследование остеологических материалов верхнеобских памятников указанной территории.

На территории Новосибирского Приобья как на поселениях, так и на погребально-поминальных памятниках обнаружено незначительное количество костных остатков животных, что вызывает удивление, если учитывать вскрытые площади памятников. Например, на городище Крохалевка-18 вскрыто 2910 м², а костных остатков обнаружено всего 21 фрагмент. Но другие категории находок (керамика, металлические, костяные и другие изделия) представлены довольно широко.

Нами исследовано 115 костей и фрагментов костей и зубов, а также 11 скелетов животных с 12 памятников, при этом неопределимых фрагментов было 5.

В данной подборке представлен фактически весь костный материал, тем не менее ее можно считать репрезентативной для всей территории Новосибирского Приобья¹.

На поселениях костные фрагменты, в количестве 1–6, найдены в жилищах и на межжилищных участках, причем возле очагов костные остатки практически не фиксировались. Единично зооматериалы присутствовали в заполнении рвов. В погребальных памятниках кости животных встречены в могильных ямах, а также в небольших ямках возле погребений.

С поселенческих памятников учтены 28 костей и их фрагментов, принадлежащих домашним животным (табл. 1). Материалы получены со следующих городищ: Черный Мыс-2 (1 кость), Крохалевка-18 (21 кость), Крохалевка–Соколово-5 (1 зуб) и III Кordon-2 (5 костей), хранятся в многопрофильном музее Новосибирского государственного педагогического университета (коллекционные номера – 170, 583, 639, 711 соответственно).

Единичные кости животных (в частности, лошади) в заполнении жилищ упоминаются в отчетах на таких памятниках, как Черный Мыс-1 (встречаются около очагов, материковых «лежанок», среди керамических обломков); на городище Юрт-Акбалык-1 в жилище № 5, в зольнике,

Т а б л и ц а 1

Видовой состав животных на поселенческих памятниках верхнеобской культуры

Вид	Количество костей	Вид кости	Памятник, место нахождения
Собака	1	Обломок диафиза плечевой кости	Черный мыс-2, землянка, участок 5
Лошадь	1	Плечевая кость	Крохалевка-18
	1	1-я фаланга	
	1	Астрагал	
	1	2-я фаланга	
	1	Коленная чашка	
	2	Грифельные кости	
	4	Кости заплюсны	
	1	Челюстная кость	
	1		
	2	Обломок таза	
	1	Обломок лопатки	
	1	Обломок 3-й фаланги	
	1	Обломок локтевой кости	
Корова	2	Обломок 1-й фаланги	III Кordon-2
Овца-коза	1	Обломок нижней челюсти	
Лошадь	1	Зуб нижней челюсти (МЗ)	
	1	Обломок нижней челюсти с 4 зубами	
	1	Обломок верхнего конца плюсневой кости	
	1	Обломок нижнего конца плюсневой кости	
	1	2-я фаланга	
Лошадь	1	Зуб	Крохалевка–Соколово-5, жилище 4

¹ Автор благодарит канд. биол. наук С.К. Васильева за помощь в определении остеологического материала.

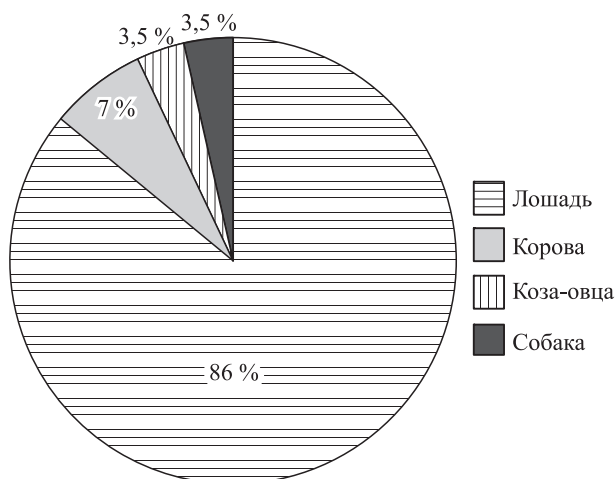

Рис. 1. Процентное соотношение костей сельскохозяйственных животных.

встречено скопление костей лошади. Однако, к сожалению, данные об их количестве отсутствуют².

На поселениях выявлены остатки трех видов скота – лошади, козы (овцы), коровы. В долевого соотношении среди остеологических остатков преобладают кости лошади – 86 % (24 фрагмента), доля коровы – 7 % (2 кости), и по 3,5 % (по 1 кости) приходится на присутствие козы-овцы и собаки (рис. 1).

Кости домашних животных из погребений составляют 74 % от всего найденного костного материала (74 фрагмента). Из них 62 % (46 экз.) принадлежат лошади, 24 % (18 фрагментов) – корове. Из других домашних животных встречаются кости собаки – 10 фрагментов (14 %). Кости козы (овцы) отсутствуют (табл. 2). В погребальных памятниках преобладают кости лошади. Всего учтено 87 костей и фрагментов костей и 11 скелетов диких и домашних животных из следующих памятников: Умна-3 (1 зуб и 1 неполный скелет), Черное Озеро-1 (5 костей и зубов), Высокий Борок (1 кость и 1 череп), Крохалевка-13 (44 кости и 1 скелет), Крохалевка-23 (19 фрагментов костей и зубов, 1 скелет), Юрт-Акбалык-8 (16 костей и 2 скелета), Чингисы-2 (6 скелетов). Материалы хранятся в музее НГПУ (коллекционные номера – 164, 171, 194, 402, 428, 541, 549, 527, 541, 555, 577, 604, 612).

Как видно из полученных данных, лошадь является здесь самым распространенным видом (рис. 1). Рассматриваемые материалы представлены в основном фрагментами костей ног и зубов (преобладание лошадей в скотоводстве верхнеобцев признают все исследователи территории Верхнего Приобья). В Новосибирском Приобье отмечено абсолютное преобладание костных остатков этих животных на поселениях (86 %), в то время как в погребальных памятниках доля их снижается до 62 %.

О широком распространении лошадей свидетельствуют и часто встречаемые в погребальных памят-

никах находки остатков этого животного и предметов конской упряжи. В верхнеобских курганах, особенно на более поздних этапах бытования культуры, останки лошадей присутствуют в погребениях вместе с останками людей. Такая ситуация отмечается на памятнике Чингис-2, где в одной могиле были похоронены всадник и две лошади [1, с. 76]. Аналогичная ситуация встречена и на памятнике Ваганово-1 [2, с. 73]. По мнению С.П. Нестерова, такое захоронение объясняется использованием при похоронах лошадей в качестве перевозочного средства – животных убивали, чтобы отрезать путь покойнику обратно, а в дальнейшем перевезти его душу на тот свет [3, с. 87].

На погребальных памятниках встречены отдельные захоронения лошадей (табл. 2). В основном это молодые особи, которые вряд ли использовались для перевозки тела, и, вероятно, судя по их захоронению в отдельной могиле, были принесены в жертву. К жертвоприношению исследователи относят и обнаруженные рядом с погребениями ямы с раздробленными и полуобожженными остатками лошадей [4, с. 109]. Расположение отдельных конских костей в насыпи кургана, в частности конских черепов, исследователи связывают со следами тризны. Т.Н. Троицкая считает, что конские головы, оставшиеся после поминального обряда, захоранивались в насыпи кургана как источник жизненной силы, необходимой для перерождения умершего [5, с. 58–59]. По мнению других исследователей, лошадь могла использоваться населением в качестве продукта питания и средства передвижения, но не как тягловое животное [6, с. 137].

Остатки коровы относятся ко второй группе по частоте встречаемости, они представлены в основном зубами и обломками костей ног. В отличие от лошадей, наибольшая встречаемость (24 %) зафиксирована в погребальных памятниках, на поселениях доля распространения остатков животных снижается до 3,5 %.

Кости мелкого рогатого скота в Новосибирском Приобье присутствуют лишь в поселенческих памятниках. Их находки единичны: на городище Крохалевка-18 учтен один фрагмент челюсти, вероятно овцы. Упоминается и обнаружение на памятнике Юрт-Акбалык-1 одной бараньей кости.

Костные остатки собак встречаются достаточно часто, в основном в погребальных памятниках. Нами учтены 6 фрагментов костей – чаще всего это череп или его фрагменты (челюсть), бедренные кости и 4 скелета. На поселениях находки костей собак единичны (нами учтен 1 фрагмент плечевой кости).

Наличие костей собак на поселениях и в могильниках не имеет однозначной интерпретации. Как отмечают многие исследователи, собаки, связанные с погребальной обрядностью и обнаруженные на поселениях, – это результат развития традиции кулайских и более ранних племен, связанных с культом этого животного [5, с. 58–59]. Однако существует другое мнение по поводу корректности термина «культ», более предпочтительным предлагается понятие «участие» собаки в различного вида обрядовых действиях [7].

² Архив Института археологии РАН. Ф. 1. 1968 г. Д. 3705. Л. 10-13

Видовой состав животных на погребальных памятниках верхнеобской культуры

Вид	Количество костей	Вид кости	Памятник, место нахождения
1	2	3	4
Лошадь	1	Резец (ad)	Умна-3, курган 13
Птица	1	Неполный скелет	Умна-3, могила
Лошадь	4 1 1 1	Зуб верхней челюсти Зуб нижней челюсти Нижний конец пястной кости Астрагал	Черное Озеро-1, курган 1
Корова	1	Зуб верхней челюсти (ad)	
Собака	1 1	Нижняя половина бедренной кости Осевого череп (ad)	Высокий Борок, курган 3, сек. 1–2
Лось	1 1	Обломок 2-й фаланги Обломок 3-й фаланги	Крохалевка-13
Лошадь	2	Обломки зубов верхней челюсти	
	2	Зубы верхней челюсти (полувзрослый)	Крохалевка-13, курган 14, насыпь
	1	Обломок диафиза бедренной кости	Крохалевка-13, курган 2, насыпь
	1 1	Обломок зуба нижней челюсти Обломок диафиза бедренной кости	Крохалевка-13
Северный олень	1 1 1 1 1	Заплечная лучевая кость Пяточная кость Заплечная промежуточная кость Обломок диафиза лучевой кости Тело позвонка (грудного)	
Рыба	1	Тело позвонка	
Косуля	2 1 2 2 2 1 1 1 1	Пяточная кость Обломок локтевой кости 1-я фаланга 2-я фаланга 3-я фаланга Обломок верхнего конца лучевой кости Заплечная промежуточная кость Метаподия нижнего блока Лопатка неполная	
	1	Обломок резца	
	7 4 2 1	Зубы верхней челюсти Зубы нижней челюсти Обломки шейных позвонков Обломок таза	
Собака	1	Обломок мозгового отдела черепа	
	1	Скелет	Крохалевка-13, курган 20, насыпь

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Собака	1	Неполная левая ветвь нижней челюсти	Крохалевка-23, яма 6
	2	Обломки нижней челюсти (правый и левый, одна особь)	Крохалевка-23
	1	Скелет	Крохалевка-23, курган 5, насыпь
Корова	1	Обломок зуба верхней челюсти	Крохалевка-23, курган 21, сек. 2–3
	1	Обломок нижнего конца пястной кости	
	1	Обломок астрагала	
Лошадь	6	Зубы нижней челюсти (взрослая старая особь)	Крохалевка-23, яма 4
	5	Зубы верхней челюсти	Крохалевка-23, яма 3
	2	Резцы (взрослая старая особь)	
Северный олень	1	Обломок лопатки	Крохалевка-23, скопление над ямой 3
Лошадь	16	Бабка	Юрт-Акбалык-8, курган 6, могильная яма
Собака	1	Скелет	Юрт-Акбалык-8, курган 13, насыпь
	1	Скелет	Юрт-Акбалык-8, курган 28, насыпь
Лошадь	1	Скелет	Чингис-2, курган 3, могила
	2	Скелет	Чингис-2, курган 3, могила
	2	Неполный скелет	Чингис-2, курган 3, межмогильное пространство
Лошадь	1	Скелет	Красный Яр-1, яма

Если говорить об использовании собаки в хозяйстве, то исследователи верхнеобской культуры единодушно отмечают ее участие в охоте [1, с. 76]. В частности, многие подчеркивают, что захоронение собаки в совокупности с лошадью и набором вооружения может считаться и социальным маркером, демонстриру-

ющим социальный статус погребенного, которого они сопровождают [8, с. 85–88]. А.В. Новиков не отрицает и возможность использования собак в качестве транспортного средства [9, с. 121–122]. Нельзя исключать и охранную функцию этого животного.

Говоря о характере скотоводства, можно предположить, что оно могло быть отгонным, поскольку на поселениях не встречено следов содержания скота. Говорить о его содержании в собственных домах также трудно, поскольку, судя по размерам и планировке жилых построек, крупный рогатый скот вряд ли мог там поместиться. Вероятно, животные могли содержаться в небольших загонах неподалеку от мест проживания людей.

На исследованных нами памятниках поселений кости диких животных не обнаружены. Однако в изучаемых погребальных комплексах найдено 24 кости и фрагменты костей пяти видов животных (рис. 2). В основном это представители травоядных, кости хищников отсутствовали. Большинство костей – 13 (54 %) составляют кости косули, 25 % (6 фрагментов) – кости северного оленя, 2 фрагмента (9 %) – костные остатки лося, 1 фрагмент зуба (4 %) принадлежит бобру. Встречен также фрагмент позвонка рыбы и фрагмент кости птицы.

Мясо животных, в частности, оленя, косули и лося, широко использовалось в пищу, рыба также со-

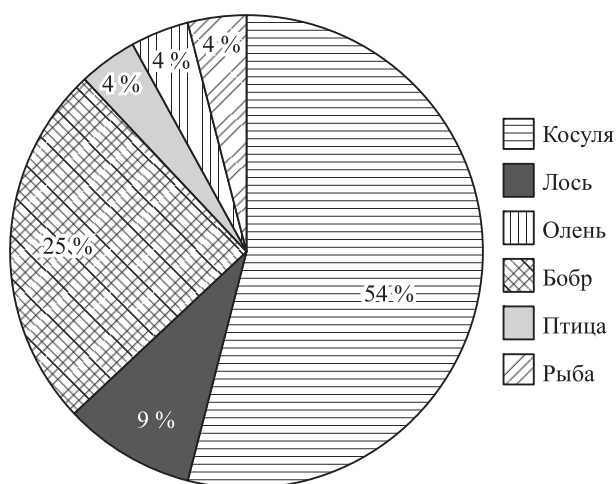

Рис. 2. Процентное соотношение костей диких животных

ставляла значительную часть рациона (следует учесть близость верхнеобских поселений к лесным массивам и крупным водоемам). Продукты охоты нередко служили и погребальной пищей для умершего, на что указывает частая их встречаемость в могильниках.

На памятниках отсутствуют кости таких животных, как лиса, медведь, заяц, а также пушных зверей (соболь, белка и др.). Такая ситуация типична и для синхронных материалов с соседних территорий. Согласно данным этнографии, можно предположить, что это могло быть связано с обычаем особого обращения с костями убитых животных – их складывали в определенном месте или закапывали. Считалось, что нарушение этого обычая вело к последующему уменьшению объектов промысла [10, с. 82]. Что же касается пушного зверя, использовались лишь ценные шкурки животных, сама же тушка, вероятно, закапывалась.

Говоря об охоте, мы принимаем во внимание и орудия, которые могли быть связаны с этим видом деятельности. На погребальных памятниках встречаются костяные наконечники стрел – мелкие с шиловидным концом – для пушного зверя (чтобы не портить шкурку), более массивные – для остальных животных. Шкурки, полученные при охоте, обменивались на различные товары. Косвенным подтверждением этому служат дорогостоящие импортные вещи, найденные на археологических памятниках Томского и Нарымского Приобья, которые могли быть получены указанным образом [1, с. 68; 10, с. 80–82; 4, с. 102; 6, с. 139]. Часть исследователей считают, что преобладала пассивная охота с применением давящих и удушающих устройств [10, с. 80; 6, с. 138].

Таким образом, несмотря на незначительное количество остеологического материала, мы тем не менее на основе остеологического анализа можем сделать некоторые выводы. Следует признать явное доминирование остатков лошадей как на поселениях, так и на погребальных памятниках, причем такая ситуация встречается и на памятниках сопредельных территорий. Кроме того, наблюдается преобладание костей домашних животных над дикими.

В связи с незначительным количеством исследуемого материала дать подробное описание хозяйственно-культурного типа населения верхнеобской культуры Новосибирского Приобья невозможно. Однако ситуация на сопредельных территориях позволяет предположительно охарактеризовать его как комплексный. Отметим также, что у этносов, проживающих в Западной Сибири, до сих пор существуют комплексные хозяйства с преобладающей ролью скотоводства, например, у селькупов, хантов и др. [11; 12]. Высказано предположение о существовании отгонного скотоводства при доминирующей роли лошади. Можно выделить, кроме того, достаточно высокую роль охоты в хозяйстве населения указанной территории в Средневековье. Подтверждением этому служит большая доля костей диких животных в общем количестве материала, частая встречаемость охотничьих орудий в погребениях и этнографические параллели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.
2. Бобров В.В., Васютин А.С., Онищенко С.С. Вагановский курганный некрополь IX в. н. э. в Присалаирье. Кемерово, 2010. 276 с.
3. Нестеров С.П. Конь в культах тюркоязычных племен Центрального Алтая в эпоху Средневековья. Новосибирск, 1990. 142 с.
4. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск, 1983. 246 с.
5. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.
6. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.
7. Новиков А.В. Собаки в погребальной обрядности древнего населения Новосибирского Приобья // III исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1995. Ч. 2. С. 130–134.
8. Кузнецов Н.А. Собака как социальный маркер в средневековых курганах Южной Сибири // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. Кемерово, 1997. С. 85–88.
9. Новиков А.В. К вопросу о транспортном собаководстве Западной Сибири // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Томск, 1998. С. 121–124.
10. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 184 с.
11. Пелих Г.И. Селькупы XVIII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981. 177 с.
12. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. 226 с.

REFERENCES

1. Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneob culture in Novosibirsk Ob region. Novosibirsk, 1998, 152 p. (In Russ.)
2. Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Onishchenko S.S. Vaganov burial necropolis of the IX century A.D. in Salair region. Kemerovo, 2010, 276 p. (In Russ.)
3. Nesterov S.P. The horse in cultures of Turkic-speaking tribes in middle ages of Central Altai. Novosibirsk, 1990, 142 p. (In Russ.)
4. Belikova O.B., Pletnyova L.M. Monuments of Tomsk Ob region in V–VIII centuries B.C. Tomsk, 1983, 244 p. (In Russ.)
5. Troitskaya T.N. The Kulai culture in Novosibirsk Ob region. Novosibirsk, 1979, 142 p. (In Russ.)
6. Kazakov A.A. The Odintsov culture of Barnaul-Biya Ob region. Barnaul, 2014, 152 p. (In Russ.)
7. Novikov A.V. Dogs in mortuary rites of ancient population of Novosibirsk Ob region. III istoricheskie chteniia pamyati M.P. Gryaznova. Omsk, 1995, pt. 2, pp. 130–134. (In Russ.)
8. Kuznetsov N.A. A dog as a social marker in medieval barrows of South Siberia. Sotsial'naya organizatsiya i sotsiogenez pervobytnykh obshchestv: teoriya, metodologiya, interpretatsiya. Kemerovo, 1997, pp. 85–88. (In Russ.)
9. Novikov A.V. On breeding transport dogs in West Siberia. Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti. Teoriya, metodologiya, praktika. Tomsk, 1998, pp. 121–124. (In Russ.)
10. Chindina L.A. The history of the Middle Ob region in the early middle ages (the Ryolkin culture). Tomsk, 1991, 184 p. (In Russ.)
11. Pelikh G.I. Selcups of the XVIII century (essays of the social-economic history). Novosibirsk, 1981, 177 p. (In Russ.)
12. Kulemzin V.M., Lukina N.V. Vasyugan-Vakh Khants at the end of XIX – early XX centuries. Tomsk, 1977, 226 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 16.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170208
УДК 903. 2(415)(=512.1)

Ю.С. ХУДЯКОВ

КИСТЕНИ КЫРГЫЗСКИХ ВОИНОВ ТЯНЬ-ШАНЯ*

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2

В статье рассматриваются находки кистеней – боевых гирь, представляющих собой один из видов ручного ударного оружия кыргызских воинов на Тянь-Шане эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Они изучались в частном музее «Раритет» и в одном из частных собраний предметов вооружения, хранящихся в г. Бишкеке. Освещены основные события и результаты изучения кистеней специалистами по истории оружия Северной Евразии. Находки боевых гирь с территории Тянь-Шаня классифицированы по формальным признакам на отдельные типы. Определены хронология и культурная принадлежность этих предметов. Высказано предположение об использовании боевых гирь кыргызскими воинами в ходе боев с их историческими противниками.

Ключевые слова: Тянь-Шань, кыргызские воины, ручное ударное оружие, боевые гири, эпоха позднего Средневековья, Новое время.

Yu.S. KHUDYAKOV

FLAILS OF THE KYRGYZ WARRIORS OF TIAN SHAN

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentiev str., Novosibirsk, 630090, Russia
Novosibirsk National State University,
2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia

The article examines findings of flails (fighting weights) representing a sort of hand-held shock weapon, that were in the Kyrgyz warriors weapon of Tian Shan during the Late Middle Ages and Modern period. These objects of armament were studied in the weapon collection of private museum «Rarity», as well as a part of a private collection of archaeological objects in Bishkek city. The article traces the main events of the history of flails studied by specialists of the weapon history in Northern Eurasia. The examined findings of fighting weights from the territory of Tian Shan are classified by formal signs and related to different types of this sort of weapon. The paper provides argumentation to define chronology and cultural affiliation of examined fighting weights. It is supposed that fighting weights were used by the Kyrgyz warriors during their battles with historical adversaries in the nomadic world: West Mongolian, Dzungar or Oirat peoples. The author considers main data on the history of applying fighting weights by the ancient and medieval ethnoses in Europe, Central Asia. According to available archaeological materials this weapon appeared in Eastern Europe in the Late Bronze Age. The most ancient findings of flails were discovered in archaeological monuments of the Koban culture in Northern Caucasus. Flails were used in close combats by the warriors of Khazar Khanate in the era of the early Middle Ages. They were used as strike weapon by the Sogdian warriors in the territory of Central Asia. The Old Turkic and Kimaek warriors utilized fighting weights as strike weapon in regions of Sayan-Altai Mountains and the Irtysh River basin in the early Middle Ages. Similar strike weapons were applied by the warriors of Great Liao and Jurchen State at the territory of Central and Eastern Asia in the developed Middle Ages epoch.

Key words: Tian Shan, Kyrgyz warriors, hand-held shock weapon, fighting weights, late Middle Ages, Modern era.

*Исследование проведено при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Юлий Сергеевич Худяков – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e-mail: khudjakov@mail.ru.

Julii S. Khudyakov – Doctor of Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk National State University.

Среди различных видов ручного ударного оружия, которые были на вооружении у кыргызских воинов на Тянь-Шане в позднее Средневековье и Новое время, определенное место занимали кистени – боевые гири, крепившиеся с помощью цепи или кожаного ремня к рукояти. С помощью этого ударного оружия воины могли наносить поражающие удары по противнику в ближнем бою верхом на своих боевых конях, а также в боевых столкновениях, находясь в спешенном положении.

Согласно определению, предложенному известным историком оружия П. фон Винклером, кистени состояли из деревянной рукоятки, с одного конца которой на цепи или на ремне крепились «металлические утяжелители» – шар, или гиря, а с другого конца – петля для надевания на руку воина. В походном положении кистени носили сзади, «за поясом или кушаком» [1; 2, с. 238–239]. Кистени в археологических памятниках средневековых культур народов Южной Сибири, Центральной и Средней Азии встречаются редко. Значительно чаще их обнаруживали в средневековых комплексах на территории Восточной Европы. Об истории применения этого вида оружия в Восточной Европе говорится в книге А.Н. Кирпичникова по истории оружия Древней Руси [2, с. 58]. Использование кистеней средневековыми воинами Алтая и сопредельных территорий рассмотрено В.В. Горбуновым в монографии, посвященной изучению военного дела населения этого района Южной Сибири в Средние века [3, с. 86–87].

По имеющимся в современной археологической литературе сведениям, применение ударного оружия типа кистеней в Северной Евразии восходит, вероятнее всего, к позднему бронзовому веку. В монографии В.И. Козенковой среди предметов вооружения носителей кобанской культуры Северного Кавказа выделены «булавовидные» кистени [4, с. 79–80]. Судя по небольшому количеству находок этих предметов в памятниках данной культуры, в то время указанный вид оружия применялся достаточно редко. Сведений о его использовании в ближнем бою воинами древних кочевых народов в этом регионе в научной литературе выявить не удалось.

Если же анализировать результаты исследований специалистов по средневековой археологии Восточной Европы, то можно установить, что широкое распространение среди тюркских кочевых народов данного региона этот вид ударного оружия получил в эпоху раннего Средневековья. Согласно результатам изучения археологических памятников средневековых кочевников этого региона, «древнейшие находки восточноевропейских кистеней связаны с Юго-Востоком» Европы, где они обнаружены в памятниках Нижнего Поволжья и Подонья IV–IX вв. н. э. Судя по имеющимся материалам, обнаруженным в ходе раскопок в памятниках салтово-маяцкой культуры, относящихся к разным этническим образованиям в составе Хазарского каганата, найдена целая серия металлических и костяных кистеней [2, с. 59].

В 1980-е гг. А.В. Крыгановым были проанализированы находки кистеней из некоторых памятников салтово-маяцкой культуры, принадлежавшие воинам Хазарского каганата [5, с. 67]. Помимо хазарских воинов в эпоху раннего Средневековья в Восточной Европе такое ручное ударное оружие применяли в ходе боевых столкновений также волжские булгары. Сведения о том, что кистени были найдены в некоторых археологических памятниках на территории Волжской Булгарии, приведены в монографии И.Л. Измайлова [6, рис. 71–73].

На территории Средней Азии отдельные находки кистеней происходят из средневековых памятников Согдианы. В ходе раскопок средневекового дворца согдийского правителя Пенджикента, который датируется VIII в. н. э., был найден оригинальный кистень, состоявший, согласно описанию В.И. Распоповой, «из двух свинцовых полушарий, скрепленных железным стрежнем» [7, с. 75–76; рис. 52].

В раскопанных памятниках на территории Саяно-Алтая и южных районов Западной Сибири обнаружены единичные находки кистеней, которые происходят из памятников тюркских кочевников эпохи раннего Средневековья. Одна из находок боевой гири, по данным М.П. Грязнова, была найдена в Верхнем Приобье – на памятнике Ближние Елбаны VIII, относящемся к сrostкинской культуре [8, с. 146, 152; табл. LIV, 6]. Второй кистень обнаружен В.А. Могильниковым в ходе раскопок в парном погребении воинов на могильнике Гилево VII, исследованном в предгорьях Алтая. Кистень изготовлен из меди в виде сдавленного с двух сторон шара с боковой петлей, состоящей из двух стержней, соединенных между собой неширокой пластинкой [9, с. 106; рис. 46, 9]. По мнению Д.Г. Савинова, население сrostкинской культуры входило в объединение тюркоязычных племен кимаков [10, с. 113–118]. Поэтому находки кистеней из памятников сrostкинской культуры можно отнести к комплексу вооружения кимакских воинов. Еще один кистень, изготовленный из бронзы и железа, с шаровидным ударником и поврежденной петлей, найден Б.Б. Овчинниковой в древнетюркском захоронении на могильнике Аймырлыг в Туве [11, с. 104; рис. 12, 7]. Вероятно, в эпоху раннего Средневековья такое редкое для древнетюркских и кимакских кочевников ручное ударное оружие могло попадать в Саяно-Алтай и Верхнее Приобье по известным в то время торговым путям из Средней Азии.

В последующую эпоху развитого Средневековья в Центральной и Восточной Азии аналогичное оружие ударного действия было на вооружении у воинов киданьской империи Ляо [12, с. 51]. Боевые гири также имелись в распоряжении у чжурчжэньских воинов империи Цзинь в XII – начала XIII вв. Позднее кистени в качестве ударного оружия применялись монголами и воинами из состава войск монгольских государств, находившихся под управлением Чингизидов в XIII–XIV вв. в разных регионах Восточной, Центральной, Средней Азии, а также в Восточной Евро-

пе. По мнению М.В. Горелика, у монголов были «распространены и кистени – боевые гири, соединявшиеся посредством ремня с древком». Согласно его утверждению, боевые гири имелись на вооружении у «состоятельных и достаточно высокопоставленных» монгольских воинов. Особое внимание обращают на себя боевые гири с шарообразной или грушевидной ударной частью, они крепились к ремню или цепи с помощью петли или сквозного отверстия [12, с. 20–21, 67; рис. 37–41]. Применялось такое оружие для нанесения поражающих ударов по противнику в ближнем бою воинами Золотой Орды [13, с. 27]. Находки металлических и костяных гирь из памятников Волжской Булгарии экспонируются в Национальном музее Татарстана [14, рис. 12, 5].

Вероятно, в эпоху развитого и позднего Средневековья, возможно под влиянием воинов из государств Чингизидов, кистени могли быть приняты на вооружение воинами некоторых тюркских кочевых народов Центральной Азии, в том числе тьянь-шаньскими кыргызами. Не исключено, что к разным народам Северной Азии боевые ударные гири могли попадать в результате торговых и культурных контактов с русскими казаками и служилыми людьми [15, рис. 57, 1]. Русские воины в Сибири имели на вооружении кистени в период присоединения сибирских земель к Российскому государству, в течение всего XVII в.

Судя по некоторым вещественным материалам, изученным на территории Казахстана, в позднее Средневековье и Новое время этот вид ударного оружия использовали в ближнем бою и казахские воины [16, с. 320].

Боевые гири в качестве ударного оружия широко применялись в ряде стран Западной и Восточной Европы в развитое и позднее Средневековье. У европейцев эти предметы включали металлический шар (или гирю, нередко покрытую острыми шипами), который на цепи крепился к деревянной рукояти или древку; он мог укрепляться и с помощью кожаной петли на руке воина. В Европе данный вид оружия назывался боевым цепом или боевым бичом. По мнению некоторых исследователей, это был вид оружия, которым вооружались воины, набранные из крестьян. Оружие было похоже на обычный цеп, которым молотили зерно. В составе армии чешских гуситов имелись специальные отряды воинов, вооруженных боевыми цепами и способных активно противостоять тяжело-вооруженным европейским рыцарям. Особой формой комбинированного ударного оружия в Западной Европе являлась пломмея, соединившая в себе боевой молот и цеп с железным шаром на конце [17, с. 21–22]. В Западной Европе в эпоху позднего Средневековья применялись также боевые цепи, которые назывались «моргенштерн» – «утренняя звезда» [18, с. 73, 155]. Использовались также ударники в виде кольца с шипами на цепи и деревянной рукояти – «кеттенморгенштерн» [19, р. 88].

Однако в отечественном оружейоведении к настоящему времени наиболее полно изучены древнерусские

кистени эпохи развитого Средневековья. Сводка находок кистеней из древнерусских памятников X–XIII вв. приведена в исследовании А.Н. Кирпичникова [2, с. 59, 62–65]. Европейцы относили кистени к обычным видам оружия, характерным для русских воинов XII–XVI вв. [20, с. 27–28]. В древнерусских городах были найдены и костяные кистени. Некоторые из них были украшены княжеским родовым знаком Рюриковичей – трезубцем [2, с. 59–62].

В процессе изучения предметов вооружения кыргызов Тянь-Шаня, проводившегося в последние годы автором настоящей статьи с участием коллег из Новосибирского научного центра и при содействии археологов из Кыргызстана, в частных музейных собраниях и коллекциях Бишкека удалось выявить и исследовать несколько находок кистеней.

Одна из находок боевой гири, представляющая собой ударное оружие типа кистеня, была изучена в оружейной коллекции частного музея «Раритет» в г. Бишкеке при непосредственном содействии его владельца – В.В. Кадырова. Точное местонахождение этой находки не установлено. Вероятнее всего, она происходит из Чуйской долины Кыргызстана. Данную боевую гирю можно отнести к первому типу кистеней – многогранных, с боковой кольцевой петлей. Это отлитый из металлического сплава многогранный предмет кубической формы, со скошенными углами, размеры по центральной оси каждой из сторон куба составляют 6 см. Поверхности сторон многогранника представляют собой фигуры ромбической формы со скошенными плоскостями. На боковых сторонах многогранника находятся остатки не вполне понятных изображений или знаков, прочерченных каким-то острым металлическим предметом. На верхней части многогранника, в центре ромбической плоскости, имеется выступающая на его поверхности многолепестковая розетка, состоящая из 14 узких, расширяющихся от центра к концам лепестков удлиненной трапециевидной формы с округленными окончаниями. В центр розетки помещена кольцевая пластинчатая петля с округлым проемом и слегка уплощенной верхней частью. Диаметр петли – 1,1 см, ширина – 0,8 см. Вполне очевидно, что эта петля могла служить для закрепления кожаного ремня или металлической цепи, с помощью которых боевой гирей можно было размахивать над головой и наносить удары по противнику. На противоположной от петли плоскости многогранника находится небольшой сферический выступ. Можно высказать предположение о том, что петля с многолепестковой розеткой и сферический выступ соединены между собой через многогранник (рисунок, 1, 2). Аналогий данной находке среди оружейных коллекций, изученных в Кыргызстане, выявить не удалось. Судя по хорошей сохранности этого предмета и отсутствию следов коррозии, он может относиться к комплексу вооружения кыргызских воинов на Тянь-Шане эпохи этнографической современности.

Еще одна находка боевой гири, привлеченная для анализа в настоящей статье, была обнаружена

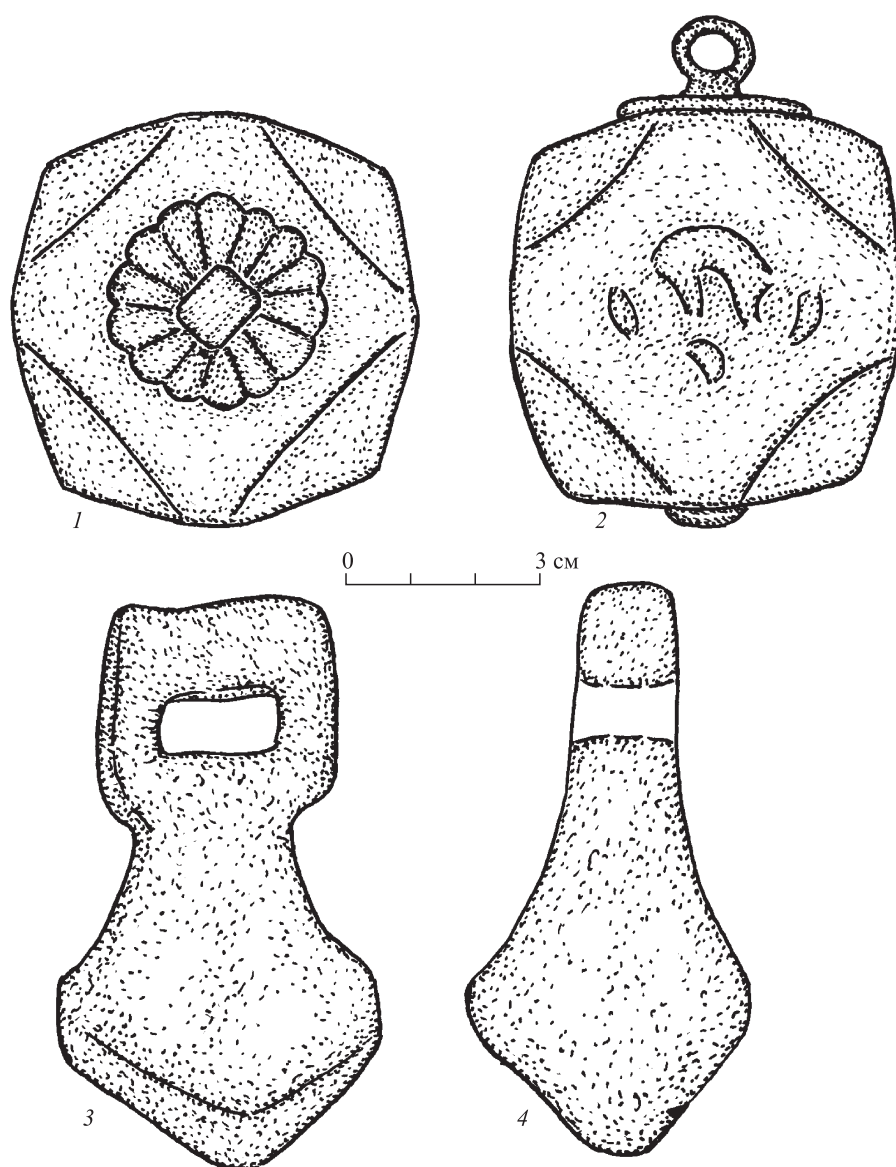

Рис. 1. Кистени кыргызских воинов на Тянь-Шане:

1, 2 – кистень первого типа; 3, 4 – кистень второго типа.

ранее в окрестностях г. Токмака в юго-восточной части Чуйской долины. В настоящее время она хранится в частном собрании нумизмата и коллекционера В.А. Кымышева в г. Бишкеке, который согласился предоставить эту находку для изучения. Данную боевую гирию можно отнести ко второму типу кистеней – ударников грушевидной формы с боковой прямоугольной петлей. Она представляет собой откованную из железа грушевидную ударную часть со сглаженными очертаниями, размерами – 5,3 x 4,8 x 4,4 см. Боевая гирия снабжена массивной уплощенной боковой петлей, четырехугольной формы, с неровным верхним краем и прямоугольным проемом. Размеры этой петли – 3,6 x 3,5 x 1,6 см. В данный боковой проем петли, судя по его

очертаниям, мог продеваться кожаный ремень, с помощью которого боевую гирию можно было крепить к рукояти и раскручивать над головой для того, чтобы наносить поражающие удары противнику (см. рисунок, 1, 3, 4). Судя по схожей по форме находке боевой ударной гирии из Барабинской лесостепи, кистень из Токмака может относиться к вооружению кыргызских воинов на Тянь-Шане в эпоху позднего Средневековья [15, рис. 57, 1].

В кыргызских исторических, этнографических и фольклорных источниках прямые свидетельства о применении кистеней в качестве боевого ударного оружия кыргызскими воинами не содержатся. Однако имеются некоторые косвенные свидетельства об ис-

пользовании тянь-шаньскими кыргызами и казахами плетей в качестве особого вида ударного оружия. Они применялись для нанесения ударов по противнику или сопернику в ходе междоусобных драк и спортивных состязаний, когда противник не ставил перед собой цели уничтожения соперника. В статье, посвященной оружию казахов, известный казахский ученый, находившийся в середине XIX в. на российской военной службе, Ч.Ч. Валиханов описал казахские нагайки, которые, наряду с деревянными палицами и орудиями для ловли лошадей, он отнес к числу предметов вооружения казахских кочевников. Согласно его описанию, эти предметы использовались для «охраны скота и домашних драк» [21, с. 35].

Р.А. Бейбутовой, изучавшей в середине 1990-х гг. военную и оружейную терминологию кыргызов Тянь-Шаня, содержащуюся в кыргызском героическом эпосе «Манас», не было выявлено какого-либо специального термина, который обозначал бы ударное оружие типа кистеня или боевой гири. Можно высказать предположение, что для обозначения такого вида ударного оружия кыргызскими воинами мог использоваться проанализированный этой исследовательницей специальный термин «дарра», буквально означающий «толстая плеть», которая считалась у кыргызов одним из видов ударного оружия [22, с. 135]. Как отмечено выше, таким же образом кожаная плеть определялась в качестве одного из видов оружия и у казахов [23, с. 35]. Отсутствие отдельного, специализированного термина для обозначения кистеня может свидетельствовать о том, что данный вид ручного ударного оружия мог быть воспринят кыргызами от других кочевых или оседлых этносов. Вероятно, боевые гири могли быть заимствованы тюркоязычными кочевниками Среднеазиатского региона у монгольских воинов Чагатайского улуса, поскольку у них на вооружении в эпоху монгольских завоеваний уже имелись боевые кистени [12, с. 20–21]. Вполне возможно, что в дальнейшем кистени сохранились у воинов Монголии или Средней Азии, от которых их могли заимствовать кыргызские кочевники в эпоху позднего Средневековья или в начале Нового времени. Однако, судя по имеющимся материалам, данный вид оружия не получил у кыргызских воинов широкого распространения, поэтому для его обозначения не понадобилось вводить специальный термин.

Как свидетельствуют кыргызские этнографические материалы, среди традиционных народных спортивных состязаний, распространенных у кыргызов Тянь-Шаня, были известны спортивные бои всадников, атакующих друг друга нагайками [23, с. 64–72]. Такие спортивные поединки с использованием плетей можно рассматривать в качестве своего рода подготовки к боевому использованию ручного ударного оружия типа кистеня.

Среди изученных в настоящей статье находок кыргызских боевых гирь необходимо выделить отличающийся по конструктивным особенностям кистень с ударником многогранной формы, украшенный неко-

торыми элементами орнамента и схематичным изображением животного на грани, где расположена петля. Такая форма не была характерна для металлических боевых ударников, использовавшихся воинами кочевых народов Центральноазиатского региона в предшествующий период развитого Средневековья [12, с. 67, рис. 36–42]. Возможно, этот кистень был изготовлен в одном из городских или ремесленных центров Средней Азии. Вполне вероятно, что данная боевая гиря с многогранным ударником могла принадлежать профессиональному кыргызскому воину – батыру. В отличие от этого кистеня, другая боевая гиря, найденная в окрестностях Токмака, представляет собой вполне обычную находку одного из кистеней, которые были широко распространены в позднее Средневековье на территории Внутренней Азии от Тянь-Шаня до Западной Сибири. Она могла принадлежать рядовому кыргызскому воину, который мог использовать этот вид ударного оружия для нанесения поражающих ударов по противнику в ходе ближнего боя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фон Винклер П. Иллюстрированная история оружия. М.: Эксмо, 2010. 256 с.
2. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени // Свод археологических источников. М.; Л., 1966. Вып. Е – 1–36. 215 с.
3. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул, 2006. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). 232 с.
4. Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // Свод археологических источников. М., 1995. Вып. В – 2–5. 166 с.
5. Крыганов А.В. Кистени салтово-маяцкой культуры Подонья // Советская археология. 1987. № 2. С. 63–69.
6. Измайлов И.Л. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань; Магадан, 1997. 212 с.
7. Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1990. 139 с.
8. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 48. 163 с.
9. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.
10. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.
11. Овчинникова Б.Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М., 2004. С. 86–110.
12. Горелик М.В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М., 2002. 84 с.
13. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. 224 с.
14. Гасимов О.Р. Оружие в собрании Национального музея Республики Татарстан. Казань: «Заман», 2003. 160 с.
15. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. 262 с.
16. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.
17. Тихомирова Е. Превращение палицы // Холодное оружие. М., 2006. С. 20–25.
18. Беляев Л.А. Крепости и вооружение Восточной Европы. (Золотой блеск эпохи). М., 2005. 192 с.

19. Muller H., Kolling H. Europäische Hieb- und Stichwaffen aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin, 1981. 448 s.
20. Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1978. 120 с.
21. Валиханов Ч.Ч. Вооружение киргиз в древние времена и их военные доспехи // Собр. соч.: в 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 4. С. 35–39.
22. Бейбутова Р.А. К истории названий оружия киргизского воина в эпосе «Манас» // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 125–137.
23. Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). СПб., 1998. 320 с.

REFERENCES

1. Von Winkler P. Illustrated history of weapon. Moscow: Exmo, 2010, 256 p. (In Russ.)
2. Kirpichnikov A.N. The Old Russian weapon. Moscow; Leningrad, 1966, iss. 2: Spears, javelins, battle-axes, clubs, flails. *Svod archeologicheskikh istochnikov*. iss. E1-36. (In Russ.)
3. Gorbunov V.V. Military science of population of the Altai Mountains in III–XIV centuries. Barnaul, 2006, pt. 2: Offensive armament (weapon), 232 p. (In Russ.)
4. Kozenkova V.I. Weapon, martial and horse equipment of tribes of the Koban culture (systematization and chronology). Western variant. *Svod archeologicheskikh istochnikov*. Moscow, 1995, iss. B2-5. (In Russ.)
5. Kriganov A.V. Flails of the Saltovo-Mayaki culture of the Don River basin. *Sovetskaya archeologiya*. 1987, no. 2, pp. 63–69. (In Russ.)
6. Izmailov I.L. Armament and military affairs of Volga Bulgaria population in the X–XIII centuries. Kazan; Magadan, 1997, 212 p. (In Russ.)
7. Raspopova V.I. Metal pieces of early Medieval Sogd. Leningrad, 1980, 139 p. (In Russ.)
8. Grjaznov M.P. History of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near Bol'shaya Rechka village. *Materialy i issledovaniya po archaeologii SSSR*. Moscow; Leningrad, 1956, no. 48. (In Russ.)
9. Mogil'nikov V.A. The nomads of the northwestern foothills of the Altai Mountains in the IX–XI centuries. Moscow, 2002, 362 p. (In Russ.)
10. Savinov D.G. The peoples of Southern Siberia in the Old Turkic era. Leningrad, 1984, 175 p. (In Russ.)
11. Ovchinnikova B.B. The Old Turkic monuments of the tomb field Aimyrlyg. *Drevnosti Vostoka*. Moscow, 2004, pp. 86–110. (In Russ.)
12. Gorelik M.V. Armies of the Mongol-Tatars of the X–XIV centuries. Martial art, munitions, arms. Moscow, 2002, 84 p. (In Russ.)
13. Nedashkovskii L.F. The Golden Horde city Ukek and its districts. Moscow, 2000. 224 p. (In Russ.)
14. Gasimov O. Weapons in the collection of the national museum of the Republic of Tatarstan. Kazan; Zaman, 2003, 160 p. (In Russ.)
15. Molodin V.I., Sobolev V.I., Soloviev A.I. Baraba in the late Middle Ages. Novosibirsk, 1990, 262 p. (In Russ.)
16. Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S. The nomads' weapons and tactics of Central Asia and South Siberia during the epoch of the late Middle Age and early Modern Age (the XV – first half of XVIII centuries). Saint Petersburg, 2008, 776 p. (In Russ.)
17. Tikhomirova E. Mace transformation. *Kholodnoe oruzhie*. Moscow, 2006, pp. 20–25. (In Russ.)
18. Belyaev L.A. Fortresses and armament of Eastern Europe. (The epoch golden shine). Moscow, 2005, 192 p. (In Russ.)
19. Muller H., Kolling H. Europäische Hieb- und Stichwaffe aus der Sammlung des Museums für Deutsche Geschichte. Berlin, 1981, 448 p. (In Ger.)
20. Kirpichnikov A.N. Military science in Russia in the XIII–XV centuries. Leningrad, 1978, 120 p. (In Russ.)
21. Valikhanov Ch.Ch. Armament of the Kyrgyz people in ancient times and their military armour. *Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochinenii: v 5 t.* Alma-Ata, 1985, vol. 4, pp. 35–39. (In Russ.)
22. Beibutova R.A. The history of the weapons names of Kyrgyz warriors in the epic «Manas». *Voennoe delo i srednekovaya arkheologiya Tsentralnoi Azii*. Kemerovo, 1995, pp. 125–137. (In Russ.)
23. Simakov G.N. Falconry and cult of prey birds in Central Asia (ritual and practical aspects). Saint Petersburg, 1998, 320 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 20.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170209
УДК 902.2(599)

А.В. ТАБАРЕВ¹, Д.А. ИВАНОВА¹, А.Е. ПАТРУШЕВА²

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ФИЛИППИНСКОГО АРХИПЕЛАГА: КЛЮЧЕВЫЕ СЮЖЕТЫ И ПРОБЛЕМАТИКА ИССЛЕДОВАНИЙ*

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090 г. Новосибирск, пр. Ак. Лаврентьева, 17

²Новосибирский государственный университет,
РФ, 630090 г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

Археологические материалы Филиппинского архипелага, несмотря на свою яркость, уникальность и высокую информативность, долгое время оставались вне поля интересов отечественных археологов. Интенсификация научных и научно-образовательных контактов стран АТР и взаимное стремление к сотрудничеству создают благоприятные предпосылки для начала систематического изучения древних культур Филиппин и совместных археологических проектов. В статье приводится краткий обзор основной проблематики и ключевых направлений археологического поиска на архипелаге, рассматриваются вопросы археологической хронологии и периодизации. Специальный акцент сделан на изучении традиции погребений в сосудах, отмечаются ее специфические черты, предлагаются оригинальные версии о сходстве и различиях с аналогичными традициями в Юго-Восточной Азии и на Японском архипелаге.

Ключевые слова: Тихоокеанский бассейн, Филиппинский архипелаг, австронезийцы, периодизация, хронология, погребения в сосудах.

A.V. TABAREV¹, D.A. IVANOVA¹, A.E. PATRUSHEVA²

ANCIENT CULTURES OF PHILIPPINE ARCHIPELAGO: KEY TOPICS AND SUBJECT MATTERS

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Ak. Lavrentieva str., Novosibirsk, 630090, Russia

²Novosibirsk State University,
2, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russia

Archaeological materials from the Philippine archipelago though unique, highly informative and unusual, have been for a long time out of interests of Russian archaeologists. Up to date Russian specialists have not studied Philippine topics, archaeological materials have been unknown, and publications in Russian on the ancient Philippine cultures are absent. Intensification of scientific-educational contacts among countries of the Asia-Pacific region along with mutual aspiration to the cooperation create favorable conditions for systematic studies of ancient cultures of the Philippines and joint archaeological projects. The article objective is an overview of key topics and subject matters of the archipelago archaeological exploration, and debatable issues of archaeological chronology and periodization. Pilot archaeological studies on the archipelago are connected with names of American scholars C. Guthe (1893–1974), H. Beyer (1883–1966), R. Fox (1918–1985), W. Solheim II (1924–2014), and Filipino A. Evangelista. The degree of the Philippines archaeological research is extremely uneven. Traditionally the main research objects are compact territories on the largest islands Luzon, Palawan, Negros, and Mindanao, while vast areas of small islands remain a “blank spot”. Nowadays archaeological periodization of the Philippines looks like that:

*Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-00018: «Время великих вождей и каменных гробниц: древние культуры тихоокеанского бассейна на рубеже эр»).

Андрей Владимирович Табарев – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: olmes@yandex.ru.

Дарья Александровна Иванова – лаборант-исследователь, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: nightliro@bk.ru.

Анна Евгеньевна Патрушева – студентка, Новосибирский государственный университет, e-mail: patrusheva.ann@yandex.ru.

Andrey V. Tabarev – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Darya A. Ivanova – Research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Anna E. Patrusheva – Student, Novosibirsk State University.

- 67 – 11,000 BP – Paleolithic;
- 11 – 4,000 BP – “Preceramic period” or “Early Holocene period”;
- 4 – 2,000 BP – Neolithic;
- 0 – 900/1,000 AD – “Metal period”;
- 1,000 – 1,500 AD – “Tradeware ceramics period”

The tradition of secondary “Jar burials” (“Urn burials”) in ceramic vessels is one of the most spectacular archaeological complexes. In the archaeological literature discussions on the origin and evolution of “Jar burials” on the Philippines is traditionally connected with the culture on the territories of Vietnam, Laos, Thailand, Malaysia, and Indonesia. It seems to us that the “Japanese vector” deserves no less attention.

Key words: Pacific basin, Philippine archipelago, Austronesians, periodization, chronology, jar burials.

Филиппинский архипелаг (более 7600 островов, площадь около 300 тыс. км²) – интереснейший, с точки зрения культурогенеза, район Тихоокеанского бассейна. Несмотря на тропическое географическое расположение архипелага, археологические материалы свидетельствуют о его изначально тесных связях с древними культурами Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Океании. Достаточно упомянуть, например, недавние находки останков *Homo sapiens* в пещере Кальяо (67 тыс. л. н.) на о. Лусон и в пещере Табон (47 тыс. л. н.) на о. Палаван (рис. 1), а также важную роль, которую сыграл архипелаг на начальном этапе расселения австронезийцев и миграции носителей керамической традиции лапита из района о. Тайвань в Полинезию около 4 тыс. л. н. [1; 2].

Тем не менее до недавнего времени отечественные археологи не занимались изучением археологических материалов архипелага, публикации о древних культурах Филиппин на русском языке отсутствуют¹. Ситуация начала меняться лишь в последние годы – с участием в международных конференциях на Филиппинах [4], установлением прямых контактов с коллегами из ведущих научных учреждений (Университет Филиппин, Национальный музей Филиппин), обоюдным стремлением к сотрудничеству и обмену информацией. Исключительно благоприятный фон отношений двух наших стран создает предпосылки для начала систематического изучения древних культур Филиппин и осуществления совместных археологических проектов. Настоящая статья, посвященная ключевым сюжетам и проблематике филиппинской археологии, является первым шагом в этом направлении.

Пионерные археологические исследования на архипелаге связаны с именами американских специалистов Карла Гути (1893–1974), Генри Бейера (1883–1966), Роберта Фокса (1918–1985), Уильяма Солхейма II (1924–2014) и филиппинца Альфредо Эвангелиста (1926–2008). Они же являются основателями местных «археологических школ» и научных центров, а также разработчиками оригинальных схем развития древних культур Филиппин [5; 6].

Степень археологической изученности территории Филиппин крайне неравномерная. Традиционно основными объектами исследований являются компактные районы на наиболее крупных островах – Лусон, Палаван, Негрос и Минданао, тогда как обшир-

ные пространства более мелких островов остаются «белым пятном». Эта ситуация отражается и на предварительном характере хронологии и периодизации. Так, промежуток от наиболее древних находок *Homo sapiens* в пещерах Кальяо и Табон до конца плейстоцена (около 11 тыс. л. н.) определяется как «палеолит», что в целом соотносится с понятием «верхний палеолит» для большинства регионов Евразии. Время от 11 до 4 тыс. л. н. называют «раннеголоценовым» или «докерамическим», оно представлено незначительным числом памятников, в его рамках пока не выделяются какие-либо «культуры» или «традиции». Наиболее ранние находки керамической посуды свя-

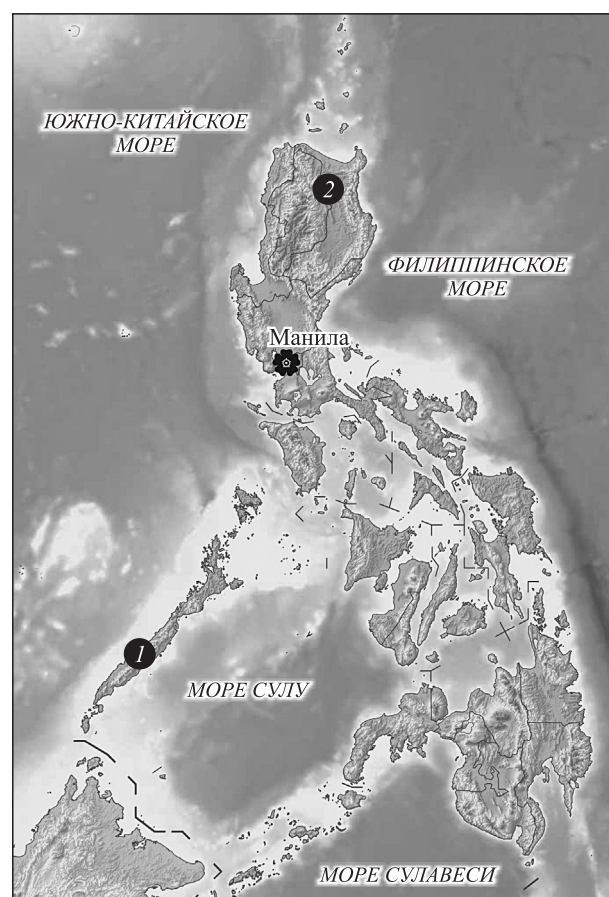

Рис. 1. Филиппинский архипелаг. Памятники, упоминаемые в тексте.

1 – Табон, о. Палаван; 2 – Кальяо, о. Лусон.

¹ Исключение составляет глава 1 («Филиппины в древности») в книге Ю.О. Левтоновой по истории Филиппин [3].

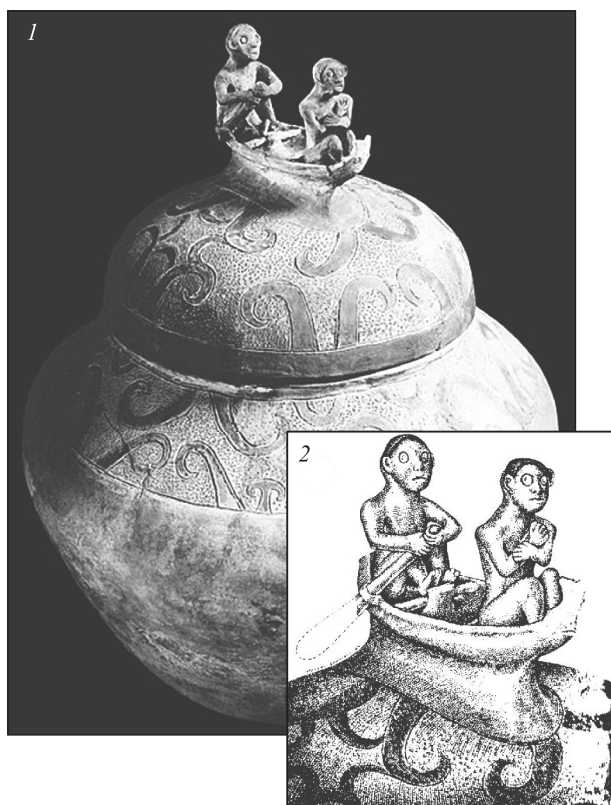

Рис. 2. Погребальный сосуд «Манунгул».

1 – общий вид (фото из архива авторов); 2 – прорисовка скульптурной композиции на крышке.

заны с началом австронезийской миграции, а период от 4 до 2 тыс. л. н. в научных публикациях выделяется как «неолит». По сравнению с соседними территориями Китая, Японии и Тайваня, где неолитический период насчитывает от 6 до 12 тыс. лет, столь короткий промежуток (в 2 тыс. лет) может отражать либо специфику островного мира Тихоокеанского бассейна, либо недостаточную степень изученности.

Время от рубежа эр до IX–X вв. н.э. также имеет несколько названий, из них наиболее часто встречающийся – «период металла» – появление импортных, а затем и местных изделий из бронзы, железа и золота. За ним следует период (X–XVI вв.), который документируется многочисленными находками импортной керамики и фарфора и характеризуется развитием активных торговых контактов. Он так и называется – «период керамической торговли».

Среди наиболее эффектных археологических комплексов с местной спецификой и вместе с тем являющихся частью большого ареала культур континентальной, прибрежной и островной территории Восточной (Корея, Китай, Япония) и Юго-Восточной (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Лаос) Азии обращает на себя внимание традиция вторичных погребений в керамических сосудах («погребальных урнах»). Наиболее ранние ее проявления на Филиппинах отно-

сятся к началу–середине I тыс. до н.э. Зафиксированы отдельные погребения, группы из нескольких сосудов и даже целые некрополи («погребальные поля»), где сосуды с останками взрослых и детей расположены рядами и кольцами. Они встречаются в пределах поселений, рядом с поселениями, а также в специальных сакральных местах типа гротов, пещер и ущелий. Сосуды широко варьируются по форме, размерам и орнаментике.

Особое место в общем массиве занимают сосуды антропоморфных форм, подчеркивающие ритуальный характер изделий. Среди погребальных урн присутствуют экземпляры крупных размеров (с высотой до 1 м и более), с уникальной раскраской и декором. По мнению специалистов, они принадлежат представителям племенной элиты и отражают усиление процесса социальной стратификации на переходе от присваивающей экономики к производящей [7; 8].

Наиболее яркий пример в этом ряду – уникальный сосуд «Манунгул» (рис. 2), найденный в одной из пещер комплекса Табон (о. Палаван) еще в 1960-х гг. и хранящийся ныне в Национальном музее Филиппин². Его высота – 66 см, максимальная ширина – 51 см, крышка сосуда увенчана скульптурной композицией, изображающей двух умерших, которые на ритуальной лодке перемещаются в мир мертвых [9, p. 12–14].

В дискуссии археологи традиционно связывают появление и развитие на Филиппинском архипелаге практики погребений в керамических сосудах с Юго-Восточной Азией, с культурами на территории Вьетнама, Лаоса, Таиланда, Малайзии и Индонезии. Нам представляется, что не меньшего внимания заслуживает и «японский вектор». Во-первых, традиция погребений в сосудах (изначально в основном детских) зарождается на Японском архипелаге значительно раньше – как минимум, в раннем дзёмоне, около 6,5 тыс. л. н. [10]. Во-вторых, она распространяется по направлению с севера (о. Хонсю) на юг (о. Кюсю), где к концу позднего дзёмона (3 тыс. л. н.), становится доминирующим вариантом погребального обряда. И, в-третьих, именно погребения в сосудах на о. Кюсю типологически наиболее близки к филиппинским. Это выражается и в использовании так называемых «составных урн» (из двух сосудов), и в различной ориентации сосудов (вертикально, горизонтально, под углом, в перевернутом положении), а также в появлении крупных некрополей. В качестве примера можно привести статистику по памятникам Тародзако (41 сосуд), Накадо (38 сосудов) и Когабару (34 сосуда).

Все это еще раз подтверждает, что древние культуры Филиппинского архипелага формировались под влиянием целого ряда импульсов из различных районов Восточной и Юго-Восточной Азии, их изучение предполагает обращение к археологическим материалам обширных прибрежных и островных частей Тихоокеанского бассейна.

² Имеет статус национального сокровища.

Авторы выражают искреннюю благодарность филиппинским коллегам – профессорам В. Пазу и Р. Кройцер (Университет Филиппин), а также профессору Н. Куэвас (Национальный музей, г. Манила) за консультации и литературу по сюжетам настоящей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Paz V. The Philippines // The Cambridge World Prehistory. Vol. 1. Africa, South and Southeast Asia and the Pacific. N.Y.: Cambridge University Press, 2014. P. 521–533.
2. Hung H., Carson M.T., Bellwood P., Campos F.Z., Piper P.J., Dizon E., Bolunia M.J., Oxenham M., Chi Z. The First Settlement of Remote Oceania: the Philippines to the Marianas // *Antiquity*. 2011. Vol. 85. P. 909–926.
3. Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М.: Наука, 1979. 296 с.
4. Tabarev A.V., Popov A.N., Zaletova E.N. Life and Afterlife on the Coast: Burial Practices During the Neolithic – Early Iron Age in the Maritime Region, Russian Far East // *For the Love of Death: Human Osteoarchaeology in Southeast Asia and the Pacific. Abstracts*. Diliman: University of the Philippines, 2016. P. 23.
5. Ronquillo W.P. Archaeological Research in the Philippines, 1951–1983 // *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 1985. Vol. 6. P. 74–88.
6. Solheim W.G. II. Philippine Archaeology // *Archaeology*. 1953. Vol. 6. P. 154–158.
7. Solheim W.G. II. Jar Burial in the Babuyan and Batanes Islands and in Central Philippines, and Its Relationship to Jar Burial Elsewhere in the Far East // *Philippine Journal of Science*. 1961. Vol. 89, N. 1. P. 115–148.
8. Harisson T. Early “Jar Burials” In Borneo and Elsewhere // *Asian Perspectives*. 1974. Vol. XVII, N. 2. P. 141–144.
9. Fox R.B. The Tabon Cave: Archaeological Explorations and Excavations on Palawan Island, Philippines. Manila: National Museum, 1970. 197 p.
10. Иванова Д.А., Попов А.Н., Табаров А.В. Вторичные погребения в глиняных сосудах в культуре дзёмон на территории Север-

ной Японии // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 146–156.

REFERENCES

1. Paz V. The Philippines. The Cambridge World Prehistory. Vol. 1. Africa, South and Southeast Asia and the Pacific. New York: Cambridge Univ. Press, 2014, pp. 21–533.
2. Hung H., Carson M.T., Bellwood P., Campos F.Z., Piper P.J., Dizon E., Bolunia M.J., Oxenham M., Chi Z. The first settlement of remote Oceania: the Philippines to the Marianas. *Antiquity*. 2011, vol. 85, pp. 909–926.
3. Levtonova O.Yu. History of the Philippines. A brief essay. Moscow: Nauka, 1979, 296 p. (In Russ.)
4. Tabarev A.V., Popov A.N., Zaletova E.N. Life and afterlife on the coast: burial practices during the Neolithic – Early Iron Age in the maritime region, Russian Far East. *For the love of death: human osteoarchaeology in Southeast Asia and the Pacific: abstr.* Diliman: Univ. of Philippines, 2016, p. 23.
5. Ronquillo W.P. Archaeological research in the Philippines, 1951–1983. *Bulletin of the Indo-Pacific Prehistory Association*. 1985, vol. 6, pp. 74–88.
6. Solheim W.G.(II). Philippine Archaeology. *Archaeology*. 1953, vol. 6, pp. 154–158.
7. Solheim W.G.(II). Jar Burial in the Babuyan and Batanes Islands and in central Philippines, and its relationship to jar burial elsewhere in the Far East. *Philippine Journal of Science*. 1961, vol. 89, no. 1, pp. 115–148.
8. Harisson T. Early “jar burials” in Borneo and elsewhere. *Asian Perspectives*. 1974, vol. 17, no. 2, pp. 141–144.
9. Fox R.B. The Tabon cave: archaeological explorations and excavations on Palawan Island, Philippines. Manila: National Museum, 1970, 197 p.
10. Ivanova D.A., Popov A.N., Tabarev A.V. Secondary burials in clay vessels in jomon culture on the territory of northern Japan. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2013, vol. 12, no. 5, pp. 146–156. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 10.03.2017

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20170210
УДК 394+303(571)

А.Ю. МАЙНИЧЕВА, Л.О. ПОНЕДЕЛЬЧЕНКО

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ КАК ОБЪЕКТ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Ак. Лаврентьева, 17

В статье на материалах г. Новосибирска рассматриваются особенности формирования образа национальной культуры в условиях сибирского мегаполиса, что сделано впервые. Для достижения цели исследования авторами впервые применен модельный подход. Источниками послужили отчеты, предоставленные национально-культурными организациями, интервью и материалы включенного наблюдения. Сделан вывод о том, что деятельность изучаемых украинских и белорусских национально-культурных организаций основана на этнокультурной модели, главными элементами которой являются язык, одежда, система питания, жилище, ремесла, песенное и танцевальное творчество, религия, календарные праздники.

Ключевые слова: национально-культурные организации, украинцы, белорусы, этнокультурная модель, Сибирь.

A.Y. MAINICHEVA, L.O. PONEDELCHENKO

NATIONAL CULTURE IN A SIBERIAN METROPOLIS AS AN OBJECT OF ETHNIC-CULTURAL MODELING

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
17, Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russia

The article considers peculiarities of forming the national culture image under conditions of a Siberian metropolis. For the first time it has been made on Novosibirsk materials. To achieve the study objectives a model-based approach has been applied for the first time. The sources consist of language and lifestyle, and covers the totality of spiritual and material cultural phenomena produced and consumed by ethnic groups. It gives the opportunity to shape an ethnic-cultural model, which components allow revealing features of the national culture image creation. The ethnic-cultural model should provide understanding of the national culture model, which is the result of activities of national cultural organizations to adapt elements of their culture to the metropolis environment. Taking into account the fact that the model only approaches to the reality description, coarsens it, as well as gives the basic idea about it, the study results have shown that the main activities of the national cultural organizations are directed to work in a field of the language practice, the symbolic-iconic range of clothing, diet, dwellings, crafts, song and dance creativity, calendar's holidays, religious views, which construct the body of the ethnic-cultural model elements.

Анна Юрьевна Майничева – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: annmaini@gmail.com

Лидия Олеговна Понедельченко – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: dunyaarh@gmail.com

Anna Yu. Mainicheva – Dr. of Historical Sciences, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS

Lydia O. Ponedelchenko – junior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS

Ukrainian and Belarusian national cultural organizations working in Novosibirsk are integrated into the Siberian metropolis modern life, build a collective image of their national culture based on ethnic-cultural patterns. In addition to demonstrating cultural identity, they are aimed at promoting a tolerant attitude towards other peoples' cultures.

Key words: national-cultural organizations, Ukrainians, Belarusians, ethnic cultural model, Siberia.

Изучение развития культуры народов в различных условиях является одной из ключевых проблем этнографии и этнологии. Особое значение эта проблема приобретает при рассмотрении закономерностей бытования национальной культуры в крупных и крупнейших городах, роль которых в современных условиях глобализации усиливается во всех сферах общественной жизни (причем доля городского населения также растет), вместе с тем, эти же процессы ведут к нивелировке культуры, потере старых и приобретению новых черт.

При модельном подходе объектом моделирования выступает национальная культура, а исследовательским полигоном в данном случае — крупнейший сибирский мегаполис г. Новосибирск. Являясь административным, промышленным, торговым, научным и культурным центром, он создает уникальные условия для ее органического существования. Группа восточнославянских народов в населении города составляет большую часть, оказывает существенное влияние через свои организации на формирование культурной сферы и национальной политики города, что позволяет выбрать национально-культурные организации (НКО) восточнославянских народов в качестве объекта исследований.

Изучением вопросов, связанных с историей возникновения и различными аспектами функционирования НКО в сибирских городах, занимались Л.А. Адашкевич [1], Е.Г. Буянкина [2], Т.А. Замиратова [3], Э.Л. Львова, Н.И. Наумова [4], А.Ю. Майничева [5], И.В. Нам [4; 6], Ими рассмотрена история возникновения и формирования национально-культурных автономий, дана характеристика различных организаций, показана роль образования в их работе. Новизна настоящей статьи связана с попыткой впервые показать деятельность современных украинских и белорусских НКО по созданию образа национальной культуры в условиях сибирского мегаполиса. Для достижения цели этого исследования впервые был применен модельный подход. Источниками послужили разнородные данные и отчеты, предоставленные НКО, интервью и материалы включенного наблюдения (сведения о информантах указаны в полевых материалах Сибирского этнографического отдела ИАЭТ СО РАН).

Учитывая большое разнообразие правовых форм организаций, для исследования из них были выбраны организации, представляющие интересы восточнославянских народов г. Новосибирска, которые возникли после 1980-х гг., имеют официальную организационно-правовую форму, осуществляют комплексную деятельность по сохранению и трансляции элементов национальной культуры на протяжении всего периода

своего существования. Организаций русского населения, удовлетворяющих вышеперечисленным требованиям, в г. Новосибирске не зарегистрировано, поэтому выбраны НКО украинцев и белорусов. В городе таких организаций шесть.

«Местная украинская национально-культурная автономия г. Новосибирска». В 1989 г. по инициативе Иоасафа Семеновича Ладенко было создано и зарегистрировано отделение Всеукраинской «Просвиты», в 1992 г. оно было перерегистрировано в Общество украинского языка им. Т.Г. Шевченко «Громада», а в 1998 г. преобразовано в Национально-культурную автономию (УНКА). В 2009 г. был создан базовый для УНКА ансамбль («Мечта») под руководством В. Цирульниковой. Основные задачи, указанные в учредительных документах, — сохранение и развитие украинской культуры и народных традиций на сибирской земле, укрепление дружеских отношений между народами Украины и России, сотрудничество с другими национально-культурными организациями города и области в рамках объединения «Содружество», участие в литературно-художественных мероприятиях и в межнациональных фестивалях города.

«Украинский культурно-просветительский центр «Шляхами Кобзаря»» создан в 2013 г. по инициативе В.П. Шевченко и его единомышленников. Основное направление деятельности — организация мероприятий, фестивалей с целью популяризации украинской культуры, а также развитие толерантного отношения к культуре в городской среде.

Государственное бюджетное учреждение культуры Новосибирской области «Новосибирский областной украинский культурный центр» (ГБУК НСО «НОУКЦ») создано в 1991 г. Его целями и задачами являются сохранение национальной украинской культуры и самосознания сибирских украинцев, проживающих в городе и селах области, удовлетворение культурных потребностей, взаимообогащение культур народов. Центр занимается культурно-просветительской работой и концертной деятельностью, проводит выставки украинских художников, народных умельцев, областные фестивали национальных культур. На его основе создано 5 клубов.

Общественная организация «Новосибирская региональная национально-культурная автономия белорусов» учреждена в 1997 г. Основное направление ее деятельности связано с созданием условий для организации и проведения мероприятий, направленных на сохранение и развитие белорусской культуры. Автономия является одним из учредителей и постоянным членом Ассоциации национально-культурных автономий г. Новосибирска и Новосибирской области «Содружество».

Государственное бюджетное учреждение культуры Новосибирской области «Новосибирский центр белорусской культуры» создано для сохранения и развития национальной белорусской культуры в 2000 г. по инициативе президента «Новосибирской региональной национально-культурной автономии белорусов» В.В. Галузо. Сейчас оно включает 15 общественных филиалов в населенных пунктах Новосибирской области, где работают более 80 детских и 20 взрослых художественных коллективов. Согласно учредительным документам формами работы центра являются региональные и областные мероприятия, международные семинары, фестивали, смотры, конкурсы, выставки, дни белорусской культуры, вечера отдыха, тематические кино- и видеопокказы, игротеки и другие виды демонстрации результатов творческой деятельности в национальной культуре, основанной на религиозных и местных светских традициях.

Новосибирская городская общественная организация «Белорусский культурно-просветительский центр во имя св. Евфросинии Полоцкой» создана в 2002 г. Основой ее функционирования стала деятельность церкви во имя православной святой Евфросинии Полоцкой – покровительницы белорусского народа и женского монашества на Руси. Ансамбль церковных зданий был возведен на территории молодежного жилого комплекса «Восточный» и предназначен не только для религиозных целей, но и проведения культурно-просветительской деятельности. Центр участвует в совместной организации мероприятий с другими НКО белорусов.

Национальная культура многообразна, она проявляется в деятельности общества, социальных институтов государства, в национальных традициях, духовных ценностях, особенностях языка и образа жизни. Охватывая всю совокупность производимых и потребляемых этносом духовных и материальных культурных явлений, она способствует формированию этнокультурной модели, компоненты которой позволяют выявить особенности конструирования национальных культур и провести сравнение получаемых конструктов. НКО являются социальными институтами, выступающими в роли медиаторов национальной интеллигенции (главным носителем национальных идей) и широкого круга людей, осознающих свою этническую принадлежность. Этнокультурная модель должна давать понимание образа национальной культуры, который является результатом деятельности НКО по адаптации элементов своей культуры к условиям среды мегаполиса. Требуется, чтобы компоненты модели обладали культурным своеобразием, отражали уникальные и общие черты, были для городских жителей понятными и узнаваемыми. Благодаря исследованию было выяснено, что основные направления деятельности НКО касаются языковой практики, особенностей одежды (в том числе символическо-знакового ряда), питания, жилища, ремесел, песенного и танцевального творчества, календарных праздников, религиозных представлений. Их можно принять в качестве

составных частей этнокультурной модели, учитывая, что любая модель лишь приближается к описанию реальности, огрубляет ее, но и дает существенные представления о ней.

Язык. В начале своей деятельности национальные организации не задумывались о необходимости сохранения языковой практики, поскольку многие их участники приехали с территории Украины и Белоруссии в недавнем прошлом. С течением времени, когда состав организаций стал пополняться детьми участников и недавно прибывшими в Сибирь переселенцами, они столкнулись с проблемой коммуникации. Дети и подростки языка не знали, а их родители многие слова стали забывать из-за отсутствия языковой практики. К решению этого вопроса белорусские и украинские организации подходили по-разному. Так, белорусская автономия организовала курсы по изучению родного языка, чтобы привлечь молодое поколение к участию в жизни сообщества, однако этот опыт оказался неудачным. Набор на первые курсы был достаточно большим, но уже после нескольких занятий молодое поколение белорусов, выросших в мегаполисе, потеряло интерес к языку предков. Глава белорусской автономии пояснял: «Ребята думали, что говорить на белорусском у них получится очень скоро, ведь их бабушки или родители относительно недавно приехали из Беларуси, вроде и на русский очень похож, только вот оказалось не очень-то похож, да и сами родители давно, в повседневной жизни перешли на русский, и многое забыли, а уж если деды приехали, родители здесь родились, так и вообще знают немного слов... Пробовали собрания актива проводить на белорусском, только больше обычного время потратили, многие слова приходилось переводить, решили общаться на русском» [7]. Две другие белорусские национальные организации в своей работе используют белорусский язык только для придания национального колорита вывескам, афишам, буклетам. Состав участников формируется не по этническому признаку, поэтому кружки по изучению родного языка не популярны.

Украинские организации основательно подошли к сохранению украинского языка, рассматривая его неотъемлемой частью своей культуры. Так руководство Украинской национально-культурной автономии (УНКА) в уставе закрепило проведение собраний на украинском языке, с использованием русского только для уточнения непонятных или спорных моментов. Этим же путем пошли и в «Украинском культурно-просветительском центре “Шляхами Кобзаря”». Но на практике главной сложностью оказалось не отсутствие знания родного языка, а то, что украинский язык имеет несколько диалектов, и они настолько разнятся, что представители восточной части Украины не в состоянии понять западный диалект. «Новосибирский областной украинский культурный центр» является государственным бюджетным учреждением культуры, поэтому в своей работе использует русский язык, украинский – только для придания национального колорита.

Одежда. Национальная одежда или ее детали являются обязательным элементом для участников НКО, так как она принимается в качестве наиболее выразительного средства для обозначения этнической принадлежности. Чаще всего собирательный образ из элементов традиционного костюма, национальную одежду надевают участники ансамблей на концерты или на торжественные собрания. Для украинских организаций характерно использование обобщенного образа народного костюма: мужские и женские «вышиванки», белые рубашки из хлопчатобумажной ткани, украшенные традиционной вышивкой, в сочетании с красными юбками или штанами. В белорусских организациях костюм проработан более детально, потому что несколько участников автономии профессионально занимаются реконструкцией народного костюма на базе Института дополнительного образования Новосибирского государственного педагогического университета. Женщины, участвующие в деятельности белорусских национальных организаций, часто и в повседневном гардеробе используют принятые для традиционного костюма жилеты, юбки в клетку, предпочитают шерстяные или хлопчатобумажные ткани. В одежде часто встречается сочетание зеленого и красного цветов. Мужчины предпочитают светлые рубашки «под горло», украшенные вышивкой.

Система питания. Хотя все респонденты считают, что воссоздать традиционную систему питания украинцев и белорусов в условиях сибирского мегаполиса практически невозможно даже при использовании соответствующей рецептуры и технологии приготовления, многие участники НКО стараются придерживаться традиционного рациона и готовить блюда, давно ставшие визитной карточкой народа. Украинцы включают в свое меню борщ, вареники, сало, шкварки, чечевичу, жареные гренки, сдобу из песочного теста. В системе питания городских белорусов распространены драники, холодники, свекольники, легкие супы с крапивой и лебедой, праздничная выпечка в виде животных и птиц, употребление березового сока, киселей, взваров из ягод и трав. Блюда готовят дома в повседневной жизни, участники делятся рецептами друг с другом. По словам информантов, эти рецепты берутся не из специализированных книг, а являются «настоящими, переданными от мам и бабушек» [7].

Жилище. Как правило, у НКО нет возможности поставить хату на улице города, однако вполне реально в помещении культурного центра, используя масштабное макетирование во время массовых мероприятий и городских праздников, выполнить легкую имитацию постройки. В таких миниатюрных домах участники НКО устраивают выставки костюма и ремесел, стараясь формировать собирательный образ своей культуры. Некоторые участники пытаются по этнографической литературе реконструировать традиционные постройки на своих приусадебных участках или частично воссоздать интерьеры в своих квартирах. Следует отдельно отметить «Белорусский культурно-

просветительский центр во имя святой Евфросинии Полоцкой», так как первые здания прихода – церковь, лавка и несколько хозяйственных построек, были сооружены по традиционной технологии, использовавшейся в белорусском домостроении.

Ремесла. Украинские НКО регулярно устраивают выставки рукоделий своих мастериц, использующих собственные знания о традициях украинских переселенцев в Сибири и материалы современных этнографических публикаций. Благодаря «Украинскому культурно-просветительскому центру “Шляхами Кобзаря”» особое развитие в последние три года получила Петриковская роспись, которую его руководитель считает художественным символом украинцев. Среди белорусов распространено плетение из соломы, резьба по дереву, украшение яиц. На крупных мероприятиях часто организуются выставки-продажи белорусской льняной одежды, постельного и столового белья, которые, несмотря на то, что являются фабричными изделиями, считаются маркой белорусского национального ремесленного производства.

Песенное и танцевальное творчество. В деятельности всех НКО большое внимание уделяется популяризации песенного и танцевального творчества. Созданы ансамбли, на основе которых строится значительная часть культурной деятельности. Репертуар ансамблей, образованных на базе этих организаций, отражает национальный колорит белорусов и украинцев. Среди белорусов распространена игра на цимбалах, а украинские исполнители играют на кобзе.

Религиозные представления. По религиозным взглядам всех участников украинских и белорусских НКО г. Новосибирска можно разделить на атеистов и исповедующих православие. Но у каждой группы был свой путь развития. Первые организации не уделяли особого внимания религии. Со временем пришло осознание того, что религиозные представления являются неотъемлемой частью духовной культуры каждого народа и определяют его культурное своеобразие. События духовной жизни, происходящие на исторической родине, находили отражение в деятельности национальных организаций. По сообщению одной из участниц УНКА: «... мы как-то пригласили священника униата, вроде мы же – украинцы, культура у нас своя, и религия так же должна быть наша, тогда нам говорили, что униатская церковь на Украине большее влияние имеет. Он пришел, рассказал о себе, пригласил в приход свой, человек шесть туда походили, а потом и вообще перестали ходить, я не была у него, вся моя семья православная, мы с родителями приехали в Новосибирск в 1983 г., я живу в центре, хожу в Вознесенский храм. Да и многие, кого знаю, ходят в свои приходы православные, мода-то на униатов прошла быстро...» [7].

Белорусский культурно-просветительский центр во имя Евфросинии Полоцкой основан на базе православного прихода, который помогла открыть Новосибирская региональная национально-культурная автономия белорусов. В открытие центра вкладывается

глубинный смысл, включающий несколько основных принципов: православие является общей религией, что указывает на культурное и духовное единство восточных славян; культурный центр создается на базе прихода, названного в честь особо почитаемой среди белорусов святой, и должен отразить все многообразие национальной культуры; разносторонняя деятельность центра призвана способствовать интеграции отдельных элементов традиционной культуры в современное полиэтническое общество.

Календарные праздники. В условиях города праздничный цикл во многом совпадает с общегородскими и общероссийскими праздниками. НКО принимают активное участие в праздновании Дня города, Нового года, Рождества, Дней Победы, Славянской письменности, Наций, Защитника Отечества, Учителя, Международного женского дня. В каждой организации разработан собственный цикл мероприятий (он может проводиться одной или несколькими организациями) устраиваются ежегодные выставки и организуются совместные мероприятия.

Реализация подхода этнокультурного моделирования показала, что национально-культурные организации украинцев и белорусов, работающие в Новосибирске, интегрированы в современную жизнь сибирского мегаполиса. Они строят собирательный образ своей национальной культуры, основанный на этнокультурной модели, основными элементами которой являются язык, одежда, система питания, жилище, ремесла, песенное и танцевальное творчество, религия, календарные праздники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адашкевич Л.А. Роль национально-культурных автономий в сохранении и развитии этнокультурных традиций (на материале деятельности местной общественной организации национально-культурная автономия белорусов г. Томска) // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 7. С. 72–74.
2. Буянкина Е.Г. Формирование и деятельность национально-культурного регионального общественного объединения (анализ

опыта общественных организаций Алтайского края) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 1 (8). С. 35–36.

3. Замиратова Т.А. Возникновение и развитие общественных национально-культурных объединений Западной Сибири (1985–2000 гг.): дис. канд. ист. наук. Омск, 2008. 210 с.

4. Львова Э.Л., Нам И.В., Наумова Н.И. Национально-персональная автономия: идея и воплощение // Полис. 1993. № 2. С. 129–135.

5. Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России: Документальная антология / под ред. Э.И. Черняка. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. Т. I. 308 с.; Томск: Изд-во ТГУ, 1999. Т. II. 297 с.

6. Майничева А.Ю. Диаспора и проблема «третьего поколения переселенцев» в Сибири // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 2006. Вып. 7. С. 67–71.

7. Полевые материалы автора. Материалы Западносибирского этнографического отряда (начальник отряда А.Ю. Майничева).

REFERENCES

1. Adaskevich L.A. The role of national cultural autonomies in preservation and development of ethnic cultural traditions (based on activities of local public organizations of the Belarusian national-cultural autonomy in Tomsk). *Kul'tura. Dukhovnost'. Obshchestvo*. 2013, no. 7, pp. 72–74. (In Russ.).
2. Buyankina E.G. The formation and activity of national cultural public associations (an analysis of the public organizations experience in Altai Region). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2008, no. 1, pp. 35–36. (In Russ.).
3. Zamiraltov T.A. The emergence and development of public organizations of national cultural associations in West Siberia (1985–2000): dissertation. Omsk, 2008, 210 p. (In Russ.).
4. Lvova E.L., Nam I.V., Naumova N.I. The national-personal autonomy: an idea and embodiment. *Polis*. 1993, no. 2, pp. 129–135. (In Russ.).
5. Nam I.V. The national-cultural autonomy in Russia's history: a documentary anthology. Ed. E.I. Chernyak. Tomsk, TSU Publ. House, 1998–1999. Vol. 1, 1998, 308 p.; Vol. 2, 1999, 297 p. (In Russ.).
6. Mainicheva A.Yu. A diaspora and the problem of “immigrants third generation” in Siberia. *Etnosotsial'nye processy v Sibiri*. Novosibirsk, 2006, vol. 7, pp. 67–71. (In Russ.).
7. The author's field data. The West Siberian ethnographic group materials (headed by A.Y. Mainicheva). (In Russ.).

Статья принята
редакцией 11.04.2017

DOI: 10.15372/HSS20170211
УДК 391.2 (571.54)

Е.Ф. ФУРСОВА

СИМВОЛИКА ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ «СВОИ/ДРУГИЕ» В СИБИРИ

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Лаврентьева, 17

В статье, написанной по материалам традиционной одежды русских старожилов, южнорусских и украинских переселенцев в Сибири первой четверти XX в., проанализированы символические доминанты с позиции «свои/другие». Выяснилось, что носителями модных городских форм одежды являлись сибирские старожилы, которые благодаря незнанию (или утрате) старых русских одежд утратили и сокровенные смыслы ее элементов, выраженные, в частности, в орнаменте. Это опровергает распространенный образ «сибирского медведя», который сформировался под влиянием зимнего комплекса просторной меховой одежды. Одежда южных русских переселенцев, служившая многие века надежным маркером, претерпела трансформации не столько в связи с изменившимися природно-климатическими условиями, но и из-за стремления избавиться от отраженной в ней культурной идентичности, стать «своим» в сибирском сообществе.

Ключевые слова: символика традиционной одежды, символические доминанты «свои/другие», сибирские старожилы, южнорусские и украинские переселенцы.

E.F. FURSOVA

THE SYMBOLISM OF THE TRADITIONAL CLOTHING AS A MANIFESTATION OF ETHNIC AND CULTURAL IDENTITIES 'OWN / OTHERS' IN SIBERIA

Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17, Lavrent'ev av., Novosibirsk, 630090, Russia

Author of the article analyzes the symbolic dominance in traditional dress of Russian old-residents, as well as the Southern Russian and Ukrainian immigrants in Siberia in the first quarter of the twentieth century. Inclusion of clothes in all spheres of life in a traditional society (the time of the pre-industrial technology) led to a high degree of symbolism in clothing together with footwear, additions and embellishments. The study of traditional garments such as the synthesis of the diverse manifestations of popular culture was conducted in the field of ethnographic expeditions to Western Siberia, organized by more than half a century in the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS. Collected source base, on the one hand, makes it possible to reveal the question of overcoming the border, when people of different culture became "own". On the other hand, it is possible to identify the conditions under which this border is irresistible and long preserved. South Russian and Ukrainian women who wore similar clothes, although perceived local Siberian complex with a skirt and a jacket, which was also supported by fashion at the time, but at different pace. Voronezh, Tambov, Kursk and others migrants sooner adopted common types of clothing in Siberia, while Poltava, Chernihiv and other settlers from the Ukrainian lands until the 1950s retained shirts clung (afterwards jackets), tank tops etc., but abandoned the swing types of waist dress in favor of skirts. Of the several symbols of traditional clothing of Siberian communities most resistant were embroidered shirts ('vishivanka'), which discovered new facets of their importance, as shown by historical experience, even set the tone for fashion trends in 1920–1950s. The main motive of the refusal from the traditional clothing was the fact that it was missing among the local population – the Siberians (Chaldon). In the eyes of the settlers they looked not only secured, but also "fashionably" dressed. This refutes the widespread image of the "Siberian Bear", which was formed under the influence of a large complex of fur garments for the winter.

Key words: symbolism of traditional garments, symbolic dominant 'own / other', old residents of Siberia, the Southern Russian and Ukrainian immigrants.

Елена Федоровна Фурсова – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: mfl1@mail.ru.

Elena F. Fursova – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS.

Традиционная одежда демонстрирует этнокультурную идентичность ярче, чем, наверное, многие другие предметы материальной культуры. И это не случайно, ведь ее производство являлось одним из видов народных домашних ремесел, а в ряде регионов мира она и сегодня остается в сфере занятий членов семьи. Еще в XIX – начале XX в. традиционная одежда русского народа была неотъемлемой составной частью системы жизнеобеспечения, семейно-брачных отношений, религиозных верований, норм и стереотипов поведения. Эта включенность во все сферы жизни традиционного общества (особенно в период доиндустриальной техники) обусловила высокую степень символичности одежды в комплексе с обувью, украшениями и т.п.

Исследование традиционной одежды как синтетического феномена народной культуры проводилось в ходе полевых этнографических экспедиций в Западной Сибири, организуемых в течение более полувека Институтом археологии и этнографии СО РАН. Собранная источниковая база, с одной стороны, дает возможность раскрыть некоторые аспекты преодоления границы отчуждения, когда носители разных культур становились «своими». Вместе с тем можно выявить, при каких условиях эта граница оказывалась непреодолимой и сохранялась в течение длительного времени. Материалы по старожильческому населению, северно- и южнорусским переселенцам, соседствующим с ними украинцам, белорусам могут дать толчок развитию новых направлений в научном анализе: например, выяснению содержания понятий «свой/другие», характерных разделительных и соединительных признаков, по которым «свой видит своего» и наоборот.

В начале XX в. почти все представители рассматриваемых старожильческих и переселенческих групп юга Западной Сибири определяли свою национальную идентичность как «русские» и имели конфессиональную или региональную привязку к местам исхода: «чалдоны», «кержаки», «двоеданы», «поляки», «расейские», «тамбаши», «орлы» и т.д. Цель полевых исследований заключалась в выявлении у сибирских информантов характерных элементов одежды в виде символических доминант, по которым можно определить культурную идентичность разных групп населения. В данной статье сделана попытка выявления культурных доминант традиционной одежды у старожилов-сибиряков, включая чалдонов, а также у южнорусских переселенцев начала XX в.¹ С этой целью автор не только задавала вопрос, «по каким признакам» в одежде можно сделать соответствующие выводы, но и предприняла сравнение между собой текстов – описаний традиционной одежды со слов ее непосредственных владельцев или их потомков.

¹ В данной статье не планируется рассмотрение традиций одежды старообрядцев, которые руководствовались отличными от других жителей Сибири соображениями по поводу внешнего облика, что может составить тему отдельной статьи.

Коренные сибиряки, или чалдоны, гордились своим костюмом, который, как показано многими исследователями, представлял собой сельский вариант городских фасонов [1; 2]. Путешественники не раз отмечали в своих заметках интерес сибирячек к покупным тканям, кружевам, фурнитуре и нелюбовь к домотканине, которая могла применяться практически только в рабочей одежде [3, с. 238]. Женщины-чалдонки крупных торговых сел для демонстрации своей культурной идентификации носили не просто модную одежду, но и перчатки, кружевные шали, что еще больше сближало их с городскими слоями населения (мещанство, купечество). Символом коренной сибирячки также были покупная (не домашнего производства) кожаная обувь, которую носили в праздники, наличие в гардеробе теплой межсезонной и зимней меховой одежды, наконец, валяной обуви – «пимов».

Сибирские мужчины-старожилы отличались в основном тем, что носили рубахи-«косоворотки» из покупных тканей, только рабочую одежду шили из клетчатой «пестрины». Характер вышивок мужских рубах или их отсутствие определялись локальными традициями. Приведем пример: в д. Нижний Сузун Сузунского района Новосибирской области информатор (1911 г. р.) могла детально рассказать о том, как подбирали цвета и технику вышивки: «Если синий сатин – красным вышивали, голубой – черным вышивали. Ошейник, грудь вышивали шелком голубым, красным в стебель. Нитки красные, черные – вышивали крестом». Четко описанные правила размещения вышивок, зависимость цветов и техник от ткани свидетельствуют об устоявшейся сибирской традиции. Возрастная символика проявлялась в том, что для парня приличным было иметь хорошую вышитую рубаху и тканый пояс; если эти вещи в гардеробе отсутствовали, то такой парень считался «неряхой», не пользовался у девушек авторитетом («и не парень вроде») (ПМА, 1991/2, л. 27 об.). В приведенном примере обращает на себя внимание подбор цветов, весьма далекий от универсальных цветовых сочетаний в архаических обществах, сохранившихся у славянских и других народов мира (красное, черное, белое) [4, с. 26]. Не входя в подробности всех смыслов и обозначений, связанных с этими цветами, подчеркнем лишь, что это еще один пример отступления старожилов от обще- и восточнославянских традиций в одежде.

Коренной сибиряк выделялся «присутственной» одеждой, которой считались «пинжаки» – с подкладом, стеганные на вате. Когда в 1920-х гг. распространились пиджаки городского вида, то их тоже носили поверх косовороток. Если в будни рубахи носили в комплексе со штанами общерусского покроя с узким шагом, ткаными в клетку или полоску, то по праздникам, подобно переселенцам из украинских земель, мужчины наряжались в широкие плисовые или сатиновые «шаровары» со штанинами прямого покроя. В отличие от городского покроя брюк, шаровары выкраивались широкими («как юбки») и держались на бедрах при помощи кулиски-«ошкура» или резинки. Уезжая

в город, в лес за дровами, мужчины надевали «чембары» из грубого пачесного льна. Именно чембары можно считать типичной чалдонской рабочей одеждой. «Чембары» были удобны при ходьбе по глубокому снегу, так как их натягивали поверх «пимов». В морозные дни в них же заправляли «тужурки» и даже полушубки². Вероятно, именно из-за неуклюжести такого внешнего вида сибиряки получили прозвище «сибирских медведей». Местным куражом можно считать не завязывание зимой шапок-ушанок, игнорирование на практике рукавиц, носить их местные мужчины считали ниже своего достоинства. Однако эти особенности деревенского этикета уходили на задний план во время пурги, метелей и других опасных погодных ситуаций. При посещении церкви и даже подходе к храму и перекрещивании мужчина снимал шапку. Как известно, согласно народным представлениям, обычай обнажать голову означал покорность и послушание, приведение своей воли в подчинение.

У каждой прибывавшей на поселение группы переселенцев были заметны особенности в культуре, зависевшие от мест выхода, характера поселения (компактного или рассеянного) и степени устойчивости традиций. Южнорусские переселенцы стремились «выглядеть подобающим образом», в соответствии с принятыми в сибирском регионе традициями, уделяя этому вопросу большое внимание, что отличало их от украинских крестьян, с которыми они обычно соседствовали в сибирских селах. Ориентация на соответствие местным сибирским стандартам была присуща переселенцам еще до переезда, на такое отношение к новой обстановке настраивали остававшихся на родине родственников или знакомых те, кто ранее уехал в Сибирь. В подтверждение сказанному приведем фрагмент из письма крестьянина д. Притыкина Пителенской волости Раненбургского у. Рязанской губ., переехавшего на новое место жительства в с. Катунское Бийской волости Томской губернии. Приводится описание местных традиций в одежде, даются четкие указания, как выглядеть «подобным образом»: «Бабы наряды: в платках ходят, в ковегах (?), в пальтах; сошуну³ не нужны здесь; их не носят, запанья – тоже. Юбки по две возьмите с собой, а остальные, какие получше, продавайте; башмаки свои захватывайте; аршин 5 сукна захватите из двора. Ежели намерены будете идтить, то захватывайте с собой гребенок, гребней, захватывайте свои берды. Мы, что свое взяли, довели цело... Января 8 дня 1882 года» [5, с. 189].

Многие переселенки из южнорусских губерний хорошо помнили, что матери или бабушки рассказывали о таком виде архаичной поясной одежды как «паневы», или упоминали о них, однако в настоящее время они практически не сохранились. Потомки южан могут и сегодня показать куски тканых панев, оставленных

в семьях «на память» как семейные реликвии. По всей видимости, этот вид одежды был только привезен, но не стал отличительной чертой костюма ни южнорусских, ни украинских переселенцев. В ряде случаев название паневы сохранилось для обозначения черных суконных юбок (тамбовские) и даже кофт (рязанские переселенцы 1880 г.). На основе сохранившихся в музейных собраниях комплексов с сарафаном, близким к курскому, можно предположить переселение в Сибирь переселенцев-однодворцев из Курской губернии. Как вспоминали информанты, матери хранили такие красные или черные шерстяные сарафаны в сундуках и просили похоронить их в этом виде одежды.

Основным мотивом отказа от привычной одежды стал факт отсутствия ее у местного населения – сибиряков, чалдонов, которые в глазах переселенцев выглядели не только обеспеченными, но и «модно» одетыми. В отличие от старожилов, переселенцы шили не только рабочую, но и праздничную одежду из дотканого холста. В будние дни юбки носили с просторными рубашками поликового покроя с вставками на плечах (позднее кофтами), к праздникам (особенно уже в конце 1920-х гг.) старались иметь «обтяжные» кофты из покупных тканей (ситца, сатина и пр. в зависимости от достатка). Таким образом, из сообщений информантов вырисовывается общая картина подражания переселенцев местному старожильческому населению.

В 1920-х гг. вышитые рубашки довольно быстро вышли из употребления у разных групп южнорусских переселенцев, исключение составляли украинские женщины, которые перенесли традицию ярких вышивок на кофты (блузки). Обеспеченные переселенки могли надевать плисовые безрукавки «с пуговицами», совершенно не известные сибирским женщинам (тульские). Видимо, безрукавки редко носили и украинки, так как почти новыми они сохранились в семьях их потомков.

Если девичьи прически во всех группах населения, включая украинок, были сходны (одна коса), то женщины покрывали прибранные волосы по-разному: «повойниками» или «кокошниками» в виде небольших шапочек, которые крепились на голове шпильками. Интересно, что в 1920-х гг. среди молодых мужчин появилось немало противников старинных головных уборов, которые в отношении своих жен проводили политику отказа от их ношения. Поверх покрывались платками, шальями или модными кружевными «файшонками».

Мужские рубашки «косоворотки» у южнорусских крестьян выглядели искусными, они отличались яркой вышивкой, хотя в основе орнамента, как и у старожилов, лежали растительные мотивы. Если у старожилов-старообрядцев разных согласий большое значение придавалось орнаментированным тканым поясам-«опояскам», то южные переселенцы могли подпоясаться крученой веревкой или ремнем. По этим деталям, игравшим роль культурных символов, в дореволюционной сибирской деревне можно было отличить кре-

² «Тужурка» представляла собой род куртки, стеганой на шерсти (более ранние образцы) или вате (стали шить в 1950-е гг.).

³ Сошун или шушпан – вид верхней женской одежды с широкими рукавами из белого сукна или холста.

стьян – переселенцев из Воронежской, Курской, Тамбовской и других губерний.

Различия в верхней одежде касались, главным образом, конструкции, которая у южных и украинских переселенцев характеризовалась приталенностью («с перехватом»), что не было характерно для старожилов.

Важнейшим маркером в костюме жителей Сибири была обувь, прежде всего повседневная. У южан широко практиковались лапти, за что они и заслужили прозвище «лапотников». И хотя часть старожилов сами носили плетеную обувь на рыбалку или покос, тем не менее постоянное ее ношение вновь прибывшими «расейскими» вызывало у них насмешки. Особое непонимание встретила традиция носить лапти и летом и зимой, хотя бы и с войлочными чулками-«суконками». Кожаная обувь объединяла старожилов, называвших себя «чалдонами», и украинских переселенцев, не имевших плетеной обуви. Эмоциональные всплески относительно «непрестижных» лаптей выражались в большом количестве частушек на эту тему, бытовавших в начале XX в. и в 1920-х гг. Желание стать похожим на сибиряков способствовало появлению у зажиточных переселенцев кожаных «обуток» (вариант – «чирков») и обуви кустарного производства.

Выводы. Парадоксальность ситуации первой четверти XX в. в Сибири заключалась в том, что в период массового переселения с территорий Европейской России здесь столкнулись два феномена – традиции и сельской моды. При этом носителями традиции стали переселенцы из южных и юго-западных губерний, одежда которых обладала многими архаичными символами, и некоторые из них оказались весьма живучими. Более «модными» оказались старожилы: как ни странно, «сибирские медведи» вследствие незнания (или утраты) русских традиций в одежде утеряли и ее сокровенные смыслы, выраженные, кроме прочего, в орнаментации.

Исследование показало, что одежда южных русских переселенцев, служившая многие века надежным маркером, была подвергнута трансформациям не столько в связи с изменившимися природно-климатическими условиями, но и из-за стремления избавиться от отраженной в ней культурной идентичности, стать «своим». Таким образом, южнорусские очень быстро отказались от своих культурных символов в надежде на скорейшее принятие их сибирским сообществом, что впоследствии им вполне удалось. Это свидетельствует о твердом решении переселенцев адаптироваться к сибирским условиям, воспринять новые реалии жизни и быта. Со стороны южанок не было сильного желания сохранить традиции мест исхода, по которым они выделялись бы на местном фоне (паневы, черная графическая вышивка у воронежцев, безрукавки, курские сарафаны).

Южнорусские и украинские женщины, являвшиеся носительницами во многом сходных традиций в одежде, хотя и воспринимали местный сибирский комплекс с юбкой и кофтой, что также поддерживалось модными течениями времени, однако с разной степенью готовности. Воронежские, тамбовские, курские и другие переселенки быстрее переходили на общепринятые в Сибири виды одежды, в то время как полтавские, черниговские и иные выходцы с украинских земель вплоть до 1950-х гг. держались за вышитые сорочки (впоследствии кофты), безрукавки и пр., но отказались от распашных видов поясной одежды в пользу юбок. Наиболее устойчивыми из символов традиционной одежды сибирского сообщества оказались «вышиванки», которые обнаружили новые грани своего значения и, как показал исторический опыт, даже задавали тон модным тенденциям в 1920–1950-х гг. [6, с. 263–292].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардина П.Е. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск: Контекст, 2009. 432 с.
2. Фурсова Е.Ф. Обь-Иртышский бассейн // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М.: Индрик, 2011. С. 507–550.
3. Белявский Ф.Н. Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия: Полное географическое описание нашего отечества (Настольная и дорожная книга для русских людей). СПб., 1907. Т. XVI. С. 214–280.
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
5. Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1885. 195 с.
6. Фурсова Е.Ф. Одежда крестьян Западной Сибири в 1920-е – 1930-е годы: традиция и мода // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие. М.: Индрик, 2016. С. 263–292.

REFERENCES

1. Bardina P.E. Life and farm of Russian Siberian in Tomsk region. Seversk: Kontekst, 2009, 432 p. (In Russ.)
2. Fursova E.F. Ob-Irtysh basin. *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-ethnograficheskie ocherki*. Moscow: Indrik, 2011, pp. 507–550. (In Russ.)
3. Bielawski F.N. Distribution of the population of Western Siberia on the territory, its ethnographic composition, life and culture. *Rossiya: polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva (Nastolnaya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudej)*. St. Petersburg, 1907, vol. XVI, pp. 214–280. (In Russ.)
4. Terner B. Symbol and Ritual. Moscow: Nauka, 1983, 277 p. (In Russ.)
5. Grigoriev V.N. The resettlement of peasants of Ryazan province. Moscow: Tip. A.I. Mamontova, 1885, 195 p. (In Russ.)
6. Fursova E.F. Clothing of peasants of Western Siberia in the 1920s–1930s: the tradition and fashion. *Traditsionnaya kultura russkogo naroda v period 1920–1930-h godov: transformatsii i razvitie*. Moscow: Indrik, 2016, pp. 263–292. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.04.2017

DOI: 10.15372/HSS20170212
УДК 391.1.+391.2.+391.3.

В.В. ЛЫГДЕНОВА¹, Е.Г. ДАМДИНОВА²

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА БАРГУЗИНСКИХ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XXI в.: ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, г. Новосибирск, просп. Ак. Лаврентьева, 17

²Бурятский государственный университет
РФ, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

В статье рассматривается трансформация традиционного костюма бурят, мигрировавших в Баргузинскую долину в XVIII–XIX вв. с берегов р. Верхней Лены. Параллельно выявляются общие термины в названиях одежды, бытующие в диалектах современных баргузинских и верхоленских бурят. Описывается костюм верхоленских бурят, который изменялся в течение XIX–XX вв. вследствие их миграции в Баргузинскую долину в XVIII в. Прослеживаются заимствования баргузинскими бурятами из костюма забайкальских бурят и эвенков (эн-гэр, летний халат, зимняя одежда и др.), объясняются особенности модификации костюма баргузинских бурят.

Ключевые слова: традиционная одежда бурят, баргузинские буряты, национальный костюм, обувь, головные уборы, субэтнические группы бурят, коренные народы Сибири, этнография, антропология.

V.V. LYGDENOVA¹, YE.G. DAMDINOVA²

TRADITIONAL BARGUZIN BURYATS' CLOTHES IN THE XIX – EARLY XXI CENTURIES: ETHNOGRAPHIC AND LINGUISTIC ASPECTS

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17, Lavrentieva Av., Novosibirsk, 630090, Russia

²Buryatsky State University,
24 a, Smolina Str., Ulan-Ude, 670000, Russia,

The paper considers main stages of transformation of the Barguzin Buryat traditional costume in the XIX – early XXI centuries. Currently one observes the growth of interest to this sub-ethnic group that can be explained by the Barguzin Buryats' Association high activity, attracting public attention to the history of the Barguzin ancient tribe settled in the Barguzin valley in the early Middle Age.

The paper relevance is also explained by the fact that the Barguzin Buryat material culture and history has not been deeply examined. The article objective is to reveal main stages of the traditional clothes transformation based on the archival and field data. In the XVIII - early XIX centuries Buryats started migrating from the Upper Lena River banks to the Barguzin valley, therefore this time period was chosen to study. During three centuries of neighboring with Evenks and Transbaikalian Buryats the traditional costume of Barguzin Buryats significantly changed due to adaptation to climatic conditions and new social-cultural realities.

The article's first part represents specific features of the Upper Lena Buryats, because Barguzin Buryats belonged to this ethnic group. Then it shows the analysis of the costume changes in the early-mid XX century. The paper's third part describes modern tendencies in Barguzin costumes. As a result borrowings from the costumes of Transbaikalian Buryats and Evenks are revealed: unique details in summer clothes decoration and hats originated in Transbaikalian Buryat costumes, Evenk borrowings of winter clothes and fur shoes, etc. In addition, the article reveals linguistic peculiarities and similarities in the clothes' terminology of Barguzin and Upper Lena Buryats dialects, which confirms the originality and authenticity of the Barguzin Buryat costume.

Key words: Buryat traditional clothes, Barguzin Buryats, national costume, shoes, hats, Buryat sub-ethnic groups, indigenous peoples of Siberia, ethnography, anthropology.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Лыгденова Виктория Васильевна – канд. филос. наук., научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Дамдинова Елена Гурбазаровна – канд. филос. наук., старший преподаватель, Бурятский государственный университет, e-mail: vostokelena@mail.ru

Victoria V. Lygdenova – Candidate of Philosophical Sciences, researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

Elena G. Damdinova – Ph.D., Professor, Candidate of Philosophical Sciences, senior researcher, Buryatsky State University,

Национальный костюм является одним из основных атрибутов принадлежности к тому или иному этническому сообществу. В Бурятии в дореволюционное время традиционная одежда указывала на принадлежность человека к определенной этнической группе. В советский период традиционный костюм стал унифицироваться по костюму племени хоринских бурят. В настоящее время проблема идентификации костюма разных этнических групп стоит особенно остро: регулярно проводятся землячества различных бурятских племен в г. Улан-Удэ, большую популярность приобретают национальные культурные фестивали, театральные и концертные постановки, появляются блоги в социальных сетях, посвященные изучению истории того или иного племени и т.п. В контексте отмеченных тенденций ажиотаж среди населения вызвал вопрос об особенностях традиционной одежды баргузинских бурят, что было связано прежде всего с активностью работы землячеств и возникшей потребностью в создании традиционного костюма в рамках проходившего к фестивалю «Алтаргана-2016»¹. Интересу к костюму способствовали: публикация диалектного словаря баргузинских бурят инициативной группой преподавателей при поддержке Традиционной Сангхи России после официального обращения к буддистам главного ширетуя Иволгинского дацана Д.Б.Аюшеева в 2014 г.², проведение «Фестиваля баргутов» в с. Курумкан в 2015 г.³ и премьеры популярного театрализованного представления «Эхо страны Баргуджин-Токум» (Бурятского национального театра песни и танца «Байкал») в 2014 г. Активная роль Министерства культуры Республики Бурятия в этом направлении и оказываемая им поддержка общественным инициативам повлияли на интерес молодежи, относящей себя к группе баргузинских бурят, к костюму, его обсуждению в социальных сетях⁴.

В 2016 г. в с. Курумкан была проведена научная конференция, в которой приняли участие министр культуры Бурятии, руководители районной администрации и научные сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН⁵. Основной задачей стало создание модели традиционного костюма баргузинских бурят для показа на международном фестивале «Алтаргана-2016». Этой же цели были посвящены семинары, которые проводились

в Национальном музее Республики Бурятия и в которых приняли участие ученые, модельеры, музейные работники. Здесь обсуждались особенности одежды различных бурятских племен⁶. Авторы статьи также приняли участие в развернувшейся дискуссии, и настоящая статья рассматривается нами как вклад в разработку костюма. В различных семьях нами были найдены фотографии, датированные началом–серединой XX в., на которых в традиционной одежде запечатлены буряты, проживавшие в селах Баргузинской долины. Кроме того, используются полевые материалы авторов (ПМА), а именно: интервью с пожилыми людьми, фотографии, публикации в масс-медиа, фрагменты одежды, собранные в Курумканском и Баргузинском районах Республики Бурятия в 2012–2016 гг. и хранящиеся в личном архиве авторов. Цель статьи – проследить эволюцию традиционной одежды баргузинских бурят в XIX – начале XXI в. на основе этнографического и лингвистического анализа, найти закономерности в трансформации костюма баргузинских. Основные принципы этнографического обследования подробно описаны в методологических трудах А.Ю. Майничевой [1].

Традиционная одежда верхоленских бурят (племен эхиритов и булагатов, к которым относятся баргузинские буряты) и баргузинских бурят рассматривалась в рамках общего анализа бурятской одежды в работах И.Е.Тугутова [2] и Р.Д. Бадмаевой [3]. Работа Р.Д. Бадмаевой основана на материалах полевых экспедиций 1950–1960-х гг. [4]. В настоящее время опубликовано немало работ о бурятском костюме [5, 6, 7], посвященных орнаменту, символике, женской одежде и т. д. Но целенаправленные исследования костюмов отдельных субэтнических групп бурят отсутствуют.

Костюм баргузинских бурят складывался на протяжении трехсот лет с момента их миграции в Баргузинскую долину в XVIII в. Адаптация баргузинских бурят в новой среде происходила по двум направлениям, подробно описанным в работах Б.В. Базарова и М.Н. Балдано: «природно-климатическому (окружающая среда – растительность, животный мир, климат, погодные условия) и социокультурному (установление контактов и отношений с соседями, учет существующих социокультурных норм и ценностей) [8, с. 214]. В процессе ассимиляции в Забайкалье баргузинские буряты утратили многие элементы традиционной одежды их предков – верхоленских бурят. Остановимся на описании первоначального варианта их костюма. В XVIII–XIX вв. для мужской и женской летней одежды верхоленских бурят (*тэрлиг*) был характерен прямой разрез спереди. Р.Д. Бадмаева так описывает мужскую летнюю одежду: «Прямоспинная верхняя одежда с прямым разрезом спереди и с глубо-

¹ Алтаргана. Положения фестиваля. URL: <http://minkultrb.ru/altargana/> (дата обращения: 28.06.2016).

² Хамбо-лама Д. Аюшеев: у каждой деревни в Бурятии должен быть свой словарь. URL: <http://gazeta-n1.ru/news/32906/> (дата обращения: 01.04.2016).

³ III Международный этнокультурный фестиваль баргутов. https://vk.com/video-95189895_171540552?list=b628a1930fc37dc1f2 (дата обращения: 01.04.2016).

⁴ Баргажанай буряадууд (Хурамхаан, Баргажан). URL: https://vk.com/barg_kurumk_culture (дата обращения: 01.04.2016).

⁵ Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы изучения самобытности и практического моделирования традиционного костюма баргузинских бурят». URL: <http://kurumkan.burnet.ru/news/detail.php?ID=3461> (дата обращения: 01.04.2016).

⁶ Традиционный костюм баргузинских бурят обсудят в Музее имени М.Н.Хангалова. URL: http://minkultrb.ru/news/detail.php?SECTION_ID=95&ELEMENT_ID=11246 (дата обращения: 01.04.2016).

ким запахом, застегивающимся на пуговицы (*баймга дэгэл*)» [3, с. 46]. У женщин – «домашнее платье (*халадай*) на кокетке без плечевого шва, к которой пришивали в складку прямоугольные полотнища ткани, сшитые по бокам. Прямые неширокие рукава пришивали к прямой кокетке. Спереди разрез шел на кокетке. Воротник делали стойку. Низ юбки обшивали полоской ткани» [3, с. 57]. У женщин безрукавка была длиннополый, в отличие от безрукавок забайкальских бурят, украшенная перламутровыми круглыми пуговицами впереди вдоль разреза и расклешенная сзади (*хубайси*). Сохранились безрукавки верхоленских бурят в Национальном музее Республики Бурятия. Мужская шапка шилась из выдры, с невысокой тульей цилиндрической формы и круглым основанием из бархата (*халю малгай*). У женщин сохранялась старинная вязаная шапочка в виде колпачка – шаровка, которая к концу XIX в. практически исчезла и была заменена покуной кубанкой [3, с. 70]. Обувь была поршневидной [3, с. 79].

В течение второй половины XIX – начала XX вв. усилилось влияние русской и эвенкийской культур на традиционную одежду баргузинских бурят. Заимствования из традиционной одежды эвенков коснулись головного убора, зимней одежды, обуви, от забайкальских бурят – летних халатов и головных уборов. Так, в женском и мужском летнем халате (*тэрлиг*) и в зимней шубе (*дэгэл*) появился небольшой *энгэр* (дугобразный разрез на лифе в правую сторону), округленный сверху у ворота, как у селенгинских бурят, и украшенный тонкой тесьмой. *Энгэр* застегивается ближе к небольшому воротничку, лиф застегивается снизу ближе к поясу, на три-четыре пуговицы в виде серебряных шариков с ушком (*тобишо*). Воротник отложной, неширокий. Запах *тэрлиг* и *дэгэла* на правую сторону. Воротник, лиф, рукава и подол летнего халата оторочены тонкой тесьмой или украшены узкой бархатной полосой черного цвета.

Женский *тэрлиг* по своему покрою напоминает безрукавку *хубайси* иркутских бурят. Как и *хубайси*, *тэрлиг* является цельнокроеным, немного расширенным книзу, рукава чаще всего также цельнокроеные без буф. Женские халаты длиной ниже колен сшиты из шелка – однотонные с рисунками в виде буддийских символов – *улзы* или цветов (оранжевый, голубой), а мужские зимние халаты из хлопка или из овчины.

В мужских зимних халатах обшлагов на рукавах нет, отложной воротник – широкий из меха, запах глубокий, украшен узкой однотонной темного цвета тесьмой *энгэрам*, с двух концов небольшого *энгэра* имеются три пуговицы *тобишо* – сверху, ближе к вороту, и снизу – ближе к нижней части запаха и ближе к поясу. Пояс широкий, состоит из нескольких цветных лоскутов хлопчатобумажной ткани (оранжевый, зеленый, желтый, синий) с длинными кистями. Судя по фотографиям, женский *дэгэл* из овчины идентичен мужскому, отделка рукавов и ворота – из овчины или из меха выдры, но пояс отсутствует.

Нами обнаружены два вида мужской шапки. Летний вариант найден в музее с.Барагхан – островерхая шелковая шапка с наверху в виде кисточки с небольшим отворотом (*тооробишо малгай*) из черного бархата. На фотографиях из личного архива летняя мужская шапка представлена в виде небольшой шляпы с короткими полями и низкой верхней частью, как на фотографиях того же времени у иркутских бурят (ПМА). Зимняя мужская шапка демонстрировалась на конференции в Курумкане – шапка изготовлена в виде папахи из меха выдры, в центре пришит кружок картона, обшитый бархатом темно-бордового цвета. Именно такую шапку мы видим на сохранившейся фотографии тайши Баргузинской степной думы Ринчина Сотиева в национальном костюме (1840–1916).

Женский демисезонный головной убор хранится в Барагханском краеведческом музее и представляет собой круглую невысокую шапочку из плиса светлорозового цвета, украшенную мехом выдры и тесьмой. Такие шапки были популярны, скорее всего, в начале XX в. На сохранившихся фотографиях мы видим подобные женские летние шапки из плиса, бархата или шелка, имеющие форму кубанки светлого цвета, совершенно неукрашенные.

В семейном архиве найдена женская зимняя шапка, которую носила Цыбенова Чимит Рабсаловна (род басай шоно, 1885–1958) в конце XIX – начале XX вв. – *хасабишатай малгай* – цельнокроеный зимний головной убор с тульей и наушниками. На лицевой и затылочной сторонах имеются выступы, которые в теплую погоду заворачивались вверх вместе с наушниками. В мороз и ветреную погоду наушники носили спущенными. Шапка изнутри утеплена мехом выдры [ПМА]. В статье Р. Д. Бадмаевой о костюме баргузинских бурят начала–середины XX в. отмечается, что «хасабишатай малгай» (зимнюю шапку с ушанками) носили только мужчины, а женщины носили кубанку, как и верхоленские бурятки. Однако, согласно нашим материалам, такую шапку носили и мужчины, и женщины.

Анализ фотографий и изучение нескольких видов обуви в сельском краеведческом музее с.Барагхан показали, что мужская и женская демисезонная обувь поршневидной формы различалась по крою. Мужская обувь шилась полностью из кожи, женская обувь состоит из кожаной подошвы и переднего кожаного носка, остальная часть шита из войлока или черной замши. Такая обувь тоже описана Р.Д. Бадмаевой [4, с. 192]. Зимняя обувь представлена в виде *дугты* – меховых унтов из овечьих касумов, заимствованной у соседей-эвенков. У мужских унтов мысок носка округлый, у женских – треугольный прямосрезанный, (как и у верхоленских бурят).

В 1950–1980-е гг. XX в. традиционная одежда баргузинских бурят претерпела значительные изменения под влиянием индустриализации в России. Она стала выходить из повседневного употребления, пожилые люди носили ее только в праздничные дни. Летние шапки у женщин были заменены на хлопчатобумаж-

ные платки, у мужчин – на кепки или шляпы. Из зимней обуви сохранились традиционные унты. Оставались популярными зимние меховые шапки, которые стали шить, согласно советской моде.

В 1990-е – начале 2000-х гг. возрос интерес к баргузинскому национальному костюму. В этот период баргузинские буряты, как и другие этнические группы бурят, надевали на свадьбы традиционную бурятскую одежду, характерную для хори-бурят с отделкой на груди – *энгэрам* и шапкой с высокой тульей. Скорее всего, такой выбор объяснялся тем, что агинские буряты (хори-буряты), носившие традиционную одежду в советское время, повлияли на выбор и других субгрупп, которые уже не имели полного представления об особенностях традиционной одежды или не придавали этому большого значения. Однако, с 2000 – 2010-х гг. баргузинские буряты шьют национальные костюмы по образцу одежды верхоленских бурят в XIX в. и носят их на семейных национальных праздниках.

Таким образом, необходимо отметить следующие изменения, которые произошли в костюме баргузинских бурят с конца XIX в. по настоящее время:

1. В летнем халате (*тэрлиг*): прослеживается заимствование *энгэра* у забайкальских бурят, но без отделки в виде полос. Тонкая тесьма окаймляет небольшой отложной воротничок, лиф, в женском и детском костюмах – рукава. Однако, в отличие от забайкальских бурят, отсутствуют обшлага и редко встречаются буфы, рукава украшаются неширокой лентой из черного бархата или тесьмой. *Энгэр* пристегивается на трех-четырёх пуговицах: у воротника и ближе к поясу. Цвет ткани – однотонный, у женщин – светлых тонов, у мужчин – темных. Мужской халат подпоясывается широко разноцветным поясом с кистями. В музеях не обнаружено женских безрукавок, однако, на одной из фотографий начала – середины XX в. у женщины поверх халата надет жилет до пояса – *хантааза*, как и у забайкальских бурят.

2. Шуба (*дэгэл*): имеет небольшой *энгэр* и широкий отложной воротник из меха выдры или овчины, который присутствует в мужских и женских шубах. Обшлагов нет, рукава и лиф *энгэра* украшены лентами темного цвета. Иногда рукава и лиф украшены мехом выдры или овчиной. Подол не украшен. Широкий тканевый пояс есть у мужской шубы. В целом шубы схожи с костюмом верхоленских бурят, кроме заимствованного у забайкальских бурят небольшого *энгэра*.

3. Головные уборы баргузинских бурят отличаются от предбайкальских: прежде всего, женские шапки в форме кубанок украшены тесьмой или мехом, мужские, имеющие форму папахи, также украшены мехом выдры, тогда как у верхоленских бурят, судя по фотографиям, преобладают зимние шапки конической формы, а летние шапки у мужчин и женщин изготовлены в виде кубанок. Заимствования формы шапок от забайкальских бурят привели к тому, что встречаются мужские летние шапки с острым верхом и кисточкой,

с небольшим отворотом из черного бархата. Сходство бурятской и эвенкийской шапки проявляется в отделке из меха выдры или соболя.

4. Демисезонная и летняя обувь осталась практически неизменной: по-прежнему используется поршневидная форма, как у верхоленских бурят. У женской обуви кожаные носки и подошвы, мужские сапоги полностью изготовлены из кожи. Однако произошло заимствование зимней обуви от *дугты* эвенков. Заметим, что у верхоленских бурят зимняя обувь сделана из кожи или из замши.

На специфику костюма баргузинских бурят также указывают диалектные особенности в названиях одежды, которые проявляются либо в разном произношении одинаковых слов, либо в использовании нового слова для обозначения одного и того же предмета. В баргузинском диалекте бурятского языка, в отличие от литературного, где в непервых слогах по закону губного притяжения возможен лишь гласный «а»: если в предыдущем слоге тоже стоит гласный «а», то в баргузинском стоит долгий гласный «уу». Например, *лит. хубсаһан*, *барг. хубсуун*, *лит. гутал*, *барг. гутуун*. Имеется интересный пример произношения слова для обозначения жилетки на меху: *лит. хантууза*, *барг. хантааза*. Поскольку баргузинские буряты – выходцы из Верхоненья, где заселение русскими происходило уже в первой половине XVII в., то в иркутском диалекте бурятского языка (диалекте верхоленских бурят) присутствует много заимствований из русского языка. Сохраняются они и у баргузинских бурят. Вместо *лит. ойһон* для слова *носки* в баргузинском диалекте употребляется слово *сулхи*. Можно предположить, что это слово происходит от русского *чулки*. Вместо литературного *самса*, что означает *рубашка*, баргузинские буряты чаще в речи использовали и используют заимствованное слово *урбахи*. Заимствованное из русского языка слово *сапоги* в литературном бурятском произносится как *сабхи*, а в баргузинском диалекте – *сабья*. Таким образом, в баргузинском диалекте в названиях одежды сохраняются слова, характеризующие специфику и сходство костюмов баргузинских и верхоленских бурят.

В заключение отметим, что в течение всего периода проживания бурят на территории Баргузинской долины в их одежде произошли значительные изменения, вызванные в первую очередь условиями сурового северного климата, а также социокультурной адаптацией. По результатам исследования можно говорить о возрождении самобытного баргузинского костюма, который является аутентичным для эхиритов, проживающих в Баргузинской долине. Специфика костюма данной субэтнической группы также прослежена на примере лексикологических сходств в названиях одежды в диалектах современных баргузинских и верхоленских бурят. Таким образом, восстановление традиционного костюма разных бурятских этнических групп является приоритетной задачей современных этнологов и антропологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майничева А.Ю. Методика этнографического обследования расселения русских в Сибири: культура жизнеобеспечения и мировоззрение // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 2. С. 33–36.
2. Тугутов И.Е. Материальная культура бурят. Этнографическое исследование. 1958. Улан-Удэ: Минкультуры БурАССР. 216 с.
3. Бадмаева Р.Д. Бурятский народный костюм. Улан-Удэ: Бурят. кн. Изд-во, 1987. 142 с.
4. Бадмаева Р.Д. Одежда и украшения баргузинских бурят в XIX – начале XX вв. // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1974. М.: Наука, 1975. С. 189–196.
5. Бадмаев А.А. Женская одежда у бурят во второй половине XIX – начале XX века // Вестник НГУ. 2012. Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. С. 187–193.
6. Самбуева С.Б. Символика традиционного бурятского женского костюма. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. 92 с.
7. Баторова Е.А. Бурятский орнамент XVIII–XX веков. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. 164 с.
8. Базаров Б.В., Балдано М.Н., Бадараев Д.Д. Соотношение миграционных векторов и нomaдизма в современном монгольском обществе // Власть. 2015. № 10. С. 213–218.

REFERENCES

1. Mainicheva A.Yu. Method of ethnographic survey of settling Russians in Siberia: a culture of life support and worldview. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol.23, no. 2, pp. 33–36. (In Russ.).
2. Tugutov I.E. The Buryat material culture. Ethnographic research. Ulan-Ude, 1958, 216 p. (In Russ.).
3. Badmayeva R.D. Buryat national costume. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 142 p. (In Russ.).
4. Badmayeva R.D. Clothes and accessories of the Barguzin Buryats in the XIX – early XX centuries. *Polevye issledovaniya Instituta etnografii*. 1974. Moscow, 1975, pp. 189–196. (In Russ.).
5. Badmaev A.A. Buryat female clothes among in the second half of the XIX – early XX centuries. *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya*. 2012, vol. 11, no. 5, pp. 187–193. (In Russ.).
6. Sambueva S.B. Symbolics of traditional Buryat female costume. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2004. 92 p. (In Russ.).
7. Batorova E.A. Buryat ornament in the XVIII–XX centuries. Ulan-Ude, Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2007, 164 p. (In Russ.).
8. Bazarov B.V., Baldano M.N., Badaraev D.D. The ratio of migration vectors and nomadism in the modern Mongolian society. *Vlast*. 2015, no. 10, pp. 213–218.

Статья принята
редакцией 03.04.2017

DOI: 10.15372/HSS20170213
УДК 394(571)"15/17"

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ, Н.А. БЕРЕЗИКОВ

ОГРАЖДЕНИЯ КАК ЗНАКОВАЯ МАРКИРОВКА ОХРАНЯЕМОГО ПРОСТРАНСТВА (СИБИРЬ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII в.)

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр-т Ак. Лаврентьева, 17

В статье рассмотрен феномен ограждений в культуре Сибири, связанный с освоением территории русскими в XVII в. Проанализированы происхождение, назначение и эволюция деревянных стен и земляных валов острогов, а также заборы дворов, принадлежавших крестьянам и горожанам, изгороди сельскохозяйственных угодий. Основной акцент сделан на семиотическую функцию указанных конструкций. Представлена типология ограждений в соответствии с властными установками царской администрации в Сибири и сложившимися канонами в российской культуре. Выявлены функции и символично-знаковая нагруженность этих конструкций. Феномен ограждений включен в контекст восприятия социокультурного и политико-правового пространства в условиях расширяющегося государства и общественной мобильности.

Ключевые слова: Сибирь, русские, колонисты, деревянное зодчество, граница, защита, ограждения, заборы, стены, остроги, символ, знак.

A.A. LUTSIDARSKAYA, N.A. BEREZIKOV

BARRIER AS SIGN MARKING THE PROTECTED AREA (SIBERIA OF THE LATE XVI – EARLY XVIII CENTURIES)

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russia

The subject of the article is wooden and ground constructions connected with fencing in Siberia in the XVII century. The authors study such constructions as walls and other elements of fortresses. The research objective is to reveal sign and symbolic functions of barriers in the ethnic, political and social space of a colonized territory. The authors analyze the Siberian documents, archeological data, graphic, and folklore materials. They use a semiotic-phenomenology paradigm both in its classic and post-Foucauldian interpretation as the main method of research. The authors refer to the modern Russian ethnographic school devoted to ethnic-symbolic colonization and sociological-anthropological research of the urban symbolic spaces. As a result the authors argue that the barriers had defensive functions at the beginning of the XVII century and provided three security levels: state, public and individual ones. However, very soon the government turned the walls and other fencing into a discipline strategy for people in Siberia. Furthermore, the barriers performed the important elements of the ethnical, political and social hierarchical representation of Siberia under the control of Russia. These facts showed no transparency of the institutional environment and the government endeavor to limit social mobility or at least set it under the administrative control. The author's findings are that there were two trends during the period under study: the first one was connected with main cultural characteristics of the Russian space as continuously dispersing territory with huge migrants flows; the contrary second trend was in fixing people to the place of their living and proper social groups. In that case the fencing was the appropriate symbol of the Russian government efforts to shape the vast territory.

Key words: barriers, borders, colonists, fortress, Russians, safeguard, Siberia, symbol, walls, wooden architecture.

Анна Алексеевна Люцидарская – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: lucid1@yandex.ru

Николай Александрович Березиков – младший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: warumbaum@gmail.com

Anna A. Lutsidarskaya – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, e-mail: lucid@ngs.ru

Nikolay A. Berezikov –researcher, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, e-mail: warumbaum@gmail.com

Установление границ пространства является, по сути, делением территории на «свою» и «чужую». Необходимым элементом такого действия становятся знаки, подтверждающие данное разделение. Знаки могут быть различными – от простого забора до воензированной заставы, но именно они символизируют и определяют претендента на ограниченную территорию. В.Н. Курилов и А.Ю. Майничева писали в исследовании, посвященном архитектуре Сибири XVII в., что рассмотрение морфологии форм сибирской деревянной архитектуры связано с пониманием принципов структурирования и упорядочивания пространства [1, с. 73].

Обращение к проблеме организации пространства сибирских первопоселенцев XVII в. объясняется прежде всего интересом к изучению городской повседневности, взаимодействия русского и аборигенного миров, а также практик межэтнического общения. Городская социальная среда дает ресурсы для развития, поддерживает и охраняет социальные коммуникации, но также создает риски для межкультурного общения и выстраивания этнического диалога. Город становится, по определению Р. Парка, социальной лабораторией, генератором социальных проблем и социальных изменений [2, с. 3]. Публичные и приватные пространства задают статусные позиции субъектов, их направленность и дистанцию. С. Лаймен и М. Скотт дифференцируют территории по критериям: регламентированность–свобода, замкнутость–открытость, контролируемость–неконтролируемость, что является отражением правил, прав и возможностей доступа на территории [3, с. 213].

Важное место в методологии исследования занимает понятие «культурная граница». Рассматривая культурные границы в связи с этничностью, Ф. Барт интерпретировал последнюю как форму социальной организации культурных отличий. По его мнению, маркирующие этническую группу характеристики являются результатом исторических, политических и экономических условий и конкретных ситуаций, а сама этническая граница представляет собой акт сознания человека [4, с. 144].

Анализируя групповую деятельность человека, Х. Патшайдер отмечает, что «человек организует свою жизнь, используя символы и знаки, и таким образом создает собственный символический мир... для установления и сохранения границ между людьми» [5, с. 153–154]. Все окружающие человека объекты и явления маркированы и рационально, и эмоционально в большей или меньшей степени. Если преобладает рациональная психологическая маркировка объектов, окружающих человека, то они выступают как профанные в сознании, и наоборот, эмоциональная насыщенность этих объектов способствует их возвышению и сакрализации в мировоззрении.

Начавшись как простой утилитарный элемент жилища, ограждающий от внешних угроз, стены очень скоро стали отражением всего общественного устройства. Ограждения опосредуют собой террито-

риальность как социальное явление и выступают символами, связывающими различные уровни идентичности, своей и чужой, частной и публичной, этнической и гражданской.

Исторически стены впервые появились вокруг городских поселений, затем принцип ограждения распространился на сельские поселения и в конце концов стал стандартом для отдельного жилища. Стремление к очерчиванию своей территории имплицитно присуще каждой культуре. Территориальность удовлетворяет три потребности человеческого сообщества: в эффективном использовании пространства, в самоидентификации и безопасности. Ограждение территории обитания и проживания позволяет организовать поведение внутри сообщества, определяя доступ и виды деятельности в пространстве [6, с. 814]. Таким образом, ограждение территории задает соответствующие поведенческие обычаи насельников и их гостей. Стены-барьеры становятся материальным проявлением социально-психологического ощущения собственности, с их помощью люди маркируют территорию. Ограждения служат предупредительными знаками, позволяющими предотвратить нарушение порядка.

Территориальные владения делятся, по мнению Альтмана, на три типа по их отношению к ограждениям: первичная, вторичная и публичная территория. Первичная территория – это пространство, которым человек владеет или которое он контролирует на относительно постоянной основе. Вторичные территории менее важны для людей, и контроль над такими пространствами может распределяться или подчиняться принципу ротации. Публичные территории открыты для всех членов сообщества, например, улицы или площади и торги [7, с. 36–37].

Пришедшая в Сибирь в конце XVI в. российская власть начала с активного строительства. Она выстраивала новую архитектуру территории как в поселенческом плане, так и в огораживании и маркировании сельскохозяйственных и охотничьих угодий. Освоение Сибири преследовало цель не только расширения границ государства, но и организации нового пространства, что проявлялось в утверждении святынь и мест, обладавших повышенным социальным статусом. Без должного благоустройства пространства Сибири не реальным был доступ к ее богатейшим ресурсам.

Пространство Сибири в начальный период колонизационного процесса не имело сколько-нибудь четких границ. Коренное население оказывало сопротивление колонистам, и отдельные территории длительное время оставались зонами военных конфликтов. В этой исторической ситуации постройка острогов с крепостными стенами и высокими проезжими башнями символизировала новую власть. Возведенная крепость в чуждом пространстве имела колоссальное значение для колонистов, обеспечивая им не только реальную защиту, но и ощущение организованности территории, создание привычного бытия. Обязательной принадлежностью крепости были не только стены с бойницами, пушки и пищали, но и икона над проезд-

жими воротами, призванная освящать отвоеванное, «языческое» пространство. В дальнейшем на территории крепостей возводились часовни, а если поселение имело дальнейшую перспективу роста, то и церкви. Для аборигенов Сибири первые остроги представляли собой невиданные по местным масштабам сооружения и служили знаками могущества власти московского царя [8, с. 154].

До настоящего времени дошли артефакты военно-фортификационной архитектуры периода освоения Сибири конца XVI – начала XVIII в., представленные остатками Илимского, Якутского, Братского и других острогов. Оборонное зодчество было заметным явлением, маркировавшим суть происходящих историко-политических процессов.

Картограф, летописец XVII в. С.У. Ремезов в «Чертежной книге Сибири» предоставил типологию населенных пунктов Сибири в целом и, в частности, по устройству их укреплений [9, с. 171]. Приводимая им классификация была типичной для «городового дела» в Московском государстве. Если населенный пункт был обнесен «стоячим тыном», то такое укрепление он называл «острогом». В случае, если наряду с «тыном» строители ставили башни и их число превышало четыре, то такое поселение Ремезов называл городом или «градом». Это происходило даже в тех случаях, когда в укреплении отсутствовали «рубленые» стены, а в наличии были только «рубленые» башни. К полноценному городу он относил укрепление, обнесенное рублеными стенами с башнями.

Простейшим типом фортификационного сооружения являлось зимовье. Первые землепроходческие зимовья были рассчитаны на оборону посредством «лучного», а не «огненного боя», что и обусловило устройство нагородней (продолжением срубов) [1, с. 14]. Зачастую зимовье после строительства сруба огораживали деревянной стеной. В этом случае такое крепостное сооружение называли острогом. Различались остроги по виду стеновой конструкции, наличию и числу башен, выстраивавших облик этих сооружений. Элементарным видом острога была постройка из тыновой ограды при отсутствии башен. Саму тыновую стену могли сделать «стоячей», «косой» или в сочетании с земляным валом. Судя по сохранившимся источникам, в Сибири был представлен весь спектр тыновых оград. Во многих острогах на начальном этапе их существования (Томский, Илимский, Енисейский) возводились стоячие тыновые стены и рубленые башни. В грунт или в земляной вал строители врывали заостренные бревна, составлявшие стены, бревна связывались друг с другом горизонтально. Бойницы вырубались в бревнах-тынинах. Прочности всей конструкции, прежде всего тыновой стене, придавалось большое значение.

Ярким свидетельством значимости города было существование специального ритуала его закладки. Тексты «закладного чина» известны по требникам – собраниям молитв и священнодействий. Ритуал начинался с освящения территории будущего города.

Согласно «закладному чину» в первую очередь рассматривали крепостные стены и освящали их основание, а затем уже определяли места для храмов и других общественных построек [10, с. 27]. Старинный ритуал был соблюден при закладке в 1647 г. нового Томского города-кремля: в честь начала строительных работ отслужили торжественный молебен, освятив территорию будущего города и его укрепления [11, с. 100, 156].

Заселение новой территории предполагает ее соответствующее обустройство, прежде всего прокладывание дорог, определение границ и утверждение святынь и мест, обладающих повышенным социальным статусом. Упорядоченная территория делится на центр и периферию, места для живых и мертвых, культовые центры. Стратегически важные остроги перерастали в города, где сосредоточивались гарнизоны и управленческий аппарат, развивались торговля и промышленность. Наиболее перспективными оказывались поселения, расположенные на пересечении торговых путей, а также в благоприятной для развития земледелия зоне. Человек полностью самореализовался только в случае осознания места своего обитания. Психологическая взаимосвязь с окружением и домом придавала жизни колонистов конкретную форму. С домашним пространством было связано выполнение периодических и окказиональных ритуалов. Феномен жилища включал различную «стилистику» поведения людей в доме и за его пределами [12, с. 12–13].

Территория, принадлежащая дому (двору), могла быть как замкнутой, ограниченной для чужих пространством, так и открытой системой общения. Подобно другим компонентам культуры жизнеобеспечения, жилище выполняло двойственную социальную функцию: оно соединяло людей, и оно же их разъединяло [13, с. 65]. В сибирских, как и в прочих русских поселениях городского и сельского типов, единицей отчета индивидуальной территориальной собственности являлся двор, где проходила вся жизнь человека (хозяина) и его семьи. Естественным образом территория двора имела знаковое подтверждение, и таким знаком являлось ограждение.

Ограждения собственного пространства сибирских первопоселенцев мало отличались от привычных русскому человеку оград европейской части страны. Названия ограждений, как правило, повторялись. Основными видами границ территориальной собственности сибирских горожан оставались заборы различных конструкций и видов. Собственно двор, «дворовое место» чаще всего были огорожены заплотом. Характерно, что термин «заплот» употреблялся на Русском Севере в XVI–XVII вв. для обозначения стены или ограждения, построенных техникой замета. Заплот был широко распространен в Сибири и сохранился вплоть до XX в. В источниках встречаются описания усадеб, где и двор, и огород забраны «в заплот». Конструкция оград, выполненных приемом замета (заплота), состояла из прясел. Такое прясло представляло собой два вертикально врытых в землю столба, в каждом из которых со стороны другого столба выбирали паз.

В эти пазы вставляли затесанные и пригнанные «пальца» горизонтально уложенных бревен, которые клали одно на другое до нужной высоты. Такая ограда иногда называлась также лежачим тыном [14, с. 28].

Подобные ограждения были обычны для Западной и Восточной Сибири. Термины «двор огорожен в заплот в столбы», «двор огорожен заплотом», «двор огорожен кругом в столбы», «двор огорожен заплотом с столбы и покрыт» встречаются в Переписной книге строений Иркутска, Илимска и близлежащей округи. Другой тип ограждения визуальнo повторял конструкцию городских укреплений и именовался частоколом. Чаще всего частоколом огораживались огороды. «Двор в заплота, огород в частоколе» — наиболее часто употребляемое описание ограждений дворов сибирских горожан. Однако частокол применялся и в ограничении территорий дворов [15, с. 144].

В лесостепной полосе Сибири применялся еще один тип ограждений, не получивший широкого распространения, — это плетень, изготовленный из прутьев. Такой забор делил пространство, однако серьезной преградой не являлся. Не была защитой от нападений и городьба, состоявшая преимущественно из жердей или иного подручного материала [16, с. 83]. Городьба делалась для ограждений пастбищ или же использовалась в качестве знака собственности на незначительную территорию, предназначенную для хозяйственных нужд. Можно предположить, что в Сибири в исследуемый период городьбу применяли как средство разграничения пространства, которое в дальнейшем обретало иную форму.

Крепкий забор должен был надежно защищать усадьбу не только от нежелательных посетителей, но и от нередких в те времена преднамеренных нападений. Заплот и частокол в целом отвечали этим требованиям. В качестве доказательной базы можно привести примеры из архивных документов XVII — начала XVIII в. К ряду жилых комплексов сибирских городов XVII в. вполне может подойти выражение «мой двор — моя крепость». И действительно, дворы огороженные «в заплот» мощными бревнами, а подчас глухими стенами жилых или хозяйственных построек, иногда представляли собой нечто вроде маленьких крепостей и использовались как оборонительные пункты. В источниках XVII в. часто встречаются сюжеты, когда дворы выдерживали осаду злоумышленников. Подобным образом в середине XVII в. использовали жилой комплекс нарымские служилые люди. «...И мы от них заперлись на дворишке в хоромях», — говорилось в источнике (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 212. Л. 10). В этот же период в Нарыме, во время конфликта воеводы с оппозиционно настроенными горожанами, последние заперлись от людей воеводы во дворе. И «...по дворишку нашему стрелял и хоромы и сени и ворота испробил во многих местах...», — писали нарымчане в своей челобитной. Далее из документа следует, что двор выдержал осаду и достать смутьянов воеводским приспешникам не удалось (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 212. Л. 17).

В Средние века было распространено убеждение, что всякое изменение неизбежно ведет к упадку. Все, что меняется, теряет свою ценность, — гласит автор XII в. Таким образом, замкнутость территории обеспечивала стабильность, предохраняла от изменений извне. В случае острожных городских стен обеспечивалась защита от влияния языческого мира [17, с. 135]. Однако уже к концу XVII в. эта тенденция начинает нарушаться, и некоторые избы стали выходить окнами на улицу, что было очень важно для преодоления закрытой системы домашнего быта. Открытости жилого пространства способствовала практика хождения в гости «хлеб есть». Деятельность горожанина все больше выходила за пределы его двора. Менялись роли различных социальных слоев горожан, менялось зонирование городской территории. Это проявилось в снижении значения укрепленного центра города и возрастании роли торгового. Аналогичные изменения происходили и в городской архитектуре: монументальные острожные стены, башни, фортификационные сооружения выходили из активного оборота деревянного зодчества Сибири, заменяя реальные фортификационные сооружения знаковыми импликациями [18, с. 16]. Особенно это касалось крупных сибирских городов, которые становились все более открытыми для торговли и внешних связей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 94 с.
2. Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
3. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
4. Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. стат. / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильшикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
5. Патшайдер Х. Ритуалы и символы, создающие повседневные границы // Кочующие границы: сб. стат. / под ред. О. Бредниковой и В. Воронкова. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1999. С. 139–145.
6. Edney J. The psychological role of property rights in human behavior // Environment and Planning. 1976. Part A, issue. 8. P. 811–822.
7. Altman I. The environment and social behavior: Privacy, personal space, territoriality and crowding / Consulting ed. L. S. Wrightsman. Monterey: Brooks / Cole Pub., 1975. 256 p.
8. Люцидарская А.А. Колонизация Сибири: человек и пространство // Народы Сибири: История и культура. Новосибирск: Наука, 1997. С. 152–158.
9. Добжанский В.Н., Ермолаев А.Н. Рисунок Каштакского острога и рудника из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова // Вестник Кем. гос. ун-та. 2014. № 3–2. С. 170–175.
10. Черная М.П. Томский кремль середины XVII — XVIII в. Томск: Том. Ун-т, 2002. 184 с.
11. Покровский Н.Н. Томск, 1648–1649 гг. Новосибирск: Наука, 1989. 385 с.
12. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.
13. Люцидарская А.А. Хронотоп первых сибирских колонистов // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 64–67.

14. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 197 с.

15. Люцидарская А.А. Усадебный комплекс Восточной Сибири начала XVIII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 144–149.

16. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.

17. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.

18. Березиков Н.А. Крепостное зодчество в Сибири в конце XVI – начале XVIII в. // Баландинские чтения. Т. 11. № 1. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. С. 12–17.

REFERENCES

1. Kurilov V.N., Mainicheva A.Yu. The fortress and church: the trends of Russian culture in architecture. Novosibirsk, 2003, 94 p. (In Russ.).

2. Park R. The city as a social laboratory. *The Sociological Review*. 2002, vol. 2, no. 3, pp. 3–12. (In Russ.).

3. Filippov A.F. The space sociology. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2008, 285 p. (In Russ.).

4. Barth F. (ed.). Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference. Moscow, Novoe izdatelstvo, 2006, 200 p. (In Russ.).

5. Patscheider H. Rituals and symbols creating barriers in everyday life. *Migrating borders*. Saint Petersburg, 1999, pp. 139–145. (In Russ.).

6. Edney J. The psychological role of property rights in human behavior. *Environment and Planning*. 1976, part. A, no. 8, pp. 811–822.

7. Altman I. The environment and social behavior: privacy, personal space, territoriality and crowding. Ed. L. S. Wrightsman. Monterey, Brooks / Cole Publ., 1975, 256 p.

8. Lutsidarskaya A.A. The Siberian colonization: man and space. *The Siberian folks: history and culture*. Novosibirsk, 1997, pp. 152–158. (In Russ.).

9. Dobzhanskii V.N., Ermolaev A.N. S.U. Remizov's drawing of Kashtak fortress and mine. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, no. 3–2, pp. 170–175. (In Russ.).

10. Chernaya M.P. The Tomsk Kremlin in the middle of the XVII–XVIII centuries. Tomsk, 2002, 184 p. (In Russ.).

11. Pokrovskii N.N. Tomsk in 1648–1649. Novosibirsk, Nauka, 1989, 385 p. (In Russ.).

12. Baiburin A.K. Housing in the East Slavs rituals and ideas. Leningrad, Nauka, 1983, 191 p. (In Russ.).

13. Lutsidarskaya A.A. The chronotope of the first Siberian colonists. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy*. Tomsk, 2010, pp. 64–67. (In Russ.).

14. Lutsidarskaya A.A. The old inhabitants of Siberia: historical and ethnography essays (the XVII – early XVIII centuries). Novosibirsk, Nauka, 1992, 197 p. (In Russ.).

15. Lutsidarskaya A.A. A manor complex in East Siberia at the beginning of the XVIII century. *Pamyatniki byta i khozyastvennoe osvoenie Sibiri*. Novosibirsk, 1989, pp. 144–149. (In Russ.).

16. Mainicheva A.Yu. The architectural and building traditions of the North Ob peasants: problems of the evolution and contacts. Novosibirsk, 2002, 144 p. (In Russ.).

17. Gurevich A.Ya. The concepts of the medieval culture. Moscow, Iskustvo, 1984, 350 p. (In Russ.).

18. Berzegov N.A. Fortress architecture in Siberia in the late XVI – early XVIII centuries. *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 12–17. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 03.04.2017

DOI: 10.15372/HSS20170214
УДК 394(571)"4850/1917"

У.В. СВЕТАЧЕВА

ДОМОСТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ МИНУСИНСКОГО ОКРУГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Ак. Лаврентьева, 17
Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова,
662608, г. Минусинск, ул. Ленина, 60

В статье рассматривается тема домостроительных традиций русского населения верховьев р. Сыда (бывший Минусинский округ). Эта территория была заселена в середине – конце XIX в., значительную часть населения составили переселенцы из Пермско-Вятского региона. Автором затрагиваются слабо изученные вопросы истории возникновения ряда поселений и их планировки, уделяется внимание домостроительству: типам домов, материалам и особенностям расположения жилища относительно улицы, а также связанному с жилищем мифоритуальному комплексу. Используются материалы, полученные автором в ходе этнографической экспедиции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова в июле 2016 г. Показано, что домостроение на указанной территории во второй половине XIX – начале XX в. сохраняло традиционные русские черты и во многом совпадало с традициями, бытовавшими на всей территории Минусинского округа, при этом отмечены такие специфические черты, как нетрадиционное для данной местности расположение избы.

Ключевые слова: традиционное жилище, домостроение, Минусинский край, переселенцы.

U.V. SVETACHEVA

HOUSEBUILDING TRADITIONS OF RUSSIAN POPULATION IN MINUSINSK DISTRICT IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
17, Lavrentiev Av., Novosibirsk, 630090, Russia,
N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local History
60, Lenin Str, Minusinsk, 662608, Russia

The traditional culture of Russian inhabitants of the Minusinsk hollow is not a deeply studied subject. It concerns mainly immigrants of the second half of the XIX - early XX centuries. The article objective is studying the architectural customs of the Upper Syda basin inhabitants.

The article is based on the field research carried out during the author's expedition organized by Minusinsk Museum of Local History in 2016, as well as the text materials kept in Minusinsk State Archive concerning the history of villages foundation, statistic data, and materials of the expedition of Minusinsk Museum of Local History headed by E.V. Leontyev in 2009.

The Russians have developed the Upper Syda river region since the mid XIX century. The major part of immigrants was from Perm-Vyatka region, it was fixed in villages' names, inhabitants' nicknames, archives data and informants' memories.

The country people of the Syda river basin had enough wood. The cribbed houses of pine-tree, cedar, silver-fur and larch were typical for them. There were four- and five-walled houses, cross-shaped houses. Huts often had saddle and hipped roofs. Gates usually had butterfly type sheds. Windows (four or five of them facing the street) were mostly big and decorated with floral and solar ornaments.

The rooms' names were traditional: izba (a hut), gornitsa (a chamber), seni (a sort of an entry, a hall), kazenka (a cabin, a log deck). A stove was usually placed on the right to the door with its mouth next to the window; the far left corner was "red" (krasny ugol).

The superstitions connected with choosing of a building place, the process of building, moving rituals are not numerous nowadays because there aren't many informants left who can tell about pre-revolutionary traditions. We can only assert that the elder generation still believe in domovoy (a bogie). Many customs were lost in Soviet times. Now the majority of informants are people born in 1920s-1940s. Hard life conditions such as collectivization, war and need to restore the economics advanced the loss of traditions promoting the survival matter.

Key words: traditional house, housebuilding, Minusinsk district, settlers.

Ульяна Владимировна Светачева – аспирант, Институт археологии и этнографии СО РАН, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартянова, e-mail: uliankalibra@yandex.ru

Uliana V. Svetacheva – graduate student, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local History

Одним из значимых аспектов традиционной культуры является жилище – объект материальной культуры, тесно связанный с духовной сферой. Это своеобразный этномаркер, изучение жилища позволяет глубже раскрыть механизмы адаптации переселенцев к новым условиям [1, с. 257]. На территории Минусинского котловина к началу XX в. сформировалось несколько групп русского населения, но их традиционная культура изучена слабо. Не в полной мере раскрыта история формирования русского населения на данной территории, его взаимоотношения с местным населением, процесс адаптации переселенцев, устойчивости и изменчивости их традиций. Более подробно освещены различные аспекты традиционной культуры старожильского населения – потомков тех, кто осваивал край в XVIII – начале XX вв., в то время как быт переселенцев во второй половине XIX – начале XX вв. изучен крайне слабо, некоторые аспекты этой темы отражены в краеведческих работах. Между тем изучение всех групп русского населения в данном регионе необходимо для получения полной картины традиционной культуры, степени ее сохранности, описания механизмов адаптации.

В данной статье сделана попытка рассмотреть жилище русского населения Минусинского округа, а именно, переселенцев второй половины XIX в., осваивавших территорию верхней Сыды. Работа основана на материалах этнографических экспедиций Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова состоявшихся в 2009 г. (обследованы Большие и Малые Кныши, Козино, Отрок, Новая Березовка, Екатериновка¹, руководитель – Е.В. Леонтьев) и 2016 г. (обследованы с. Никольское, д. Еленинск, с. Новотроицкое, д. Васильевка, д. Зезезино, д. Мензот, с. Екатериновка; кроме того, осуществлен сбор сведений об исчезнувших в настоящее время населенных пунктах – д. Силкино и д. Тоболка, руководитель – У.В. Светачева). Сведения об информантах содержатся в материалах экспедиции. Источниковая база представлена также статистическими данными (см. «Списки населенных мест...» [2; 3; 4; 5]), архивными источниками (материалы Минусинского управления земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии, освещающие процесс освоения территории и возникновения деревень. АГМ, ф. 54: Минусинское управление земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии управления земледелия и государственных имуществ).

При сборе информации в ходе экспедиции 2016 г. использовались методические разработки А.Ю. Майничевой (вопросники, методические указания). Жилище рассматривается в контексте традиций и новаций в культуре русских, значительное внимание уделяется различным этапам процесса его строительства, мате-

риалам, а также мифоритуальному комплексу, связанному с жилищем [1; 6; 7; 8].

Первоначально расселение русских шло по Енисею и его притокам – Сыда, Туба, Оя, Ерба и др. При этом подтаежные районы северо-восточной части Минусинского уезда до середины XIX в. были заселены слабо. Здесь, на территории современного Идринского района, находилась заимка Хабыцкая (Малый Хабык), где в основном проживали потомки ясачных койбалов [9, с. 104]. В середине XIX в. усилились процессы внутренней миграции. По мнению Е.В. Леонтьева, реальные размеры ее значительно превосходили официально регистрируемые в данный период. Если новоселы, ссыльнопоселенцы и крестьяне из ясачного сословия расселялись в пределах обжитой территории, то старожилы стали основной движущей силой в освоении новых пространств, расселялись в двух противоположных направлениях: западном, на левый берег Енисея, и восточном – вверх по р. Сыда, подступая к незаселенным подтаежным областям. Данная линия миграции была доминирующей [9, с. 104].

Возрастал поток переселенцев, особенно он усилился после отмены крепостного права. Переселялись, главным образом, выходцы из Вятской, Пермской, Курской, Самарской, Тамбовской и Нижегородской губерний [10, с. 34]. В 1850–1867 гг. в восточной половине уезда уже было основано 36 новых поселков – Кныши, Кужебары, Ширыштык, Кындырлык, Григорьевка, Верхний Кебеж и др. [11, с. 29]. В подтаежных верховьях р. Сыда в 1850-е гг. сразу появилось 10 новых деревень (Екатерининская, Васильевская, Никольское, Зезезина, Еленинская, Отрок, Андриха, Большая Идра, Малые Кныши и Салба), жителями которых вновь стали не старожилы, а переселенцы, на этот раз из Пермско-Вятского региона [9, с. 104].

Село Новотроицкое и д. Тоболка появились в конце 1880 – начале 1890-х гг. Первое упоминание в архивных источниках о д. Тоболка относится к 1889 г., когда крестьяне Тобольской губернии подали прошение об устройстве новой деревни между с. Никольским, д. Тайлук и Малым Хабыком. По желанию доверенного от крестьян Фарнасова деревня получила свое название (одним из ее названий в период устройства было «Киргизюль»)². Первые документы об устройстве д. Новотроицкая также относятся к 1889 г. В местности по р. Тюра самовольно поселились крестьяне – переселенцы из Новоселовской, Абаканской и Балахтинской волостей, всего 41 семья (доверенным от них числился Кирилл Темеров). На этом же месте желали поселиться также другие переселенцы: крестьяне Пермской губернии Красноуфимского уезда и Уфимской губернии (доверенным от Пермской губернии сначала числился Степан Петрович Дайтов, а затем – уже от обеих губерний – Иван Мангилев). После проведения зем-

¹ Леонтьев Е.В. Отчет о проведении историко-этнографической экспедиции по сельским населенным пунктам Идринского района // Электронный архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Минусинск, 2009.

² Архив города Минусинска (далее – АГМ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 139, л. 3–19; АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 146, л. 12.

лемерных работ было решено выделить им место на р. Туйлук. Еще одной группой переселенцев стали выходцы из Нижегородской губернии Лукьяновского уезда в количестве 30 семей (доверенный – Александр Воротников). Если переселенцы-сибиряки хотели остаться на старом месте на р. Тюра, то выходцы из Пермской, Уфимской и Нижегородской губернии заселили территорию на р. Туйлук, поселение получило название д. Троицкая³.

Пять из обследованных деревень упомянуты в «Списке населенных мест Енисейской губернии по сведениям 1859 г.»: Васильевка (Анжар), Екатерининская (Каратуз), Еленина (Туйлук), Зезезинская (Под хребтом), Никольская (Киргизуль) [2, с. 41]. Среднее число дворов составляло 39,8. Выделялась д. Екатериновка, состоявшая из 73 дворов, остальные включали от 28 до 39 дворов. Среднее число жителей – 221,4. Наибольшее число жителей в Екатериновке – 315 чел., наименьшее – в Васильевке – 140 чел.

В «Списке населенных пунктов Енисейской губернии» 1911 г. упоминаются все из указанных поселений, причем Никольское получило статус села [3, с. 346–348]. Среднее число дворов – 98,6, среднее число жителей – 698,4: за пятьдесят лет размеры поселений увеличились почти в 2 раза. Наименьшим населенным пунктом являлась д. Тоболка (61 двор и 412 жителей), а самым крупным – д. Екатериновка (141 двор, 960 жителей).

К 1929 г. согласно «Списку населенных мест Сибирского края» размеры населенных пунктов значительно увеличились: в среднем 174,75 двора и 221,4 жителя [4, с. 580–584]. Информация о д. Тоболка отсутствует, среди остальных населенных пунктов наименьшим была д. Мензот (122 дворов и 668 жителей), крупнейшим – получившая статус села Екатериновка (246 дворов, 1295 жителей).

Помимо статистических данных упомянутые «Списки...» содержат информацию и о топонимике, поскольку составители указывали все бытовавшие названия поселений: например Васильевская – Васильевка, Екатерининская – Екатерининское – Екатериновка; Еленина – Еленинская – Еленинск; Зезезинская – Зезезина – Зезезино; Тобольское – Тоболка и др. Существовали и иные названия, образованные, как правило, от названия реки, на которой стоял населенный пункт: Васильевская – Анжарь; Еленинская – Туйлук; Никольская – Киргизуль; Силкина – Тюря. Любопытно, что д. Зезезинская называлась также Под хребтом – по месту расположения. Иногда учитывался и этнический состав: д. Екатерининская именовалась также Каратуз (по названию реки) или Пермский Каратуз (с указанием происхождения переселенцев).

Этнический состав населения зафиксирован также в прозвищах жителей, бытовавших на данной территории: «пермяками» называли жителей с. Новотроицкого и Екатериновки, «вятскими» – д. Силкиной, «моксанами» – Мензота, «мордвой» – Новоберезов-

ки⁴. Сами информанты о происхождении своей семьи сообщали, что предки прибыли с «Рассеи», реже – более конкретно: с Перми, Вятки, Тамбовской губернии, а также «то ли с Вологодской, то ли с Нижегородской». Родители, как правило, родились уже в Минусинском крае, в обследованных селах называлась еще Адриха.

В конце XIX в. указанные населенные пункты входили в состав Идринской волости [5, с. 29]. К началу XX в. среди этих деревень выделяется Никольская волость. После революции и административных преобразований 1920-х гг. деревни вошли в состав Идринского района [4, с. 580–584].

Деревни, как правило, вытянуты вдоль дороги, служащей центральной улицей (уличная планировка, линейная форма), находятся вблизи рек (с. Никольское расположено возле двух рек – Хабык и Киргизюлька, д. Силкина – возле Тюри, Силки, Сыды и Еловой). В Тоболке носить воду приходилось с Киргизюльки, пробить скважины в самом селе было невозможно, что стало одной из причин переселения местных жителей.

Обследуемые поселения расположены в гористой таежной или болотистой местности [12, с. 148, 169, 172.]. Местные жители не испытывали недостатка в лесе. Строились срубные деревянные дома. Использовали обычно пихту, сосну и кедр. Нижние венцы изготавливали либо из кондовой сосны, либо из лиственницы. Под дом забивали столбы. Распространены были крестовые дома и пятистенки, а также избушки, встречались дома на подклете. Один из таких домов сохранился в д. Еленинск. Крыши крыли тесом. Крыши обычно четырехскатные у пятистенков и крестовиков, избушки были крыты по-амбарному (двускатные). Строили чаще всего сами и передавали знания детям – «раньше все умели и молодых учили», мастеров нанимали для выполнения более сложных работ, например для возведения крыши. Для строительства собирали помочи. Они собирались как на весь цикл какой-либо трудоемкой работы («сруб рубили, три дня ходили, вечер отгуляли»), так и для выполнения дневных работ. Помочи собирали по выходным. Помогали за угощение и еду («бражки наладят и выпью вечером, «тут же поштукатурили, тут же окрошку делали, поели, погуляли», «собирается вся деревня, вечером соберутся, угостят и все»).

Во второй половине XX в. дома иногда покупали в деревнях, пришедших в упадок после укрупнения колхозов. Так, дома из д. Тоболка были проданы и перевезены в с. Никольское в начале 1970-х гг. К числу таких домов относится дом одного из информантов, купленный в 1972 г. за 900 руб. (ПМА). Усадьба окружалась забором, на котором выделялись ворота: на высоких столбах над ними сооружался двускатный навес.

⁴ ПМА – здесь и далее полевые материалы автора. Этнографическая экспедиция 2016 г., Красноярский край, Идринский район, с. Никольское, Новотроицкое, Екатериновка, деревни Мензот, Зезезино, Васильевка, Еленинск. Данные об информантах находятся в материалах экспедиции.

³ АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 138, Л. 3–76.

Такие навесы в большом количестве встречаются в обследованных нами населенных пунктах.

Дом, как правило, стоял не в глубине двора, а обрзовывал одну линию с воротами, от улицы его отделял палисадник (по словам одного из информантов, он появились до войны), огороженный невысоким забором. На уличной стороне дома, как правило, находилось 4–5 окон. Украшали их наличники с растительным или солярным орнаментом.

Обычно окна избы и горницы выходят в улицу, но в с. Екатериновка, д. Мензот, д. Зезезина встречаются дома, окнами развернутые во двор, а на улицу в таком случае обращено окно горницы. Объясняют такое расположение ориентацией «к солнцу», в традиционном понимании «за ветер». Оно не встречается в старожильческих деревнях Минусинского уезда, но такое размещение жилища перпендикулярно улице характерно для северо-западной части Европейской России, Пермской и Вятской губерний [13, с. 266].

Названия комнат традиционные – изба, горница, сенки, казенка. Иногда избу называют кухней. В избе ставили глинобитную русскую печь, чаще всего она размещалась справа от входа. Красный угол (передний угол, «божничок») находился обычно по диагонали от печи, с левой стороны. В избе также устраивали полаты, где спали дети. Вдоль стен ставили лавки. Пазы между бревен изнутри обычно замазывали глиной. Стены иногда белили, окна и полы красили (охрой), но окрашенные полы встречаются реже. Скорее всего, это более позднее веяние. Внутренняя планировка избы сохранилась в одном из домов с. Екатериновка. Сам дом был построен в начале XX в. (приблизительно в 1905 г.). Сохранилась глинобитная русская печь, расположенная справа от входа устьем к окну. За ней, в углу ближе к входу, расположен голбец, сверху – полаты. Красный угол – в левом дальнем от входа углу.

В конце XX в. старые дома переделывают, обшивают вагонкой, а в последнее время – пластиком, меняют окна, снимают наличники. Глинобитные печи во второй половине XX в. были заменены на кирпичные. Чтобы расширить помещение, утепляли сени и казенку, переносили туда кухню. Для хранения продуктов использовали подполье, подвал, погреб под солонину, стены в них отделявали плитняком, берестой, деревом. Колодцы были не во всех домах, иногда один колодец приходился на несколько домов. Встречался и «журавль», и барабан на цепи. Для хозяйственных нужд могли брать воду с реки. В 1970-х гг. появился водопровод (с. Новотроицкое). Воспроизвести точный облик усадьбы не представляется возможным: какие-то элементы не сохранились, какие-то были заменены. Хозяйственные постройки к дому не примыкали, располагались за домом параллельно ему или сбоку торцов перпендикулярно к улице.

В материалах экспедиции по сельским населенным пунктам Идринского района 2009 г. содержится информация о староверах – переселенцах из Вятской губернии, которые в 1914–1918 гг. образовали ряд заимок в 10–15 км к востоку от д. Козино (ныне Идрин-

ский район). Дано описание их заимок. Каждая семья проживала отдельно (в 5–7 км друг от друга). Некоторые их заимки представляли собой крытые дворовые комплексы, где дом и крытый двор являлись строением под одной крышей, на высоком подклете. В округе вятские староверы славятся как умелые плотники и мастера по обработке дерева: «одним топором и избу срубят, и туес сделает, и ложку вырежет»⁵.

Долгое время были распространены бани по-черному с печью-каменкой. По свидетельству информантов, они сохранялись до начала XXI в. Бани по-черному встречались еще около десяти лет назад. Их ставили в огороде, подальше от дома, чтобы не было пожаров (помимо основной функции в банях также сушили коноплю). Бани по-белому появились в 1960-х гг., их ставили уже в усадьбах.

Говоря о традициях домостроения, следует отметить связанные с ними бытовавшие приметы и поверья: обряды, связанные с процессом строительства, его этапами, включая подготовительные работы (заготовка древесины, выбор места), обряды при переходе в новый дом и поверья, связанные с домовым [6, с. 53].

Обрядов, связанных с выбором места строительства, записано мало. Запрещалось строить дом на дороге, на месте, где стояли ворота; считалось, что в доме, построенном на месте ворот, будут умирать люди. Но в целом место строительства определялось практическими соображениями, например близостью к родственникам.

Под матку принято было класть монеты. Обычай класть монеты в четыре угла не получил распространения из-за тяжелого материального положения. При переходе в новый дом сначала запускали детей, часто кошку. Иногда также брали квашню: «кошку возьми и квашенку, и наладь хлеб», «сказали, кошку запусти да квашню занеси да ребенка». В старом доме принято было оставлять икону либо стол, либо табуретку «Это закон такой Божий, ты уходишь, а иконку не трогаешь, оставляешь хлеб-соль» (ПМА). Иногда оставляли и стол, и стул, и икону. Такие же представления были записаны автором от потомков украинских переселенцев во время экспедиции 2015 г. [14, с. 56], они были характерны и для многих групп русских Сибири, например Приобья. Это объяснялось особой ролью переднего угла, где традиционно ставили стол [15, с. 46].

Отмечали новоселье, «власяны», куда часто приглашали тех, кто помогал на помочах. В настоящее время получила распространение традиция освящать новый дом.

Сохранилась вера в домового. Его называли «дедушка-суседушка». Считалось, что он живет в каждом доме, но увидеть его нельзя. У русских старожилов бытовало мнение, что увидеть домового можно, о чем пишет Е.В. Прищепа в своей статье на основе полево-

⁵ Леонтьев Е.В. Материалы экспедиции по сельским населенным пунктам Идринского района 2009 г. (приложение к отчету) // Электронный архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Минусинск, 2009.

го материала, собранного в с. Идра и д. Малый Хабык (ныне того же Идринского района) [16. С. 8].

Жители верхней Сыды полагали, что домового усылать можно. Считалось, что ревет домовый не к добру. К домовому обращались, когда входили в новый дом («дедушка-суседушка, прими меня»). Его обязательно звали при переезде: «дедушка-суседушко, идем с нами, мы своей дорогой, ты своей», перевозили домового на венике. Иногда домовому также приписывали функции дворового и уход за скотом. Домовой мог не принять животное, особенно кота. Тогда домовый выживал котенка, тот становился «суслонный» и исчезал. Чтобы домовый принял кота, того в первый же день при заселении через плечо бросали в подпол со словами: «хозяин, возьми квартиранта», «дедушка-суседушко, прими мою скотину» (ПМА). До настоящего времени у старшего поколения сохранилась вера в домового.

Ряд поверий был связан с баней. В бане обитал банный, или банник. Мылись обычно по субботам, нельзя было мыться в церковные праздники и воскресенье. Бытовал запрет ходить в баню ночью: «ночью боялись ходить в бани, только на Святки ворожили». В целом баня воспринималась как опасное место, про которое говорили: «там черти сидят», что соответствует общерусским представлениям о бане (ПМА).

В настоящее время воссоздать точную картину знаний, представлений, примет, поверий, связанных с жилищем и усадьбой комплексом, не представляется возможным. Информантов, которые могли бы рассказать о дореволюционной истории, практически не осталось. Мы не имеем возможности работать с носителями традиций. Нашими информантами являются, как правило, люди 1920–1940-х годов рождения (самый ранний год рождения информантов в экспедиции 2016 г. – 1924 г.). Тяжелые условия жизни (коллективизация, война, восстановление хозяйства) выдвигали на первое место вопросы выживания. Значительный пласт информации об истории поселений, традиционной культуре оказался утерян и может быть восстановлен по воспоминаниям информантов о своих родителях, бабушках, дедушках, а ритуальная сфера – по бытовавшим в середине – второй половине XX в. приметам и поверьям. Полученные от информантов данные необходимо дополнять архивными источниками.

В домостроении переселенцев, заселивших верховья р. Сыды во второй половине XIX в., сохранились черты русской традиционной культуры, преимущественно Пермско-Вятского региона. Это проявляется в технике строительства, типах домов, в их ориентации относительно улицы, ритуальной сфере, связанной с жилищем (приметы и поверья при строительстве, вера в домового, особое отношение к бане). Для жителей исследуемого региона характерны срубные жилища – прежде всего четырехстенные избы, пятистенки, крестовики, при преобладании пятистенных домов, что типично для домостроения русских всего Минусинского края в целом. Главной отличительной чер-

той домостроения населения данного региона от домостроения старожилов Минусинского края (носителей северорусских традиций, выходцев с более северных районов Приенисейского края) является ориентация жилища относительно улицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Майничева А.Ю. Методические основы этнографических исследований объектов деревянного зодчества // Баландинские чтения: сб. ст. VII научных чтений памяти С.Н. Баландина. Новосибирск: НГАХА, Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина, 2013. № 1. С. 257–264.
2. Список населенных пунктов по сведениям 1859 г. LI: Енисейская губерния. СПб: тип. К. Вульфа, 1864. 118 с.
3. Список населенных пунктов Енисейской губернии. Красноярск: Енисейская губ. тип., 1911. 427 с.
4. Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск: СИБПОЛИГРАФТРЕСТ, 1929. Вып. 15: Миусинский округ. 952 с.
5. Волости и населенные места 1893 г. ЦСК МВД, СПб, 1895. Вып. 10 и 11: Тобольская и Енисейская губерния. 52 с.
6. Майничева А.Ю. Методика полевого этнографического исследования жилища русских в Сибири: проблемы выявления традиций и новаций // Баландинские чтения. Новосибирск, 2016. Вып. 1, т. 11, № 1. С. 52–55.
7. Майничева А.Ю. Зодчество как предмет исследования этнографии: методология и методика работы // Этнография Алтая и сопредельных территорий материалы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2005. С. 244–248.
8. Майничева А.Ю. Программы этнографического обследования недвижимых объектов культурного наследия // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. С. 130–133.
9. Леонтьев Е.В. Переселения крестьян юга Енисейской губернии по материалам податной ревизии 1850 г. // Мартыновские краеведческие чтения. Минусинск, 2010. Вып. 6. С. 100–105.
10. Верник А. А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX – начало XX в.) Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2005. 228 с.
11. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный календарь на 1904 год. Томск: Изд-во Ф.П. Романова, 1904. С. 3–61.
12. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск, 1916. 243 с.
13. Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. 828 с.
14. Светачева У.В. Традиция домостроения южнорусских переселенцев (экспедиция Минусинского музея им. Н.М. Мартынова) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 2. С. 54–57.
15. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 144 с.
16. Прищепа, Е.В. Представления о домашнем духе русских старожилов Хакасско-Минусинского края // Вестник Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2002. Сер. 3: История. Право. Вып. 2. С. 8–10.

REFERENCES

1. Mainicheva A.Yu. Methodical bases of ethnographic research of wooden architectural objects. *Balandinskije chteniya: sbornik statey VII nauchnikh chteniy pamyati S.N. Balandina*. Novosibirsk, 2013, pp. 257–263. (In Russ.).
2. List of settlements by the data of 1859. LI. Yeniseysk province. Saint Petersburg, tipografia Karla Vulfa, 1864, 118 p. (In Russ.).
3. List of settlements of the Yeniseysk province. Krasnoyarsk, Eniseiskaya gubernskaya tipografiya, 1911, 427 p. (In Russ.).

4. List of settlements of the Siberian region. Novosibirsk, SIBPOLIGRAFTREST, 1929, vol. 15: Districts of the East-Siberian province, 952 p. (In Russ.).
5. Regions and settlements, 1893. Saint Petersburg, 1895, vol. 10 and 11: Tobolsk and Yenisei provinces, 52 p. (In Russ.).
6. Mainicheva A. Methods of field ethnographic research of Russian dwellings in Siberia: problems of revealing traditions and innovations. *Balandinskie chteniya*. Novosibirsk, 2016, no 1, pp. 52–55. (In Russ.).
7. Mainicheva A. Architecture as a subject of research of ethnography: methodology and methods of work. *Etnografiya Altaya i sopredelnykh territoriy: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Barnaul, 2005, pp. 244–248. (In Russ.).
8. Mainicheva A. Programms of ethnographic survey of immovable cultural heritage. *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priobie i na Altae*. 2009 g. *Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya*. Barnaul, 2009, pp. 130–133. (In Russ.).
9. Leontiev E.V. Small farmers migrations from southern Yeniseysk province on the materials of tax inspection of 1850. *Martyanovskie chteniya* (2008–2009). Minusinsk, 2010, iss. 6, pp. 100–105. (In Russ.).
10. Vernick A.A. Traditional culture of Russian old residents of Khakass-Minusinsk region (the second half of the XIX – early XX centuries). Krasnoyarsk, Sib. yurid. in-t MVD Rossii, 2005, 228 p. (In Russ.).
11. Adrianov A.V. Essays of Minusinsk district. *Sibirskiy torgovo-promyshlennyy calendar na 1904 god*. Tomsk, Izd-vo P.F. Romanova, 1904, pp. 3–61. (In Russ.).
- 12 The brief description of congregation of Yeniseysk archdiocese. Krasnoyarsk, 1916, 243 p. (In Russ.).
13. The Russians. Eds.: V.A. Aleksandrov, I.V. Vlasova, N.S. Polishchuk. Moscow, Nauka, 1999, 828 p. (In Russ.).
14. Svetacheva U.V. South Russian traditions of house construction (on results of the Martyanov Museum expedition). *Gumanitarnie nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no. 2, pp. 54–57. (In Russ.).
15. Mainicheva A. Architectural traditions of the peasantry living in the northern part of the Upper Ob' region: problems of evolution and contacts. Novosibirsk, Izd-vo in-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2002, 144 p. (In Russ.).
16. Prishchepa E.V. The concept of the spirit of the Russian old-believers of Khakass-Minusinsk region. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova. Ser. 3. Istoriya, Pravo*. 2002, no. 2, pp. 8–10. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 03.04.2017

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.15372/HSS20170215

УДК: 94:621.311.1(571.6)

А.В. МАКЛЮКОВ

РОЛЬ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ В МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
РФ, 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89
Дальневосточный федеральный университет,
РФ, 690091, г. Владивосток, ул. Суханова, 8

В статье рассматривается процесс электрификации промышленных предприятий Дальнего Востока в дореволюционный период (конец XIX – начало XX в.). На рубеже XIX–XX вв в России началась глубокая техническая перестройка в промышленном производстве. В хозяйстве российских предприятий появились различные электротехнические машины, которые стали освобождать рабочих от выполнения тяжелых и трудоемких операций. В 1908–1917 гг. происходило быстрое техническое переоснащение казенных и частных заводов Дальнего Востока, регион активно включался в российскую модернизацию. Сделан вывод, что электрификация способствовала росту энерговооруженности труда, повышению его эффективности, являлась важным фактором модернизации промышленности Дальнего Востока в начале XX в. Отмечено, что развитие промышленности происходило здесь в условиях слабой заселенности, нехватки рабочих рук, поэтому осуществлялось медленнее, чем в центре страны.

Ключевые слова: Дальний Восток, модернизация, промышленность, электроэнергетика, электрификация, производство.

A.V. MAKLYUKOV

THE ROLE OF ELECTRIFICATION IN MODERNIZATION OF INDUSTRY OF THE RUSSIAN FAR EAST IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Peoples,
89, Pushkinskaya Str., Vladivostok, 690001, Russia
Far Eastern Federal University,
8, Sukhanov str., Vladivostok, 690091, Russia

The article considers the process of industrial enterprises electrification in the Far East in the pre-revolutionary period (late XIX – early XX centuries). The research relevance is conditioned by the need to comprehend the historical experience of Russian modernization, the Far East place and role in this process. The most important component of modernizing the industry of the Russian Far East in the late XIX – early XX centuries was electrification, i.e. introducing into production of electric energy, various mechanisms and machines operating on its basis. The study of this problem makes it possible to trace the influence of new production technologies on the transformation of the country's economy main sectors in the late XIX – early XX centuries, and to reveal specific features of this process at the regional level. At the turn of the XIX–XX centuries Russia began a profound

Алексей Владимирович Маклюков – канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доцент, Дальневосточный федеральный университет, e-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Aleksey V. Maklyukov – Candidate of Historical Sciences, junior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far Eastern Peoples, assistant professor, Far Eastern Federal University

technical reorganization in industrial production. Russian enterprises obtained various electro-technical machines that began to free workers from carrying out heavy and labor-intensive operations. In 1908–1917 the rapid technical improvement of the public and private factories of the Far East began. Electrification became the most important technological basis for industrial modernization. In such industries as gold and coal mining the transition to electric power allowed increasing production volumes significantly. Technical reorganization of enterprises in metalworking, agricultural processing, food, polymer and other industries led to the growth of the power-to-weight ratio of labor and increased its efficiency. But at the same time, the most remote region of Russia lagged behind the overall indicators of the country on the degree of electrification. The industry development occurred here under conditions of a low population density, a shortage of labor forces, and therefore it was carried out more slowly than in the center of the country. The most successful electrification took place at strategically important state enterprises, which reflected the state policy of the region development and its transformation into an outpost of Russia in the Pacific Ocean.

Key words: Russian Far East, modernization, industry, electrical power engineering, electrification, production.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта российской модернизации, места и роли Дальнего Востока страны в этом процессе. Важнейшей составляющей модернизации промышленности дальневосточной части России в конце XIX – начале XX вв. являлась электрификация – происходило внедрение в производство электрической энергии, различных механизмов и машин, работающих на ее основе. Изучение данной проблемы позволит проследить влияние новых производственных технологий на трансформацию основных отраслей экономики страны в конце XIX – начале XX в., рассмотреть особенности этого процесса на региональном уровне.

К изучению исторического опыта электрификации промышленности Дальнего Востока впервые обратились экономисты. В статье М.И. Целищева [1] содержатся статистические данные о потреблении электроэнергии народным хозяйством края на начало 1920-х гг. В монографии академика М.А. Виленского [2], посвященной технико-экономическим проблемам энергетики, приводятся сведения об уровне электрификации региональной промышленности, достигнутом к 1917 г. В публикациях П.В. Тарасова [3] и М.З. Турбина [4] отражено создание на Дальнем Востоке в начале XX в. промышленных электростанций. В 1973 г. в свет вышла монография академика В.В. Алексеева [5], посвященная истории электрификации Сибири. В этой фундаментальной работе впервые проанализированы особенности процесса электрификации промышленности на востоке России в начале XX вв. В постсоветский период вопросы промышленного развития Дальнего Востока стали предметом специальных исследований. Б.Н. Морозов [6; 7] изучил развитие добывающих и обрабатывающих отраслей региона, уделит внимание технической оснащенности золотодобывающей промышленности, показал роль электрических драг в добыче золота. В работах Л.И. Галлямовой [8; 9], посвященных формированию региональной промышленности и рабочего класса, показано, в каких отраслях применялась электротехника, какую роль электромашины сыграли в развитии производительности труда в обрабатывающем производстве. Однако проблема электрификации промышленности Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. не вышла из стадии накопления фактического материала и нуждается в расширении проблематики и специальной проработке отдельных вопросов.

В данной статье автор рассматривает роль электрификации в модернизации фабрично-заводской и мелкой промышленности дальневосточной части России в дореволюционный период, анализирует региональную специфику процесса технической перестройки предприятий, раскрывает значение использования электрической техники и машин в различных видах производства в начале XX в.

Проведенное исследование базируется на принципах историзма и междисциплинарности. Первый позволил рассмотреть процесс электрификации промышленности региона с конца XIX в. до 1917 г. в соответствии с конкретно-исторической ситуацией, с учетом причинно-следственных связей. Второй принцип сыграл решающую роль в освещении проблем, непосредственно не связанных с исторической направленностью работы, например, при анализе электротехнических, экономических и других аспектов. С помощью историко-сравнительного метода выявлены закономерности, тенденции и отличительные черты электрификации производства на Дальнем Востоке в рассматриваемый период.

В конце XIX – начале XX в. с модернизацией российской экономики наметилось ускорение развития электроэнергетики как важнейшей составляющей промышленного производства. В хозяйстве заводов и фабрик страны появились различные электротехнические механизмы и машины, которые стали освобождать рабочих от выполнения некоторых тяжелых, трудоемких и утомительных операций. В 1890 г. на Пермском пушечном заводе в Мотовилихе была построена первая в России заводская электростанция. В Сибири промышленный ток появился в 1892 г. на Зырянском руднике, где была пущена станция мощностью 150 кВт. Первоначально электричество использовалось для освещения, а затем – для работы электрических насосов, лебедок и дробилок [5, с. 19; 10, с. 222].

Уникальные и разнообразные природные богатства Дальнего Востока России способствовали появлению в конце XIX – начале XX вв. различных видов производств. Ведущее место в экономике региона заняли добывающие отрасли – золотодобывающая и горнодобывающая. В обрабатывающей промышленности успешно развивалась переработка сельскохозяйственной продукции, обработка металлов, сырья и лесных материалов, производство строительных материалов. Наиболее крупные предприятия, обслуживавшие

чаще всего запросы армии, флота, крепостного строительства и транспорта, принадлежали государству. Частный капитал развивал золотодобывающую, горнодобывающую, лесную, рыбную, пищевую отрасли, а также сферу торговли. Такая сегментация между государственным и частым капиталом и доминирование в целом казенной промышленности составляли важнейшие особенности промышленного развития региона.

В 1890-е гг. на Дальнем Востоке появляются первые предприятия фабричного типа, началось техническое перевооружение местной промышленности. Одна из первых технически совершенных паровых мельниц была построена компанией О.В. Линдгольма в 1879 г. в Приморской области. Предприятие впервые в регионе стало использовать электрическую энергию. В начале 1890-х гг. заработала динамо-машина от локомотива мощностью 75 л.с., которая вырабатывала ток для освещения производственных помещений [9, с. 26].

В конце XIX в. ведущее место в системе народного хозяйства Дальнего Востока принадлежало золотопромышленности, где впервые было положено начало промышленному использованию электроэнергии. В 1897 г. на одном из приисков на р. Уруши (верховье Амура) в России был впервые применен дражный способ обработки с использованием электродвигателей [8, с. 67].

Первым крупным металлообрабатывающим предприятием Дальнего Востока стали судоремонтные мастерские Владивостокского военного порта, начавшие работу с конца 1860-х гг. и преобразованные в 1872 г. в завод. В 1900 г. началась модернизация предприятия, развернулось строительство первой в регионе заводской центральной электростанции мощностью 300 кВт. Генерирующее оборудование было заказано у германской фирмы «Всеобщая компания электричества» ВКЭ. В ноябре 1904 г. станция была введена в эксплуатацию¹. В заводских цехах предприятия были установлены первые десять электродвигателей фирм ВКЭ и Union, на которых работали токарные, сверлильные и точильные станки².

Процесс электрификации промышленных объектов на Дальнем Востоке приостановила Русско-японская война 1904–1905 гг. В годы предвоенного экономического подъема (1908–1913 гг.) началось общее усиление технической оснащенности частных и казенных заводов. Значительную роль в электрификации местной промышленности сыграли немецкие фирмы ВКЭ и Сименс и Гальске. В 1908 г. сеть их филиалов достигла Владивостока. Практически вся электротехника – от электродвигателей до генерирующих машин – в регион доставлялась этими двумя лидерами энергетического рынка³.

В предвоенные годы на Дальнем Востоке быстро развивались добывающие отрасли промышленности, которые давали 60 % всей валовой продукции края. На первом месте стояла золотодобывающая отрасль, куда началось проникновение иностранного капитала из Германии, США, Англии и других стран. Вместе с приходом новых владельцев, вложивших немалые средства в освоение новых месторождений, стала завозиться современная электрическая техника. Так, электричество широко использовалось на Покровском прииске (нижний Амур), который принадлежал американской фирме «Orsk Goldfield Ltd». В 1911 г. здесь была построена электростанция мощностью 300 кВт и установлена американская драга «New York Engineering Co». В 1912–1915 г. по две драги имели компании – Амгунская золотодобывающая К°, Охотская золотодобывающая К°, по одной драге – Ново-Удильское золотодобывающее товарищество и Орская золотодобывающая К°. Всего в крае действовало десять электрических драг. На Дальнем Востоке драгами добывалось золота больше по сравнению с Уралом в 2 раза, Западной Сибирью – в 6–7 раз [6, с. 31–32].

Значительную роль в экономике Дальнего Востока занимала добыча угля. В Приморской области работало 23 угольных предприятия, из них наиболее крупными были Сучанские казенные копи и частные Зыбунные копи Л.Ш. Скидельского. По своей технической оснащенности Сучанские копи были лучшими в регионе. Они давали половину добываемого в крае угля. Шахты обслуживали четыре электростанции общей мощностью 560 кВт, построенные в 1904–1913 гг. Восемь динамо-машин обеспечивали работу 25 электрических моторов. Электричество применялось для насосов и откачки воды, вентиляции подземных выработок, подъемных машин, лебедок. В 1913 г. для повышения качества угольной продукции на предприятии запустили обогательную фабрику, где весь цикл производства – от подачи сырья до получения готовой продукции – был электрифицирован. Электродвигатели приводили в движение пять элеваторов, два грохота, общую конвейерную ленту, 22 вагонетки и насосы для подачи воды. В хозяйстве Сучанских копей на электроэнергии работало оборудование механических мастерских с литейным, кузнечным, слесарным и столярным отделениями. Мастерскую обслуживало восемь моторов общей мощностью 38 кВт. Кроме того, предприятию принадлежала 36-километровая узкоколейная углевозная железная дорога Сучан–Кангауз, где функционировали четыре динамо-машины общей мощностью 75 кВт. Они вырабатывали ток для мастерских, лесопилки и осветительной сети протяженностью 16,5 км на горном участке дороги⁴.

На частных угледобывающих предприятиях Дальнего Востока также электрическая энергия нашла применение в производстве. Только в одном Уссурийском горном округе к 1914 г. на частных шахтах работали

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 28. Оп. 1. Д. 223. Л. 250.

² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 39. Л. 66–93.

³ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 570. Л. 199.

⁴ Там же. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 105. Л. 122, 298, 322, 332, 362, 371, 373, 387.

четыре динамо-машины общей мощностью 67 кВт и семь электромоторов⁵.

В обрабатывающей промышленности активно развивались отрасли по переработке природных и сельскохозяйственных продуктов, ведущими отраслями оставались мукомольное и винокуренное производство, которое не испытывало сильной конкуренции со стороны фабрично-заводской промышленности центральных районов России. В хозяйстве предприятий стали применяться более мощные электроустановки для моторов. Так, акционерное общество «Русское мукомольное товарищество» построило в 1909 г. во Владивостоке мельницу, в которой работали две динамо-машины и девять электромоторов⁶. Товарищество Иннокентьевского винокуренного завода в г. Благовещенске в 1916 г. имело динамо-машину и шесть моторов, применявшихся для работы токарного и сверлильного станков, элеватора и трех насосов⁷.

Особенно быстро развивалась деревообрабатывающая отрасль, что было связано с крупномасштабным казенным строительством Амурской железной дороги, второй колеи Уссурийской железной дороги, крепостных сооружений во Владивостоке и других объектов. К 1914 г. в регионе действовало 56 деревообрабатывающих предприятий, снабженных паровыми двигателями, динамо-машинами и электрическими моторами, совокупной мощностью 2600 л.с. На самых крупных заводах – Л.Ш. Скидельского на ст. Бикин, ст. Евгеньевка, ст. Океанская, мысе Чуркин – использовалось различное электрооборудование. Так, на предприятии на ст. Бикин с 1908 г. работали динамо и два электродвигателя 22,8 и 10 кВт. Они обслуживали драночный, кромоочный и обрезной станки⁸. На лесопилке Белкина во Владивостоке в 1910 г. пять моторов общей мощностью 22 кВт обеспечивали работу пилорамы, ленточной пилы и точильного станка⁹.

Техническая перестройка коснулась также предприятий, производивших строительные материалы. В 1907–1908 гг. предприниматели М.И. Ратомский и А.Х. Тетюков, создав товарищество «Приморский портландцемент», построили цементный завод недалеко от ст. Евгеньевка. В 1910 г. на нем начала работать электростанция мощностью 100 кВт¹⁰. Среди предприятий силикатной промышленности Дальнего Востока по производству стекла в начале XX в. крупнейшим был Уссурийский стекольный завод торгового дома «М. Пьянков и братья». В 1913 г. завод оснастили динамо-машиной на 30 кВт, осветительными приборами и пятью электродвигателями. Последние использовались для работы резного, токарного и сверлильного станков. Новейшая электротехника позволила в 3 раза поднять производительность труда на предприятии¹¹.

Передовыми в применении электрической энергии в регионе были предприятия, принадлежавшие немецкому торговому дому «Кунст и Альберс». В 1907 г. во Владивостоке фирма запустила первый в крае электрический завод красок, тем самым положив начало становления полимерной промышленности. Фирме принадлежала также механическая мастерская. На этих предприятиях использовалось 13 электродвигателей и 25 станков (21 токарный, 3 сверлильных и 1 точильный), все их обслуживала электростанция мощностью 180 кВт¹².

В дальневосточных городах в 1908–1913 гг. появилось множество небольших металлообрабатывающих предприятий, которые не имели собственных генерирующих источников и получали электроэнергию централизованно от городских станций. Так, на 1 июня 1914 г. на учете Владивостокской городской электросети находилось 60 электрических моторов предпринимателей. Например, механический и литейный завод А. Воронина в бухте Федорова для ремонта лодок использовал два электромотора на 7,3 и 2 кВт¹³.

В начале XX в. на Дальнем Востоке получила развитие пищевая промышленность, которая была представлена многочисленными частными предприятиями. Электричество стало использоваться в производстве сладких напитков, макаронных изделий, колбас, шоколада и конфет. Искусственно-минеральными водами и фруктовыми квасами славился г. Благовещенск, где работали два крупных предприятия по их производству. Электромоторы мощностью по 0,7–2 кВт осуществляли закачку воды в резервуары, где готовились напитки. Например, в колбасном заведении Благовещенска один мотор приводил в движение конвейер в мясном цехе¹⁴. В 1907 г. во Владивостоке появился пивоваренный завод «Ливония», использовавший динамо для электронасосов. Но известен больше был Владивосток своими шоколадными конфетами. На фабрике И.П. Ткаченко в 1906 г. было установлено три мотора общей мощностью 17 кВт для конвейера, замесителей, двух станков и одного пресса. На кондитерской фабрике «Венская» один мотор на 3 кВт применялся для вальцовки, меланжера и чистки какао¹⁵. Известное в России акционерное общество «Русское мукомольное товарищество» построило в 1915 г. во Владивостоке крупнейшую в регионе макаронную фабрику, полностью работавшую на электроэнергии. С помощью электрического привода происходила подача воды, замес теста, его сортировка и производство различных видов макаронных изделий и лапши¹⁶.

На предприятиях легкой промышленности электрооборудование начинают применять позже, чем в других отраслях. В 1911 г. в интендантской военномобундировочной мастерской во Владивостоке были

⁵ РГИА ДВ. Ф. 133. Оп. 1. Л. 220. Л. 2-об

⁶ Там же. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 275.

⁷ Там же. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 1. Л. 49; 66.

⁸ Там же. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 28. Л. 104.

⁹ Там же. Д. 27. Л. 113.

¹⁰ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 139. Л. 173.

¹¹ Там же. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 157.

¹² Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

¹³ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 15. Л. 171.

¹⁴ Там же. Ф. 1433. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 5, 7.

¹⁵ Там же. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 233, 515.

¹⁶ Там же. Л. 271.

установлены 48 новых швейных машин для изготовления и пошива форменной одежды и обуви. Они работали на многомоторном приводе от двух электродвигателей 0,7 и 1,4 кВт¹⁷.

Только в обрабатывающей промышленности Дальнего Востока в 1902–1913 гг. мощность паровых, электрических машин и электродвигателей увеличилась в 8,6 раза, а в расчете на одного рабочего энерговооруженность возросла с 0,35 до 1,14 л.с. Это было ниже среднего показателя по всей промышленности России, но несколько превышало средний уровень по Сибири. Быстрое распространение динамо-машин и электродвигателей в период с 1908 по 1913 г. привело к тому, что даже на многих мелких предприятиях Дальнего Востока использовались моторы. По этому поводу старший фабричный инспектор Приморской области Якимов писал в своем отчете: «подчиненные надзору заведения оборудованы в большинстве электродвигателями, так как не только в городах, но даже в селах имеются электростанции» [7, с. 51].

Первая мировая война 1914–1918 гг. сильно ударила по энергетическому хозяйству России. Отсутствие отечественных специализированных заводов энергетического машиностроения и полная зависимость электроэнергетики от импорта, в первую очередь от германского, сказались на развитии отрасли уже в первые военные годы. По всей стране произошел резкий скачок цен на иностранное электрическое оборудование и технические материалы. Это в значительной степени затормозило дальнейшую электрификацию российской промышленности, многие заводы и фабрики остановились на достигнутом предвоенном уровне электрического хозяйства.

В военные годы электрификация производства затронула в основном казенные предприятия оборонного значения. На механическом заводе Владивостокского военного порта в 1911–1912 гг. были установлены новые поршневые машины по 200 кВт и турбина ВКЭ 640 кВт. Общая мощность всех агрегатов составляла 1340 кВт, что позволило продолжить электрификацию предприятия в широких масштабах. К 1917 г. в механическом цеху работало 118 электромоторов, в железно-котельном – 37, литейном – 17, модельном – 3, механической лаборатории – 1, всего – 176 моторов различной мощности фирмы ВКЭ. В самом крупном механическом цехе на электрическом приводе действовали сверлильные, точильные, токарные, наждачные станки и другое оборудование. Обслуживал завод и мостовой электрический кран на трех мощных двигателях грузоподъемностью 25 т. Для откачки воды в доке предприятия использовалось несколько электронасосов. Механические мастерские военного порта по количеству электрических моторов и степени внедрения электрической техники в основное производство стояли на первом месте на востоке России¹⁸.

Государство также развивало транспортные предприятия, имевшие стратегическое значение. Осенью 1914 г. Министерство путей сообщения приступило к строительству во Владивостоке временных вагоно-сборочных мастерских. В конце 1914 г. – начале 1915 г. на предприятии построили и запустили центральную электростанцию мощностью 275 кВт [11, с. 191]. Вырабатываемая ею электроэнергия расходовалась на работу оборудования – станков по обработке металла, мостовых кранов, подъемников, перфораторов, центробежных насосов, вентиляторов и другой техники. Благодаря электрификации предприятия было собрано 13,1 тыс. вагонов, на которых вывезли значительную часть военных грузов поступающих в порт Владивосток от союзников – США и Японии¹⁹.

В апреле 1916 г. электротехнический отдел Центрального военно-промышленного комитета г. Петрограда обратился во все ведомства страны с рекомендацией поддерживать работу электростанций, обеспечивающих энергией военные учреждения и предприятия, работающие на оборону²⁰. Военное время потребовало открытия новых видов производств, необходимых для обеспечения как солдат на фронте, так госпитализированных раненых. Несмотря на отдаленность Дальнего Востока от театра военных действий, здесь в 1916 г. во Владивостоке открылся первый Уссурийский химический завод Левитского, выпускавший химико-фармацевтические препараты и лекарства. На заводе использовался электромотор 7,3 кВт для работы насоса и дробилки. Кроме того, в производстве применялся электрический ток для электролиза дистилляторов, вырабатываемый собственной динамо-машиной. В годы войны открывались многочисленные табачные предприятия по производству папирос, оборудование которых работало на электродвигателях. На Приморской табачной фабрике в г. Владивостоке для производства папирос работали два мотора мощностью 2,9 и 5 кВт²¹.

Несмотря на относительно быстрое внедрение электрических машин и техники в производство, уровень электрификации промышленности Дальнего Востока к 1917 г. отставал от общероссийских показателей. Лишь 60 % энергетических мощностей использовалось для электромоторов, тогда как по стране этот показатель составлял уже 75–88 % [2, с. 146]. Значительная часть производимой электроэнергии (40 %), в основном на частных предприятиях, расходовалась на освещение помещений. Только на механическом заводе военного порта машины потребляли 86 %²².

Электрификация производственных процессов в начале XX в. на Дальнем Востоке затронула в первую очередь ведущие государственные предприятия по су-

¹⁹ Там же. Ф. 702. Оп. 2. Д. 880. Л. 6.

²⁰ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 184.

²¹ Там же. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 319.

²² Там же. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 11. Л. 86–93.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 27. Л. 190.

¹⁸ Там же. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 11. Л. 86–93.

Т а б л и ц а 1

Энергетические установки и электрооборудование государственных предприятий Дальнего Востока к 1917 г.

	Предприятие	Год начала эксплуатации эл. станции	Мощность к 1917 г., кВт	Кол-во эл. моторов	Кол-во рабочих на эл. станции	Ведомство
1	Хабаровский арсенал	1902	400	—	—	Военное министерство
2	Уссурийские железнодорожные мастерские	1903	125	—	—	Министерство путей сообщения
3	Механический завод военного порта Владивосток	1904	1340	176	49	Морское министерство
4	Сучанские казенные копи	1904	560	25	15	Министерство государственных имуществ
5	Вагоно-сборочные мастерские	1914	275	—	6	Министерство путей сообщения
6	Инженерное депо ст. Никольск-Уссурийск	1915	84	7	—	Министерство путей сообщения

Подсчитано по: РГИА ДВ. Ф. Р-410. Оп. 1. Д. 11. Л. 86–93; Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 28. Л. 32; Д. 27. Л. 157, Л. 467; Ф. Р-90 Оп. 1. Д. 105. Л. 306–307; ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 39. Л. 66–93; Ф. 498. Оп. 1. Д. 2. Л. 36; Российский архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 937. Оп. 1. Д. 4. Л. 10; Ф. 1151. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

Т а б л и ц а 2

Энергетические установки и электрооборудование частных предприятий Дальнего Востока к 1917 г.

	Предприятие	Год начала эксплуатации эл. станции	Мощность к 1917 г., кВт	Кол-во эл. моторов	Кол-во рабочих на эл. станции	Владелец предприятия
1	Мастерские и завод красок т/д Кунст и Альберс	1893	180	13	8	Торговый дом «Кунст и Альберс»
2	Лесопильный завод ст. Бикин	1908	30	2	1	Л.Ш. Скидельский
3	Павлиновский винокуренный завод	1909	90	—	—	«М. Пьянков и братья»
4	Спасский цементный завод	1910	100	—	7	А.Х Тетюков, М.И. Ратомский
5	Покровский прииск	1911	300	—	17	«Orsk Goldfield Ltd»
6	Уссурийский стекольный завод	1913	30	5	—	«М. Пьянков и братья»
7	Зыбунные угольные копи	1913	90	2	—	Л.Ш. Скидельский

Подсчитано по: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 823. Л. 2; Ф. 52. Оп. 1. Д. 11. Л. 22; Ф. 133. Оп. 1. Д. 139. Л. 173; Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 28. Л. 32; ГАПК. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 39. Л. 66–93; Ф. 498. Оп. 1. Д. 2. Л. 36; ГАХК. Ф. 937. Оп. 1. Д. 4. Л. 10; Ф. 1151. Оп. 1. Д. 22. Л. 8.

дoremонту, добыче угля, обработке металлов, ремонту стрелкового вооружения, сборке техники, производству частей для механизмов и машин (см. табл. № 1). По производительности труда и использованию электротехники в производстве такие предприятия, как механический завод военного порта и Сучанские копи к 1917 г. перешагнули даже общероссийские показатели [12, с. 121].

На частных промышленных предприятиях, особенно находившихся на стадии перехода от мануфактуры к фабрично-заводскому производству, электрификация слабо затронула производство, за исключением золотодобывающей отрасли. Электрическая техника использовалась в основном для освещения и вспомо-

гательных процессов, хотя некоторые предприятия, например завод красок «Кунст и Альберс», уже переходили на электропривод (табл. 2).

На Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. крупная частная промышленность не сложилась. Передовые начинания по применению электроэнергии в производстве еще распространялись слабо. Покупка дорогого электрического оборудования, которое доставлялось из Германии, требовала крупных капиталовложений, которыми не располагала местная буржуазия. Поэтому только казенные предприятия или иностранные компании могли позволить себе строительство более мощных станций и покупку дорогих электромашин.

Таким образом, электрификация стала важнейшей технологической основой модернизации промышленности Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. В таких отраслях, как золотодобывающая и угледобывающая, переход на электрическую энергию позволил значительно увеличить объемы производства. Техническая перестройка предприятий металлообрабатывающей, сельхозперерабатывающей, пищевой, полимерной и других отраслей промышленности привела к росту энерговооруженности труда и повышению его эффективности. Но в то же время самый отдаленный регион России по уровню электрификации отставал от общих показателей по стране. Развитие промышленности происходило здесь в условиях слабой заселенности, нехватки рабочих рук, поэтому осуществлялось медленнее, чем в центре страны. Несмотря на это, электрификация сыграла важную роль в модернизации фабрично-заводской и мелкой промышленности Дальнего Востока. Успешнее всего электрификация осуществлялась на стратегически важных казенных предприятиях, что отражало государственную политику по развитию региона и превращению его в форпост России на Тихом океане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Целищев М.И. К вопросу об электрификации Дальнего Востока // *Экономическая жизнь Дальнего Востока*. 1924. № 7, С. 3–16.
2. Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М., АН СССР, 1954. 159 с.
3. Тарасов П.В. О начальном этапе развития электроэнергетики Приморья // *Вопросы экономики Дальнего Востока*. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1960. Т. 2, С. 75–84.
4. Турбин М.З. История развития экономики энергетики Дальнего Востока // *Сборник трудов Хабаровского политехнического института*. Хабаровск, 1966. Вып. 3. С. 103–110.
5. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск, «Наука», 1973. Ч. 1 (1885–1950). 284 с.
6. Морозов Б.Н. Развитие сельского хозяйства, промышленности и промыслов на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 1997. 62 с.
7. Морозов Б.Н. История развития горнодобывающей промышленности Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 1994. 208 с.
8. Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2000. 309 с.
9. Галлямова Л.И. Промышленное освоение юга Дальнего Востока во второй половине XIX в. // *Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма: сб. ст.* Владивосток: ДВО АН СССР, 1989. С. 23–36.
10. Соловьева А.М. Промышленная революция в России в XIX в. М., Наука, 1990. 272 с.
11. Дальневосточная магистраль России. Хабаровск, 1997. 352 с.
12. Маклюков А.В. Начальный этап электрификации промышленности Дальнего Востока (конец XIX – первая четверть XX вв.) // *Россия и АТР*. 2016. № 1. С. 116–128.

REFERENCES

1. Tselishhev M.I. On the question of the Far East electrification. *Ekonomicheskaya zhizn' Dal'nego Vostoka*. 1924, no. 7, pp. 3–16. (In Russ.).
2. Vilenskiy M.A. Problems of the electric power industry development in the Far East. Moscow, AN SSSR, 1954, 159 p. (In Russ.).
3. Tarasov P.V. On the initial stage of the electric power industry development in Primorie. *Voprosy ekonomiki Dal'nego Vostoka*. Blagoveshensk: Amurskoe kn. izd-vo, 1960, vol. 2, pp. 75–84. (In Russ.).
4. Turbin M.Z. The history of the Far East energy development. *Sbornik trudov Khabarovskogo politehnicheskogo instituta*. Khabarovsk, 1966, iss. 3, pp. 103–110. (In Russ.).
5. Alekseev V.V. Electrification of Siberia. Historical research. Pt. 1. (1885–1950). Novosibirsk: Nauka, 1973, 284 p. (In Russ.).
6. Morozov B.N. Agricultural, industrial and trade development in the Far East of Russia at the end of the XIX – early XX centuries: dissertation theses. Nizhny Novgorod, 1997, 62 p. (In Russ.).
7. Morozov B.N. History of the mining industry development at the Far East in the late XIX - early XX centuries. Nizhny Novgorod, UNN named after N.I. Lobachevsky, 1994, 208 p. (In Russ.).
8. Gallyamova L.I. Far East workers in the second half of XIX – early XX centuries. Vladivostok: Dal'nauka, 2000, 309 p. (In Russ.).
9. Gallyamova L.I. Industrial development of the southern Far East in the second half of the XIX century. *Khozyaistvennoe osvoenie russkogo Dal'nego Vostoka v epokhu kapitalizma*. Vladivostok, DVO AN SSSR, 1989, pp. 23–36. (In Russ.).
10. Solovyova A.M. The industrial revolution in Russia in the XIX century. Moscow, Nauka, 1990, 272 p. (In Russ.).
11. Russian Far East Railway. Khabarovsk, 1997, 352 p. (In Russ.).
12. Maklyukov A.V. The initial phase of the industry electrification in the Far East (late XIX – the first quarter of the XX centuries). *Rossiya i ATR*. 2016, no. 1, pp. 116–128. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 16.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170216
УДК 94(47)"1932/33"

В.А. ИЛЬИНЫХ

АГРОТЕХНИКА СИБИРСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ДИСКУРСЕ 1932–1933 гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье предпринята реконструкция дискурса 1932–1933 гг. по вопросам выбора оптимальной агротехники земледелия в Западно-Сибирском крае. Забвение агротехнологических основ земледелия в период форсированной коллективизации привело к падению плодородия почв. В связи с этим руководство страны в сентябре 1932 г. указало на необходимость внедрения оптимальных приемов агротехники. Научно-исследовательские учреждения региона разработали комплекс агротехнических мероприятий, которые должны были способствовать повышению урожайности. В начале 1933 г. ряд их установок признали «вредительскими», а хозяйственно-политическая кампания по внедрению в колхозах и совхозах агротехники трансформировалась в политико-идеологическую кампанию по борьбе с «вредительством» на аграрном фронте.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, земледелие, агрономия, агротехника, борьба с «вредительством», Сибирь.

V.A. ILYINYKH

AGRICULTURAL TECHNOLOGY OF SIBERIAN FARMING IN THE DISCOURSE OF 1932–1933

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The paper reconstructs the content and specifics of the discourse of 1932–1933 on the problem of choosing the preferable farming techniques in the West-Siberian Region. Analysis is carried out against the background of agricultural policy of the Soviet state, situation in the agriculture of the region as well as ideological and theoretical disputes in agronomic science.

It is established that soil fertility decline occurred due to the neglect of basic farming techniques during the period of forced collectivization. In this regard the Soviet leadership in September, 1932 emphasized the importance of introducing the preferable farming techniques. The science and technology institutions of the region developed a range of agrotechnical measures that were supposed to lead to higher yields. In early 1933 some of these recommended techniques were considered as “harmdoing”. This was followed by the political and ideological campaign in the course of which the requirements of shallow ploughing, medium length planting season for grain crops, substitution of complete fallows for the seeded ones, refusal of the fall plowing etc. were exposed and identified as “harmdoing”. Agrarian workers were also supposed to obey policies in choosing crop rotation systems. “Harmdoing” was exposed not only in farming techniques, but also in zootechnics and animal husbandry systems. The rejected farming techniques were replaced with agrotechnical “innovations” that had not been previously tested in practice in the region. They either proved to be ineffective under Siberian conditions or had been of anti-scientific character from the outset (ultra-early planting, vernalization).

The campaign undertaken in 1932–1933 to find the preferable farming techniques and fight against the “harmdoing policies” failed to bring qualitative changes in farming. The agricultural technology in the region and in the country remained at the unsatisfactory level.

Key words: agricultural policy, farming, agriculture, agronomy, agricultural technology, fight against «harm-doers», Siberia,

Следствием форсированной коллективизации стало падение производительных сил сельского хозяйства, особенно глубокое – в животноводстве. поголовье лошадей в СССР в 1932 г. уменьшилось по сравнению

с 1929 г. в 1,8 раза, крупного рогатого скота – в 1,7, овец и коз – в 2,8, свиней – в 1,8 раза. Снижение зернового производства было не столь катастрофическим, тем не менее ощутимым. В СССР в 1932 г. зерновых

Владимир Андреевич Ильиных – д-р ист. наук, заведующий сектором, Институт истории СО РАН, e-mail: agro_iwa@mail.ru
Vladimir A. Ilyinykh – Doctor of Historical Sciences, Head of the Agrarian History Sector, Institute of History SB RAS

посеяли лишь на 3,8 % больше, чем в 1929 г.¹ Однако в связи с существенным снижением урожайности валовые сборы хлебов в начале 1930-х гг. сократились. И в 1931 г., и в 1932 г. хлеба в стране собрали меньше, чем во все предыдущие годы, начиная с 1925 г. Снизилась урожайность и других культур. В основных сельскохозяйственных районах Сибири кризис земледелия имел более ярко выраженный характер. Общая площадь посева в Западно-Сибирском крае в 1932 г. уменьшилась по сравнению с 1929 г. на 18,4 %, посев зерновых культур – на 24,1 %. В 1931 г. Западная Сибирь пережила сильный недород. Однако и в 1932 г. урожайность зерновых была относительно низкой. В результате хлеба на территории Западно-Сибирского края в 1932 г. собрали меньше, чем в недородном 1929 г.²

Главными факторами кризисных явлений в сельском хозяйстве были сверхнормативное отчуждение продукции, отсутствие у колхозников стимулов к труду, крайне неудовлетворительная организация производства в колхозах и совхозах. Падение зернового производства стало следствием не только низкой производительности труда колхозников и рабочих совхозов, но и полного забвения агротехнических основ земледелия. Севообороты не внедрялись, правильное чередование культур не соблюдалось. Некоторые хозяйства и даже районы переходили на монокультуру³. Для колхозного полеводства были характерны плохая обработка почвы, несвоевременный посев, низкое качество семян, засорение полей, сокращение парового клина, отсутствие удобрений. Положение дел в совхозах, которые были призваны демонстрировать крестьянам преимущества крупного «социалистического» производства, складывалось не лучше, чем в колхозах. Плодородие почвы в итоге падало, урожайность снижалась, планы хлебозаготовок не выполнялись.

Преодолеть аграрный кризис, возникший в начале 1930-х гг., планировалось посредством так называемого организационно-хозяйственного укрепления колхозов, а также повышения культуры земледелия и животноводства. 29 сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О мероприятиях по повышению урожайности»⁴, в котором ставилась задача перейти от «роста хозяйства вишь» к борьбе за повышение урожайности как главной и центральной задаче в области сельского хозяйства на данной стадии развития». Наркомзему СССР предлагалось, в частности, в течение 1933 г. ввести во всех колхозах

и совхозах севообороты «как одно из лучших средств повышения урожайности».

После принятия вышеназванного постановления началась хозяйственно-политическая кампания по реализации его основных положений. В конце октября 1932 г. вопрос о севооборотах и агротехнике рассмотрел очередной пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). По итогам обсуждения пленум принял постановление⁵, в котором «в основном» одобрил разработанные крайземуправлением схемы севооборотов, указав на то, что их введение «должно сочетаться с осуществлением всего комплекса агротехнических мероприятий (парование, зяблевая вспашка, своевременный посев, междурядная обработка, борьба с вредителями, внедрение сортовых семян, протравливание семян, удобрение полей, снегозадержание и т.д.)». Касаясь роли научно-исследовательских учреждений в «борьбе за повышение урожайности», пленум особо отметил разработки Омской зерновой зональной опытной станции, обязав «районные организации максимально использовать» ее «опыт и практические достижения».

Исполняя поручение крайкома ВКП(б), ведущие специалисты Омской зональной станции и других сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений края активизировали работу по популяризации своих разработок. В выступлениях на совещаниях, в статьях в журналах, книгах и брошюрах они, опираясь на результаты проведенных опытов и наблюдений, рекомендовали для основных сельскохозяйственных районов края агротехнические приемы, внедрение которых должно было способствовать повышению урожайности и снижению издержек, в том числе мелкую пахоту и средние сроки сева зерновых культур.

Средние сроки сева обосновывались тем, что при более раннем посеве этап вегетации хлебов, когда растения в большей степени нуждались во влаге, приходился, как правило, на более засушливый период. В итоге урожайность зерновых снижалась. Согласно полученным на опытных полях Омской станции данным более глубокая вспашка не приводила к повышению урожайности. В то же время ее применение требовало привлечения большего объема материально-технических и трудовых ресурсов. Следовательно, мелкая вспашка была более экономичной.

Экономией ресурсов обосновывались также необходимость перерыва между посевными работами и первым взметом пара и отказ от так называемого черного пара в пользу раннелетнего. После интенсивных полевых работ людям и технике предлагалось дать «передышку», а затем приступить к обработке паров. Отказ от черного пара объяснялся тем, что его основная вспашка совпадала по срокам с периодом максимальной нагрузки сельхозтехники на работах по уборке и перевозке урожая, зяблевой вспашке. Более того, некоторые специалисты считали чистые пары «излишней роскошью». По их мнению, пребывание паш-

¹ Сельское хозяйство СССР: ежегодник 1935 г. М., 1936. С. 511, 238.

² Там же. С. 246–247, 270.

³ Так, в Маслянинском районе Западно-Сибирского края, который должен был специализироваться на льноводстве, под лен отвели до 60 % посевной площади. В связи с монокультуризацией ухудшилось качество обработки данной культуры, «почвы сильно засорялись, урожайность падала» (Социалистическое земледелие (Новосибирск). 1933. № 4. С. 16).

⁴ СЗ СССР. 1932. № 71. Ст. 434.

⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 292. Л. 73–84.

ни в течение целого года не занятой ведет к снижению общего валового сбора продукции растениеводства, поэтому чистые пары необходимо заменить посевами пропашных культур и трав.

Позиция специалистов Омской зональной станции по вопросам о сроках сева и глубине вспашки была в целом поддержана партийным и советским руководством края. Убедленным сторонником такого подхода являлся директор Западно-Сибирского треста зерновых совхозов Л.С. Марголин. Выступая в конце октября 1932 г. на пленуме крайкома ВКП(б), он назвал основной причиной низкой урожайности колхозных и совхозных полей сильную засоренность. Одним из действенных средств борьбы с сорняками могла стать, по его мнению, двукратная предпосевная культивация. В связи с этим оптимальными для Западной Сибири являются средние сроки сева, которые дают время для предпосевной обработки. Марголин также оспаривал представление о том, что более глубокая вспашка является средством борьбы с сорняками. «При глубокой вспашке мы загоняем все сорняки внутрь и таким образом они снова произрастают, ибо сорняки сохраняют способность произрастать в течение нескольких лет. Таким образом, сорняки после нескольких лет опять выходят наружу, и у нас получаются поля сплошь засоренные. Правда, для первого года глубокая пахота дает эффект, но для последующих лет эффект получается отрицательный»⁶. Следует отметить, что предложения омских опытных, касающиеся глубины обработки почвы и сроков сева, не были региональными новациями, а имели многочисленных сторонников среди ученых-агрономов в центральных научно-исследовательских учреждениях страны⁷.

Однако уже весной 1933 г. некоторые установки, до этого имевшие характер агротехнического мейнстрима, были признаны «вредительскими», а хозяйственно-политическая кампания по внедрению в колхозах и совхозах агротехники трансформировалась в политико-идеологическую кампанию по борьбе с «вредительством».

Первые аккорды кампании по борьбе с «вредительством» на аграрном фронте в масштабах всей страны прозвучали в феврале 1933 г. Нарком земледелия СССР Я.А. Яковлев в докладе на 3-й сессии ЦИК СССР подверг критике «грубые ошибки», допущенные в ряде регионов при разработке схем севооборотов. Одну из подобных ошибок допустило Западно-Сибирское крайземуправление, которое рекомендовало в льноводческих районах края «отдать льну от 28 до 32 проц[ентов] общей посевной площади». При этом не было учтено, что эта относительно трудозатратная культура становилась одной из основных в труднедостаточных районах Западной Сибири⁸. В принятом

по докладу Я.А. Яковлева постановлении ЦИК СССР, помимо указания на необходимость исправления ошибок при разработке севооборотов, содержался призыв дать «отпор вредной теории преимущества мелкой вспашки»⁹.

Выступая 16 февраля 1933 г. на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович высказался за ранние сроки сева и глубокую пахоту: «При подготовке к весне каждый день дорог. “Днем раньше посеешь – неделей раньше пожнешь”. Организация сева у нас и сейчас во многих колхозах еще не обеспечивает того, чтобы как только солнышко согреет, чтобы сразу вспахать, быстро, скорее, по-хорошему, глубокой пахотой. Были у нас всякие неверные теории о мелкой пахоте. Верна все-таки глубокая пахота. “Глубже пахать – больше хлеба жевать”»¹⁰.

В Сибири «сигналы сверху» первоначально фактически проигнорировали. Активная борьба с «вредительскими теориями» в области агротехники началась в регионе лишь после того, как органы ОГПУ раскрыли «контрреволюционный заговор в сельском хозяйстве Западно-Сибирского края». «Членами руководящего бюро заговора» оказались ответственные работники краевого земельного управления М.М. Холостов и И.У. Варакса, заведующий отделом селекции Омской опытной зерновой зональной станции¹¹ профессор В.Р. Берг, агроном А.Ф. Брусницын, руководитель отдела Трактороцентра Е.Г. Мольтс. Всего по «делу» арестовали 2197 чел. [1, с. 122], в том числе заведующего отделом земледелия Омской опытной станции Д.Г. Бошкова и сотрудников этого отдела Г.Н. Дроздова, Гладыша и Крутиховского¹².

Бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), рассмотрев 30 апреля вопрос «О состоянии научно-исследовательской работы по вопросам сельского хозяйства и об агрономической литературе», констатировало, что в крае получил распространение ряд агротехнических «теорий», «под прикрытием которых контрреволюционные элементы пытались нанести удар делу повышения урожайности». Данные теории «нашли свое отражение в целой серии» книг и брошюр, в инструкции бюро севооборотов крайземуправления. «Особенно засорены вредительскими установками» работы и агротехнические указания Омской опытной зерновой зональной станции. Бюро крайкома призвало «немедленно и решительно разоблачить вредительские теории» и предотвратить их применение на практике¹³.

В мае началось выполнение директив крайкома. На места направили соответствующие инструкции и информационные материалы. Была сформирована и направлена в Омск бригада по проверке Сибирского НИИ зернового хозяйства. К критике «вредительских

⁹ Там же. 8 февр.

¹⁰ Там же. 22 февр.

¹¹ В начале 1933 г. станция была преобразована в Сибирский НИИ зернового хозяйства.

¹² ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 41 об.

¹³ Там же. Д. 433. Л. 33–35.

⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 290. Л. 172.

⁷ См.: Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. 1931. № 2. С. 101–110.

⁸ Советская Сибирь. 1933. 6 февр.

теорий» активно подключилась пресса. Серии статей по данной проблеме были опубликованы в краевых газетах и специальных журналах.

Критика «средних сроков сева» сводилась в основном к тому, что в условиях дефицита рабочей и тягловой силы, нехватки посевной техники¹⁴ более позднее начало весенних посевных работ вело к их затягиванию¹⁵. Соответственно сдвигались сроки созревания зерновых культур, начала и завершения уборки, что негативно сказывалось на урожайности. В связи с этим «теория средних сроков сева» квалифицировалась как закамуфлированная установка на поздние сроки сева и тем самым противоречила требованиям партии и правительства о форсировании полевых работ. На затягивание сельхозработ, по мнению критиков, также были направлены предложения о более поздних сроках проведения предпосевной культивации зяби и о перерыве между посевными работами и взметом паров¹⁶.

Поля «социалистических» сельхозпредприятий были сильно засорены. Ведущие специалисты Омской зональной станции обвинялись в том, что в этих условиях они не только не разрабатывали агротехнику борьбы с сорняками¹⁷, но, напротив, пропагандировали приемы, способствующие еще большему засорению пашни. Так, при мелкой обработке почвы, по мнению ее противников, оставались невыпаханными корни многих сорняков. При этом утверждалось: данные о том, что глубина вспашки «не влияет» или «слабо влияет» на уровень урожайности зерновых, были получены на хорошо обработанных и фактически свободных от сорняков полях опытных учреждений. Вина за выбор омских опытников возлагалась также на возглавляемый Н.М. Тулайковым Всесоюзный (Саратовский) институт зернового хозяйства, который осуществлял научно-методическое руководство Омской станцией. Более того, омичи вслед за своими саратовскими коллегами начали работать над проблемой замены плужной вспашки бесплужной, «что по существу является доведением до логического конца “теории” мелкой пахоты»¹⁸.

¹⁴ Не менее важным фактором затягивания сроков сельхозработ была низкая трудовая дисциплина колхозников и рабочих совхозов.

¹⁵ Заместитель председателя крайисполкома И.Г. Зайцев в качестве примера чрезмерного затягивания посевных работ в 1932 г. привел данные по Тюменцевскому району. В колхозах, обслуживаемых МТС, сев вели 39 дней вместо 10–15 запланированных, в остальных колхозах – 46 дней вместо 25, в совхозах посевные работы продолжались 40 дней. «Таких примеров можно привести буквально десятки» (Социалистическое земледелие. 1932. № 10. С. 9).

¹⁶ Социалистическое земледелие. 1933. № 2–3. С. 73–77; № 11–12. С. 73–75.

¹⁷ В докладной записке бригады крайкома ВКП(б) по результатам обследования Сибирского института зернового хозяйства в вину его руководству вменялось то, что разработка проблемы борьбы с сорняками в институте, «по существу, свелась к постановке опытов по линии разработки химических методов борьбы» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 43 об.).

¹⁸ Там же. Л. 115.

«Вредительским» квалифицировался и отказ от черного пара. Разоблачители подобной позиции называли его «лучшим средством борьбы с сорняками», полагая, что замена черного пара раннелетним также будет способствовать дальнейшему засорению пашни. Кроме того, урожайность зерновых культур в севооборотах с чистыми парами становится более стабильной, а растения меньше подвергаются негативному влиянию неблагоприятных климатических условий, болезней и вредителей. В то же время «при современном положении с засоренностью» пропашные культуры и травы не способны противостоять сорнякам. Но главным недостатком предложения о замене чистых паров занятыми считалось то, что в оптимальном севообороте с занятыми парами нужно засеивать пропашными культурами не менее 40–45 % пашни. Внедрение подобных севооборотов вызовет существенное сокращение посевов зерновых культур, а также, «по крайней мере в первые годы, при недостатке минеральных удобрений и ограниченном применении навозного удобрения, неминуемо приведет к снижению урожайности», что, во-первых, вызовет срыв «усилий партии и правительства» по разрешению зерновой проблемы, а во-вторых, «затормозит» решение животноводческой проблемы, «ибо без зерна, без прочной базы концентрированных кормов эта проблема не может быть решена»¹⁹.

Критике также были подвергнуты предложения о минимизации полей севооборота. Некоторые специалисты полагали, что уровень плодородия западносибирских черноземов позволяет после чистого пара два года подряд высевать яровую пшеницу. Специализированный пшеничный севооборот в регионе соответственно мог ограничиваться тремя полями: 1) пар чистый ранний; 2) пшеница яровая; 3) пшеница яровая. Такой подход определялся оппонентами как «вредительская установка на ультраспециализацию зернового хозяйства, ориентация на монокультуру». Ультраспециализированными и излишне трудозатратными квалифицировались рекомендованные крайземуправлением схемы севооборота для льноводческо-зернового колхоза. В семипольном полевом севообороте под лен отводилось более чем одно поле²⁰, а треть прифермерского севооборота должна была занимать конопля²¹.

Партийные организации и земельные органы также обязывались бороться с «кулацкой вредительской теорией неприменимости навоза на сибирских землях», предложениями отказаться от зяблевой вспашки и снизить нормы высева семян, игнорированием их яровизации (см. об этом ниже). «Вредительство» было обнаружено не только в агротехнике, но и в зоотехнике и организации животноводства²². К «вредительским» отнесли теории о врожденной

¹⁹ Социалистическое земледелие. 1933. № 11–12. С. 68–72.

²⁰ В данном севообороте 6-е поле занималось льном, 7-е – льном и «прочими зерновыми».

²¹ Советская Сибирь. 1933. 23 марта.

²² См.: Там же. 28 апр., 17 окт. 24 окт.; Социалистическое земледелие. 1933. № 8–9. С. 2, 70–75.

нежизнеспособности молодняка, непродуктивности сибирских пастбищ, установку на «ультраспециализацию» животноводческих хозяйств, «упрощенные методы содержания скота в зимний период (при температуре ниже нуля)», «голодные нормы выпойки телят», замену воды снегом при пойки овец, безмолочную выпойку поросят, «дискредитацию английской белой свиньи как непородной и не пригодной к сибирским условиям», отказ от метизации местной породы молочного скота («сибирки»).

Не обошлось и без агротехнических новаций, которые должны были прийти на смену отвергнутым «вредительским установкам». Одним из таких приемов являлся сверххранний сев, в соответствии с которым посев части зерновых должен был вестись вскоре после схода снега, фактически в грязь. Отсюда первоначальное ее название – «сверххранний сев в грязь». По мнению сторонников данного метода, он позволял максимально использовать весеннюю влагу, получить более ранние всходы, а также обеспечивал большую устойчивость растений к засухе и вредителям. Соответственно более ранними были созревание и уборка зерна. Принципиально важным являлось то, что сверххранний сев позволял увеличить время посевной и уборочной кампаний и снизить их трудонапряженность. Проводить подобным образом посев можно было только на хорошо прогреваемых и быстро высыхающих участках (южные склоны, ровные возвышенные плато), в легкие супесчаные почвы семена следовало заделывать в течение короткого времени после начала просыхания почвы. В силу непроходимости данных участков для техники сев осуществлялся только вручную. Апробирование метода было проведено в 1932 г. С 1933 г. началось его массовое внедрение. В этом же году в Западно-Сибирском крае сверххранний сев зерновых провели на 113,6 тыс. га, в 1934 г. – на 194,5 тыс. га. К ожидаемым позитивным результатам сверххранний сев не привел. Агротехника не соблюдалась. Сев велся и в глинистые, тяжелые, долго просыхающие почвы. Заделка семян затягивалась. Семена (особенно в Сибири) часто вымерзали, вымокали или выветривались. После их гибели осуществлялся пересев, что вело к перерасходу семенного материала²³.

В регионе также активно насаждалась яровизация зерновых²⁴, которая представляла собой агротехнический прием контролируемого охлаждения семян злаковых культур перед весенним посевом, позволяющий сократить сроки вегетации растений и в отдельных случаях обеспечить их вызревание в более холодном климате. Массовое внедрение данного приема проводилось по инициативе и под руководством Т.Д. Лысенко. Недостатки метода заключались в повышен-

ной трудоемкости полевых работ, неопределенности эффекта от массовой яровизации и возможности повреждения наклюнувшихся семян при их несвоевременном посеве.

Борьба с «вредительством» в сфере агротехники не ограничивалась критикой. Были сделаны организационные выводы. 25 июля бюро Западно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) заслушало доклад бригады крайкома об обследовании Сибирского НИИ зернового хозяйства²⁵. В принятом постановлении²⁶ отмечалось, что бывшие «научные руководители» института В.Р. Берг, Д.Г. Бошков и Г.Н. Дроздов, «прикрываясь “объективизмом” науки, создавали вредительские “теории” <...>, направленные на срыв основной задачи, стоящей перед социалистическим земледелием, – поднятия урожайности». Их «вредительская деятельность» стала возможна потому, что коммунисты, занимавшие в институте ответственные посты, не только «не поняли новой тактики классового врага» и оказались неспособными «раскрыть его вредительскую работу», но сами «часто использовались вредителями как проводники их вредительской идеи».

Бюро крайкома решило снять с работы директора НИИ зернового хозяйства С.Г. Алексеева, заведующего отделом механизации Бабилова, заведующего отделом организации хозяйства Д.А. Камбулова. Строгий выговор был объявлен заведующему отделом полеводства В.Н. Позднякову и ведущему научному сотруднику этого отдела Н.Ф. Максимова. Крайземуправлению и Омскому горкому компартии поручалось «на основании материалов бригады пересмотреть личный состав научных работников» института. От должности также был отстранен директор Западно-Сибирского института социалистической реконструкции сельского хозяйства Ф.А. Хоробрых²⁷.

Научный сотрудник Западно-Сибирского института социалистической реконструкции сельского хозяйства М.Н. Торгушников в статье, опубликованной в № 12 журнала «Социалистическое земледелие»²⁸, заявил, что в ходе проходящей в крае кампании борьбы с «вредительством» в сфере сельскохозяйственной теории выявлен «уже целый ворох вредных и вредительских теорий»²⁹, <...> посредством которых контрреволюционные элементы «тихой сапой» намеревались сорвать проводимые партией и правительством мероприятия по социалистической реконструкции

²⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 39–54 об.; Материалы обследования были опубликованы в «Советской Сибири» (1933. 8, 12, 13 сент.).

²⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 446. Л. 114–117.

²⁷ Ф.А. Хоробрых был также снят с поста председателя оргбюро Западно-Сибирского филиала общества аграрников-марксистов (Советская Сибирь. 1933. 6 мая).

²⁸ Социалистическое земледелие. 1933. № 11–12. С. 80.

²⁹ В работах М.Н. Торгушникова были выявлены «грубейшие извращения и ошибки», заключающиеся в установках на чрезмерную специализацию льноводческих районов и «ультраспециализацию» животноводческих хозяйств (Советская Сибирь. 1933. 6 мая; Коммунист (Новосибирск). 1933. № 4. С. 75).

²³ Советская Сибирь. 1932. 3 июня; 1933. 22 февр., 6 апр.; Итоги выполнения сельскохозяйственных кампаний в Западно-Сибирском крае в 1933 и 1934 гг. Новосибирск, 1935. Ч. 1: Полеводство. С. 49.

²⁴ Советская Сибирь. 1932. 26 нояб., 28 нояб.; 1933. 18 мая; Социалистическое земледелие. 1933. № 10. С. 2.

сельского хозяйства. <...> Но было бы ошибочным считать, что вредные теории в области сельского хозяйства уже выявлены целиком. Их еще очень много осталось не выявлено, и они, несомненно, будут возникать еще вновь».

Несмотря на готовность многих коммунистов продолжать активную борьбу с «вредительскими» теориями и установками в агротехнике, зоотехнике и организации сельхозпроизводства, в начале 1934 г. политико-идеологическая кампания в данной сфере была фактически свернута.

Проведенная в конце 1932 – 1933 г. кампания по поиску оптимальных приемов агротехники и борьбе с «вредительскими установками» в данной области не привела к качественным изменениям в земледелии. Уровень агротехники оставался неудовлетворительным. Глубокая тракторная вспашка под зерновые культуры негативно сказывалась на плодородии

почвы. Внедрение севооборотов в колхозах превратилось в ежегодные, затратные, но практически бесполезные кампании. К снижению сборов зерна приводило массовое внедрение не проверенных на практике агротехнических «новаций», которые либо были неэффективны в сибирских условиях, либо изначально имели антинаучный характер. Урожаи хлебов оставались неустойчивыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012. 440 с.

REFERENCES

1. Papkov S.A. Ordinary terror. The policy of Stalinism in Siberia. M., 2012. 440 p. (In Russ.)

*Статья принята
редакцией 20.03.2017*

DOI: 10.15372/HSS20170217
УДК 94(571.1/.5)"1940/1989"

К.П. ПРИБЫТКОВА

**В ПОИСКЕ ФОРМ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА:
НОРМИРОВАНИЕ ТРУДА РАБОЧИХ-СДЕЛЬЩИКОВ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1940–1980-е гг.***

Алтайский государственный университет,
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

В статье на основе микроисторического подхода на примере коллективов заводов «Трансмаш» и Алтайского тракторного завода в качестве одного из факторов трудовой мотивации изучается процесс нормирования труда рабочих-сдельщиков в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг. Рассмотрена эволюция политики государства по этому вопросу, отмечено снижение значения принудительных элементов в повышении норм выработки, произошедшее во второй половине 1950-х гг. одновременно с передачей контроля над нормированием администрации предприятий. На основе реконструкции действий мастеров и начальников цехов, а также анализа динамики выполнения норм рабочими-сдельщиками был сделан вывод о неостребованности заводскими руководителями ужесточения нормирования как инструмента трудовой мотивации с целью обеспечить гарантированный уровень доходов рабочих в условиях повышенной текучести кадров.

Ключевые слова: мотивация труда, промышленность, Алтайский край, микроистория, нормирование труда.

K.P. PRIBYTKOVA

**IN SEARCH OF FORMS OF THE EFFICIENCY OF SOCIALIST PRODUCTION:
LABOR RATE SETTING OF PIECE-WORKERS IN THE ALTAI TERRITORY INDUSTRY
IN THE 1940s – 1980s**

Altai State University,
61, Lenin Str., Barnaul, 656049, Russia

Using a microhistorical approach the article examines the process of labor rate setting and the mechanism of its toughening in the industry of Altai region in 1940s- 1980s as an aspect of the industrial labor motivation problem in the Soviet Union, which analysis is closely related to discussions about causes of the Soviet socialism model crisis and collapse. A methodological approach established in the modern historical science is used, it proposes to distinguish three groups of work incentives: coercion, compensation and commitment. They are also different due to the motivation purpose: incentives to attract employees to an enterprise, and incentives promoting productive and intensive labor. The state of rationing is a factor determining the piecework system effectiveness as a compensatory (financial) incentive to increase productivity, and the mechanism of standards toughening is an independent way of employees' labor coercive intensifications. The paper analyzes large engineering enterprises created on the basis of Kharkov and Stalingrad tractor plants in the early 1940s after their evacuation: Altai Tractor Plant (ATP) in Rubtsovsk and Transport Engineering Plant («Transmash») in Barnaul. The article describes the state policy evolution on the matter of labor rationing, shows decreasing a coercive component in the mechanism for raising standards, which occurred simultaneously with the transferring the regulation control to the plant administration in the second half of the 1950s. The author has reconstructed the actions by masters and foremen of the selected plants and analyzed the dynamics of performing norms by piece-workers, which led to the conclusion about underestimated labor norms in the plants, a widespread practice of additions to the workers' real production and a general lack of demands to toughen norms by plant managers as a motivation tool due to the need to provide a guaranteed level of workers' income under conditions of a high staff turnover typical for the analyzed period.

Key words: labor motivation, industry, Altai region, microhistory.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Алтайского края, проект «Мотивация труда в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг.», №17-11-22001а(р), региональный конкурс «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном» 2017 – Алтайский край.

Карина Павловна Прибыткова – аспирант, Алтайский государственный университет, e-mail: pr.karina.p@gmail.com
Karina P. Pribytkova – graduate student, Altai State University

Создание эффективной системы промышленного производства, способной демонстрировать более высокие темпы роста по сравнению с капиталистическими странами, было одной из важнейших целей экономической политики советского государства. Данное обстоятельство породило непрерывные поиски способов стимулирования труда и многочисленные эксперименты в сфере заработной платы, организации социалистического соревнования и воздействия на сознание рабочих. Тем не менее на протяжении советского периода на предприятиях с различной степенью интенсивности проявлялись симптомы кризиса трудовых отношений, такие как хронически высокий уровень текучести кадров и недопустимо высокая доля брака в производстве, массовые прогулы, опоздания и другие нарушения трудовой дисциплины в рабочей среде. Как результат отмеченных тенденций, с середины 1970-х гг. в динамике производства советских промышленных предприятий устойчивый характер приобрели застойные явления, которые сопровождались снижением темпов роста производительности труда. Неспособность обеспечить высокий уровень мотивации советских рабочих к труду в рамках сложившихся норм и практик стимулирования рассматривается историками в качестве одного из ключевых факторов разрушения советской модели социализма. Выявить причины неэффективности системы мотивации труда позволит тщательный анализ содержания и эволюции в Советском Союзе отдельных элементов этой системы, одним из которых является процесс нормирования труда рабочих кадров.

Изучение проблем мотивации индустриального труда в СССР представляет собой развивающееся направление исследований. В отечественной историографии этой проблемы основное внимание ученых обращено на довоенный этап советской истории [1, 2] и период Великой Отечественной войны [3; 4; 5; 6]. Исключением является работа А.М. Маркевича и А.К. Соколова, посвященная анализу стимулирования труда на московском заводе «Серп и молот» на протяжении всей его дореволюционной и советской истории [7]. Территориально исследования ограничиваются, как правило, центральной частью России или только столичными предприятиями. Вопросам мотивации труда в западносибирском регионе посвящены статьи Р.Е. Романова [5; 6], касающиеся процесса трудового стимулирования в период Великой Отечественной войны на предприятиях оборонной промышленности г. Новосибирска.

В качестве методологической основы для изучения процесса мотивации труда в современной исторической науке утвердился подход, предполагающий выделение трех групп механизмов стимулирования: принуждение, материальное вознаграждение и моральные побуждения; все они действовали в разнообразных сочетаниях в различных исторических условиях [8, с. 199–200]. Способы мотивации также принято различать в зависимости от целей, на которые они направлены, а именно: стимулы к привлечению работников на предприятие, и стимулы, побуж-

дающие к производительному и качественному труду на производстве [9, с. 5]. Широкое распространение в отечественной историографии проблемы получило применение микроисторического подхода, позволяющего выявить, как определявшиеся в СССР на государственном уровне механизмы трудового стимулирования реализовывались в действительности [1; 2; 3; 7; 9].

Одним из ведущих материальных способов побуждения к высокопроизводительному труду в Советском Союзе было широкое распространение сдельной системы оплаты труда, при которой заработок начислялся рабочему за каждую единицу произведенной продукции по установленной расценке¹, вычислявшейся путем деления тарифной ставки² на норму выработки³. Эффективность сдельной системы определялась, во-первых, структурой заработной платы: тариф (выплата за произведенную продукцию), а не различные доплаты, должен был составлять основную часть заработка, во-вторых, состоянием нормирования труда: на предприятиях должны были действовать достаточно «жесткие» нормы выработки, что требовало интенсивного труда рабочих в течение смены. В процессе совершенствования технологии и обновления оборудования выполнение заданий отнимало меньше усилий и времени, поэтому нормы выработки необходимо было систематически пересматривать в сторону их увеличения. Таким образом, ужесточение нормирования, заключавшееся в повышении норм выработки для рабочих-сдельщиков, представляло собой принудительный способ интенсификации их труда и, как следствие, увеличения его производительности.

Изучение нормирования труда в отечественной историографии проводилось в контексте рассмотрения системы трудовой мотивации на промышленных предприятиях в тот или иной период. При анализе процесса стимулирования на Тверском вагоностроительном заводе в 1941–1951 гг. С.И. Тогоева отметила факты произвольного установления норм и приписок к выработке, на основе чего сделала вывод о неэффективности материальных стимулов [3, с. 49–51]. Случаи приписок на заводе «Серп и Молот» во второй половине 1950-х – 1960-е гг. в контексте развития уравнительных тенденций в оплате труда отмечают в упомянутом исследовании А.М. Маркевич и А.К. Соколов [7, с. 250–253].

Настоящее исследование выполнено на стыке регионального и микроисторического подходов. Его целью является анализ состояния нормирования труда в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг., а также определение значения механизма ужесточения норм выработки в системе трудовой мотива-

¹ Расценка – величина оплаты за единицу произведенной продукции при сдельной оплате труда, зависящая от размера тарифной ставки и нормы выработки.

² Тарифная ставка – фиксированный размер денежной выплаты, который устанавливается за труд рабочего определенного разряда за единицу времени (как правило, за час).

³ Норма выработки – это количество единиц продукции, которое должно быть изготовлено рабочим за единицу времени (как правило, за час) для той или иной производственной операции.

ции и оценка его эффективности. В качестве объекта для микроанализа были выбраны крупные машиностроительные предприятия: Алтайский тракторный завод (АТЗ) в г. Рубцовске и завод транспортного машиностроения «Трансмаш» (завод № 77) в г. Барнауле, производивший в годы войны дизельные двигатели для танков, а в последующем – для судов, экскаваторов, подъемных кранов, тепловозов и других машин. Оба предприятия были созданы в начале 1940-х гг. на базе эвакуированных Харьковского и Сталинградского тракторных заводов.

Исследование проблемы нормирования труда на предприятиях Алтайского края представляет интерес и в плане оценки воздействия различных факторов на реализацию способов трудовой мотивации. Необходимо учитывать также региональные особенности промышленного развития. Во-первых, значительное число алтайских предприятий пережили этап форсированного становления в чрезвычайных условиях войны в ходе эвакуации промышленности. В результате процессы улучшения условий труда и формирования жилищного фонда отставали от развития производства в Алтайском крае больше, чем это было характерно для среднего советского предприятия. Во-вторых, города Алтая уступали промышленным центрам европейской части СССР в уровне развития социальной инфраструктуры, находясь в невыгодном в этом отношении положении даже в рамках сибирского региона. В совокупности указанные обстоятельства создавали руководству заводов дополнительные сложности в плане реализации механизмов мотивации.

В годы войны государство инициировало на рассматриваемых предприятиях масштабные пересмотры норм выработки (в сторону их повышения), которые продолжались и в послевоенный период. До 1957 г. это было ежегодное мероприятие⁴. Но увеличения тарифных ставок при этом не было, поэтому расценки за каждую единицу произведенной продукции снижались, что вынуждало рабочих трудиться более интенсивно с целью сохранения достигнутого уровня заработной платы. Данные табл. 1 отражают динамичный рост производительности труда в указанный период (отчасти этот рост являлся и следствием постепенной стабилизации работы предприятий в ходе завершения основной фазы их строительства).

Документы архивных фондов предприятий отражают стремление руководителей с помощью различных способов снизить принудительный характер ужесточения нормирования, поэтому в полной мере стимулирующий потенциал данного способа интенсификации труда не реализовывался. В протоколах заводских партсобраний и в приказах директоров предприятий в 1940–1950-е гг. регулярно отмечались случаи приписок мастеров к реальной выработке рабочих⁵.

Материалы фонда завода «Трансмаш» послевоенного периода сохранили свидетельства сопротивления начальников цехов и участков ежегодным кампаниям повышения норм⁶. Так, в марте 1953 г. начальник одного из цехов даже назвал «жандармами» сотрудников отдела труда и зарплаты, проверявших процесс пересмотра норм⁷. В итоге сроки проведения кампаний систематически срывались, а установленные задания (повысить нормативы на фиксированную величину) выполнялись не в полной мере.

Действия производственных руководителей позволяли смягчить последствия пересмотра норм, в результате на исследуемых предприятиях нормы значительно перевыполнялись. В 1943 г. на заводе «Трансмаш» средний уровень выполнения норм составил 138,6 %, в 1947 г. в термическом цехе завода – 133,8 %, в литейном – 134,3 %, в сборочном – 161 %, в одном из механических – 130,7 %⁸. Аналогичный показатель на АТЗ в среднем по цехам в октябре 1944 г. достигал 158,9 %, в 1950 г. – 145,1 %⁹. В первой половине 1950-х гг. около 30 % сдельщиков завода АТЗ справлялись с нормами на 150–200 %, а около 10 % – на 200% и выше¹⁰. Перевыполнение норм вело к повышенной нагрузке на фонд заработной платы, росту себестоимости продукции выпускаемой предприятиями.

Спротивление со стороны руководителей механизму ужесточения норм выработки объяснялось их стремлением не допустить падения доходов рабочих и с помощью гарантированного уровня заработной платы удерживать кадры в условиях высокой текучести рабочей силы, которая на рассматриваемых заводах в годы войны достигала 30–80 % в год, а в послевоенное десятилетие сохранялась в пределах 25–45 %¹¹.

В августе 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об изменении порядка пересмотра норм выработки» [10, с. 44], согласно которому повышение норм в дальнейшем должно было осуществляться не посредством централизованных кампаний, а по инициативе начальников цехов и участков на местах. Несмотря на предоставление руководителям большей самостоятельности в вопросе установления норм, формально Постановление не свидетельствовало о смягчении позиции государства в этом вопросе. Если ранее после завершения централизованного повышения нормы закреплялись на год в неизменном виде, то с принятием данного постановления пересмотр должен был осуществляться заводскими руководителями непрерывно по мере производственной модернизации. Кроме того, от администрации предприятий требовалось активно внедрять в трудовой

⁶ Там же. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 411. Л. 26, 44; Д. 412. Л. 17–18.

⁷ Там же. Л. 50.

⁸ Там же. Д. 333. Л. 31 об., 92 об., 118–118 об., 169 об.; Д. 463. Л. 41.

⁹ Там же. Ф. Р-718. Оп. 1а. Д. 13. Л. 23.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 37. Л. 32; Д. 42. Л. 37; Д. 54. Л. 27.

¹¹ Подсчитано по: годовые отчеты завода «Трансмаш» (ГААК. Ф. Р-1038. Оп. 1–3) и АТЗ (ГААК. Ф. Р-1122. Оп. 1).

⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 120. Л. 58; Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 411. Л. 1–8; Д. 412. Л. 2–6; 22.

⁵ ГААК. Ф. П-4560. Оп. 1. Д. 376; Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 62. Л. 152.

Т а б л и ц а 1

Производительность труда на заводах «Трансмаш» и АТЗ в 1940–1980-е гг., % к предыдущему году

Год	«Транс-маш»	АТЗ	Год	«Транс-маш»	АТЗ	Год	«Транс-маш»	АТЗ	Год**	АТЗ
1944	53,3	44,7	1956	1,7	нет	1967	9,4	15,5	1978	5,7
1945	4,3	7,5	1957	-3,1	данных	1968	16,6	15,3	1979	-2,2
1946	-35,2	7,4	1958	1,4		1969	9,8	7,3	1980	2,6
1947	6,9	35	1959	8,6	10,5	1970	6,6	11,9	1981	6
1948	20,4	-2,1	1960	5,1	9,3	1971	-6,4	7,8	1982	-3,8
1949	28,7	14,3	1961	1	2,9	1972	7,2	5,1	1983	2,5
1950	23,3	19	1962	1,8	2,5	1973	5,4	10,1	1984	1,7
1951	-6,5	4,1	1963	-5,3	9,8	1974	2,4	12,1	1985	5,7
1953	9,2	14,4	1964	9,2	7,2	1975	4,4	6,6	1986	5,7
1954	6,8	10	1965	2,3	4,2	1976	-14,8	3,9	1987	2,6
1955	5,2	4,1	1966	1	-2,1	1977	2,6	3,1	1988	-6,7

*Подсчитано по: годовые отчеты завода «Трансмаш» (ГААК. Ф. Р-1038. Оп. 1–4) и АТЗ (ГААК. Ф. Р-1122. Оп. 1; Архивный отдел администрации г. Рубцовска. Ф. Р-34. Оп. 3).

**Ввиду освоения на заводе «Трансмаш» производства двигателей для боевой машины пехоты данные о динамике валовой продукции с 1978 г. не представлены.

процесс технически обоснованные нормы выработки (ТОН). Данный вид норм рассчитывался для конкретных производственных операций по межотраслевым и отраслевым нормативам с учетом достижений большинства рабочих и передовиков и постепенно начал внедряться на рассматриваемых предприятиях с рубежа 1940-х – 1950-х гг. Нормы, которые рассчитывались и устанавливались непосредственно на заводах, назывались опытно-статическими. Уровень их повышения определялся отраслевыми министерствами для конкретного предприятия на основе его отчетной документации, поэтому данный вид норм выработки носил более «мягкий» характер в сравнении с технически обоснованными.

Текущая кадров во второй половине 1950–1980-х гг. продолжала оставаться высокой (сохранялась на уровне 30–40 % в год)¹², поэтому заводские руководители по-прежнему не были заинтересованы в установлении «жестких» трудовых нормативов. В связи с этим государство не смогло отказаться от централизованных кампаний пересмотра норм, которые после 1956 г. были предприняты трижды: в ходе реформ оплаты труда 1959–1960 гг.¹³, 1973–1975 гг.¹⁴

¹² Подсчитано по: годовые отчеты завода «Трансмаш» (ГААК. Ф. Р-1038. Оп. 3–4) и АТЗ (Архивный отдел администрации г. Рубцовска. Ф. Р-34. Оп. 3).

¹³ Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 9 апреля 1959 г. «О переводе на семичасовой рабочий день, повышении и упорядочении заработной платы работников предприятий машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности» // Организация заработной платы рабочих СССР: сб. нормативных актов. М., 1965. С. 104–105.

¹⁴ Постановление Совета министров СССР и ВЦСПС от 23 мая 1973 г. «О мерах по улучшению нормирования труда» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР (1917–1992 гг.). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_8078.htm (дата обращения: 10.12.2016 г.).

и 1988–1989 гг.¹⁵ Отраслевые министерства направляли на предприятия задания по увеличению до определенного уровня доли ТОН в общем количестве трудовых нормативов. Выполнение заданий приводило к более жесткому нормированию труда. При этом в рамках указанных реформ увеличивались тарифные ставки, что означало несущественное снижение или даже сохранение расценок за единицу произведенной продукции при повышении норм выработки. Данное обстоятельство свидетельствовало о существенном сокращении принудительной составляющей в процессе ужесточения нормирования: сохранение расценок означало отсутствие необходимости рабочим увеличивать затраты труда с целью не допустить падения заработков. Цель повышения норм выработки теперь заключалась не в стимулировании увеличения интенсивности труда рабочих, а в необходимости сохранить ее на достигнутом уровне, способном обеспечить выполнение плана в условиях модернизации производства.

Централизованные пересмотры в ходе реформ оплаты труда оказывали кратковременное положительное воздействие на динамику производительности труда рабочих, которая в целом во второй половине 1950–1980-е гг. росла менее интенсивно, чем в период регулярных кампаний повышения норм (см. табл. 1). Кроме того, внедрение ТОН на заводах после выполнения установленного отраслевым министерством задания сразу же замедлялось. К концу 1950-х гг. рабочие-сдельщики АТЗ справлялись с нормами в сред-

¹⁵ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР и ВЦСПС от 17 сентября 1986 г. «О совершенствовании организации заработной платы и введении новых тарифных ставок и должностных окладов работников производственных отраслей народного хозяйства» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР (1917–1992 гг.). URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_13494.htm (дата обращения: 10.12.2016 г.).

Т а б л и ц а 2

Выполнение норм выработки сдельщиками основного производства АТЗ в конце 1950-х – 1960-е гг.*

Год**	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Выполнение норм в среднем, %	177,9	179,4	179,8	115,7	117,4	120,8
Не выполняли нормы, % к числу сдельщиков	2	1	2,8	17,4	15,6	12,3
Год	1964	1965	1966	1967	1968	1969
Выполнение норм в среднем, %	123,7	125,5	125,5	134,4	142,2	143,2
Не выполняли нормы, % к числу сдельщиков	10,6	8,4	10,5	7,7	7,2	7,3

*Составлено по: Архивный отдел администрации г. Рубцовска. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 324. Л. 44; 1131. Л. 46; Д. 1412. Л. 51.

**Представлены данные на начало каждого года.

Т а б л и ц а 3

Распределение сдельщиков АТЗ по уровню выполнения норм выработки в 1970–1980-е гг., % к среднесписочному числу*

Год	Выполнение норм			
	до 100 %	100–120 %	120–150 %	150 % и выше
1971	3,2	30,4	31,4	35
1972	4,4	28,9	30,7	36
1973	7,2	50	31,5	11,3
1974	8,9	52,7	30,6	7,8
1975	7	61	26	6
1976	6,4	57,8	28,6	7,2
1977	6,3	56,2	29,1	8,4
1978	6	55,2	29,5	9,3
1979	5,7	49,6	30,4	14,3
1980	4	58,8	23,4	13,8
1985	5,3	28,6	51,8	14,3
1986	4,3	19,4	52,9	23,4
1987	3,2	18,3	52,5	26
1988	4,1	22,2	50,8	22,7
1989	10,6	59,5	22,8	7,1

*Составлено по: Архивный отдел Администрации г. Рубцовска. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 2807. Л. 25; Д. 3180. Л. 49; Д. 3581. Л. 44; Д. 3767. Л. 51; Д. 4638. Л. 32; Д. 5024. Л. 53.

нем на 180 %, в 1961 г. в результате повышения норм 1959–1960 гг. – на 115,7 %, но к концу 1960-х гг. – уже на 140 % (табл. 2). На «Трансмаше» ситуация развивалась аналогичным образом: если в 1961 г. средний уровень выполнения норм составлял 113 %¹⁶, то в 1965 г. – уже 126 %¹⁷, а в 1970 г. – 140 %¹⁸. В 1972 г. на АТЗ 36 % сдельщиков справлялись с нормами более чем на 150 %, к 1975 г. в результате пересмотра 1973–1975 гг. их число сократилось до 6 %. С 1975 до 1988 г. количество сдельщиков, выполнявших нормы от 120 до 150 %, увеличилось почти в 2 раза, а свыше 150 % – более чем в 3 раза (табл. 3).

Показатели перевыполнения норм свидетельствуют не о высокоинтенсивном труде рабочих, а действии

заниженных норм или о масштабных приписках к выработке (а также о совокупном влиянии данных явлений). В подтверждение сказанному можно привести три нижеследующих аргумента. Во-первых, как уже отмечалось, за ужесточением производственных заданий следовали кратковременные повышенные темпы роста производительности труда. Во-вторых, предприятия в целом перевыполняли свои производственные планы (в отличие от норм рабочими) всего на несколько процентов. В-третьих, до конца советского периода для заводских руководителей не теряла остроты проблема состояния трудовой дисциплины: потеря рабочего времени на разговоры, сон, даже игры в домино и т.п. в течение смены, а также уходов до ее окончания¹⁹.

¹⁶ ГААК. Ф. Р-1038. Оп. 1. Д. 70. Л. 17.

¹⁷ Там же. Оп. 3. Д. 143. Л. 38.

¹⁸ Там же. Д. 507. Л. 25.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 207. Л. 41; Д. 248. Л. 9; Оп. 3. Д. 464. Л. 22; Ф. Р-1122. Оп. 1. Д. 771. Л. 3. Д. 775. Л. 7, 14, 17; Д. 778. Л. 14; Архивный отдел администрации г. Рубцовска. Ф. Р-34. Оп. 3. Д. 2. Л. 185.

Данные табл. 2 и 3 также свидетельствуют, что централизованные пересмотры приводили к увеличению доли рабочих, которые не справлялись с нормами. Причина заключалась в сохранении значительного числа неквалифицированных кадров в трудовом коллективе АТЗ, что было обусловлено высокой текучестью кадров.

Необходимо отметить, что эффективность ужесточения норм выработки как способа интенсификации труда и сдельной системы в целом падала из-за низкой доли тарифа в заработной плате рабочих, что было характерно для большей части рассматриваемого периода. По данным С.С. Букина, к 1953 г. у рабочих-сдельщиков на предприятиях тяжелого машиностроения Западной Сибири тариф составил 51 % заработка [11, с. 64]. К концу 1950-х гг. у мотористов сборочного цеха завода «Трансмаш» на долю тарифа приходилось 46,5 % заработной платы, у слесарей-сборщиков – 50,5 %²⁰. Остальная часть заработка включала различные надбавки и доплаты, с помощью которых заводские руководители стремились повысить общий размер заработной платы в военные годы и первое послевоенное десятилетие.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в стране была проведена реформа системы оплаты труда. В результате значение тарифа в заработной плате рабочих существенно возросло, к примеру, на заводе «Трансмаш» – с 54 до 81,2 %²¹. Таким образом, принудительный эффект сдельной системы как способа интенсификации труда усилился.

В конце 1960-х гг. в результате «косыгинской» реформы заводские руководители получили широкие возможности для премирования рабочих, в том числе из фонда материального поощрения, созданного на предприятиях. Средства из него распределялись между членами трудового коллектива преимущественно уравнилельно. К 1989 г. средний размер премий в зарплате у сдельщиков барнаульского завода составлял 35,9 %²². Кроме того, с конца 1960-х гг. рабочим выплачивались разнообразные доплаты – за совмещение профессий, многостаночное обслуживание, квалификацию и т.п., что еще сильнее снижало значение тарифа в заработке.

Как подтверждает пример АТЗ (табл. 1), со второй половины 1970-х гг. темпы роста производительности труда на советских предприятиях стали систематически снижаться, и состояние нормирования, ослаблявшее материальную заинтересованность рабочих в результатах труда, выступало одним из факторов этого процесса.

В 1986 г. руководство страны объявило о новой реформе системы оплаты труда, которая в основных положениях повторяла содержание предыдущих преобразований и не предлагала новых способов повышения интенсивности труда рабочих. Реформа реали-

зовывалась на предприятиях уже в конце 1980-х гг.: руководители в соответствии с плановым заданием пересматривали нормы, что влияло на показатели их выполнения: на АТЗ, согласно данным табл. 3, число сдельщиков, справлявшихся с нормами на 120–150 %, снизилось в 2 раза, свыше 150 % – в 3 раза. Тем не менее, ужесточение нормирования не способствовало увеличению выработки (табл. 1) вследствие происходившего на заводах общего спада производства, вызванного трудностями перехода предприятий на самофинансирование.

Анализ состояния нормирования труда в промышленности Алтайского края в 1940–1980-е гг. и политики государства в этом вопросе позволяет сделать следующие выводы. До второй половины 1950-х гг. в качестве цели механизма централизованного ужесточения норм выработки государство определяло повышение интенсивности труда рабочих как фактор роста его производительности. При этом данный способ стимулирования активно использовался. Во второй половине 1950-х гг. произошло смягчение принудительной составляющей нормирования: повышение производственных заданий по инициативе государства в условиях одновременного увеличения тарифных ставок должно было поддерживать трудовые затраты рабочих на уровне, который требовался для выполнения производственного плана.

Задача интенсификации труда для заводских руководителей стояла на втором месте после необходимости обеспечения стабильности кадрового состава в условиях повышенной текучести, при этом одним из способов было обеспечение гарантированного уровня заработной платы рабочих. Очевидно, что механизм ужесточения нормирования не был востребован администрацией предприятий: в период централизованных пересмотров норм мастера и начальники цехов пытались смягчить его принудительное воздействие, а во второй половине 1950-х – 1980-е гг. в условиях предоставленной им самостоятельности в этом вопросе – фактически перестали его использовать, что и предопределило кратковременность стимулирующего воздействия инициированных государством на этом этапе централизованных пересмотров норм.

На предприятиях в 1940–1980-е гг. в целом отмечались высокие показатели выполнения норм рабочими-сдельщиками, что было следствием прежде всего заниженных нормативов и приписок. В совокупности с низкой ролью тарифа в заработной плате данный механизм мотивации не создавал строгой зависимости заработка от интенсивности труда и не мог обеспечить высокой материальной заинтересованности рабочих и, как следствие, должной эффективности сдельной системы заработной платы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычков С.Ю. Мотивация труда на Тверском вагоностроительном заводе, 1915–1928 гг. // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 23–39.

²⁰ ГААК. Ф. Р-1038. Оп. 2. Д. 171. Л. 3.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 70. Л. 17.

²² Там же. Оп. 3. Д. 3920. Л. 9.

2. Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004. 240 с.

3. Тогоева С.И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56.

4. Сомов В.А. Потому что была война: внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород, 2008. 234 с.

5. Романов Р.Е. Денежные стимулы труда рабочей молодежи оборонных предприятий Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 1. С. 83–86.

6. Романов Р.Е. Материальное стимулирование труда рабочих в военно-промышленном производстве сибирского тыла (1941–1945) // Разработка и реализация идеи сибирского тыла в советской экономической и военно-оборонной стратегии. Новосибирск, 2015. С. 80–124.

7. Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 гг. М., 2005. 368 с.

8. Лукассен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 194–205.

9. «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Бородин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю. Б., Шильникова И.В. М., 2010. 535 с.

10. Перцев В.А. Материальное положение населения РСФСР (вторая половина 1950-х – 1980-е гг.): на материалах областей Центрального Черноземья. Воронеж, 2013. 404 с.

11. Букин С.С. Повышение реальных доходов рабочих Западной Сибири в послевоенный период (1946–1958 гг.) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 6, вып. 2. С. 63–69.

REFERENCES

1. Bychkov S.Yu. Labour motivation at Tver' carriage-building plant, 1915–1928. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow, 2002, vol. 1, pp. 23–39. (In Russ.).

2. Zhuravlev S.V., Mukhin M.Yu. «The fortress of socialism»: everyday life and work incentives at a Soviet enterprise, 1928–1938. Moscow, 2004, 240 p. (In Russ.).

3. Togoëva S.I. Factors influencing the labour motivation (a case study of the Tver' carriage-building plant in 1941–1951. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow, 2002, vol. 1, pp. 39–56. (In Russ.).

4. Somov V.A. As there was a war: non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945). Nizhniy Novgorod, 2008, 234 p. (In Russ.).

5. Romanov R.E. Monetary incentives of labour for young workers in the defense enterprises of Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2014, no 1, pp. 83–86. (In Russ.).

6. Romanov R.E. Material stimulation of workers' labour in the military-industrial production of the Siberian rear. *Razrabotka i realizatsiya idey sibirskogo tyla v sovetskoy ekonomicheskoy i voenno-oboronnoy strategii*. Novosibirsk, 2015, pp. 80–124. (In Russ.).

7. Markevich A.M., Sokolov A.K. «Magnitka near Sadovoe kol'tso»: work incentives in Moscow plant «Serp i molot», 1883–2001. Moscow, 2005, 368 p. (In Russ.).

8. Lukassen Ya. Labour incentives in a historical perspective: some preliminary remarks on terminologies and taxonomies. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*. 2000. Moscow, 2000, pp. 194–205. (In Russ.).

9. Borodkin L.I., Valetov T.Ya., Smirnova Yu.B., Shil'nikova I.V. «Not a single ruble»: labor incentives of textile workers in pre-revolutionary Russia. Moscow, 2010, 535 p. (In Russ.).

10. Pertsev V.A. The material situation of the population of the RSFSR (the second part of the 1950s – 1980s): on materials of Central Chernozem region. Voronezh, 2013, 404 p. (In Russ.).

11. Bukin S.S. Increasing real incomes of workers in West Siberia in the post-war period (1946–1958). *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1979, vol. 6, no. 2, pp. 63–69. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 03.04.2017

DOI: 10.15372/HSS20170218
УДК 94(571)"1954/2016"

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

«ЦЕЛИННЫЙ ПРОЕКТ» 1954 г. В АГРАРНОЙ ИСТОРИИ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируются причины, ход и результаты проведения в Казахстане и Сибири кампании по освоению целинных и залежных земель, начавшейся в 1954 г. в целях быстрого решения зерновой проблемы. Сравнительный анализ изменений, произошедших в зерновом производстве этих регионов в связи с освоением целины, в настоящее время является одним из актуальных направлений аграрно-исторических исследований. Изучение архивных документов, материалов архивной и опубликованной статистики позволяет говорить о том, что для Казахстана реализация «целинного проекта» 1954 г. стала настоящим мотором социально-экономического развития, ускорила модернизацию общества. Казахстан превратился в крупного поставщика хлеба в общесоюзный продовольственный фонд, а после распада СССР – в весомого экспортера зерна. В Сибири иная ситуация, в долгосрочной перспективе целина дала ей меньше, чем Казахстану.

Ключевые слова: производство зерна, «целинный проект» 1954 г., освоение целинных и залежных земель, сельское хозяйство, Казахстан, Сибирь, Н.С. Хрущев.

S.N. ANDREENKOV

THE “VIRGIN PROJECT” OF 1954 IN THE AGRARIAN HISTORY OF SIBERIA AND KAZAKHSTAN

Institute of history of SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia

The study objective is to compare prerequisites, course and consequences of implementing the “Virgin project” in 1954 in Kazakhstan and Siberia. The article main tasks are the following: to analyze the prehistory of large-scale development of virgin and fallow lands, to determine features of adopting and realizing the virgin program, to identify and assess short-, medium- and long-term consequences of this action for the grain economy of studied regions. The work is based on the documents collections of the federal archives, data of archival and published statistics of the USSR, the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

The research findings are that the idea of mass development of virgin and fallow lands at the USSR east, which was actively promoted by N.S. Khrushchev in 1953, was not new and perceived with skepticism in the regions. It was treated with doubt in the Kazakh SSR, where it was planned to explore the largest areas of virgin lands. However, the “Virgin project” was supported by the West Siberian regions, and its implementation began. The development of virgin and fallow lands turned into a large-scale national economic-political action with significant consequences. Short-term results of the campaign were impressive. Quantitative indicators of developing the virgin land cultivation were quite high, but this could not be said about its qualitative characteristics, which were extremely important for consolidating the achieved successes. Therefore, in the medium term, the mobilization development of virgin and fallow lands did not ensure the non-recessionary development of agriculture. The long-term consequences of the action had the following specificity. Thanks to the virgin campaign, Kazakhstan has become a major supplier of bread to the all-Union food fund, and after the USSR collapse - into a significant grain exporter. There was a different situation in Siberia, in the long term perspective the virgin land gave it less than to Kazakhstan.

Key words: grain production, “Virgin project” of 1954, developing virgin and fallow lands, agriculture, Kazakhstan, Siberia, N.S. Khrushchev.

Одним из крупнейших событий хозяйственной истории СССР послевоенных лет являлось начавшееся в 1954 г. освоение целинных и залежных земель. Большая часть новых земельных массивов была рас-

пахана в северной части Казахстана (61 %) и южных районах Сибири (24 %). Целинная кампания оказала существенное влияние на развитие всего сельского хозяйства этих регионов, прежде всего зернового. Срав-

Сергей Николаевич Андреевков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: Andreenkov_sn@mail.ru.

Sergey N. Andreenkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of history of SB RAS.

нительный анализ предпосылок, хода и последствий реализации «целинного проекта» 1954 г. в Казахстане и Сибири обстоятельно пока никем не проводился. В настоящей статье мы попытаемся исследовать эту проблематику. В условиях углубления интеграционных процессов на постсоветском пространстве она приобретает особую актуальность.

Идея освоения целинных и залежных земель на востоке СССР была озвучена Н.С. Хрущевым 9 сентября 1953 г. перед участниками только что закончившегося пленума ЦК КПСС. За счет распашки новых земель планировалось получить дополнительное количество зерна.

Мысль об использовании земельных богатств Казахстана и восточных районов РСФСР на нужды развития сельского хозяйства страны была не нова. Первое «наступление» на целину осуществлялось еще в годы сталинской реформы в рамках аграрного переселения. Основными районами водворения крестьян стали земли Алтая и Степного края. Устройство переселенцев в Степном крае вызывало недовольство казахов-кочевников, которые лишались при этом пастбищных угодий. Казахская интеллигенция выступала за прекращение переселений. И пришедшие к власти большевики их требования выполнили [1, с. 200–201].

Массовое освоение новых земель попытались возобновить через 20 лет. В 1940 г. были разработаны планы распашки в 1941–1942 гг. в районах Урала, Сибири и Казахстана 4 млн га целины и залежи¹. Данное мероприятие имело следующие цели. В европейской части СССР значительную часть пашни планировалось отвести под посевы трав в рамках внедрения травопольной системы земледелия, а на новых землях востока страны должно было появиться страховочное зерновое поле. Но переход к травополью и осуществление «целинного проекта» 1940 г. прервала начавшаяся Великая Отечественная война.

Очередная целинная программа была принята в конце 1946 г. На Урале, в Сибири и Казахстане также в течение двух лет намечалось поднять 6,5 млн га новых земель². Однако ни у колхозов, ни у государства сил для выполнения этих планов не нашлось.

И вот в сентябре 1953 г. о необходимости освоения целины и залежей заявил Н.С. Хрущев. Постановка этого вопроса имела немало объективных причин. В 1953 г. расход зерна превосходил объемы его поступления государству. Нормальная торговля хлебопродуктами, особенно высших сортов, оказывалась невозможной, ограничивались экспортные операции

по хлебу. Ощущалась нехватка зернофуража, из-за которой страдало животноводство. Спрос на зерно возрастал, а колхозы и совхозы не могли его удовлетворить. При этом посевы зерновых культур сокращались из-за расширения посевов трав. В условиях растущего зернового дефицита правительству пришлось распечатывать стратегические хлебные запасы. Программа интенсификации сельского хозяйства, принятая на пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 г., требовала больших затрат и могла дать результат только в отдаленной перспективе.

Идея масштабного освоения целины многими была воспринята скептически. С большим сомнением к ней отнеслось руководство Казахской ССР, к которому и обратился Н.С. Хрущев. В ноябре 1953 г. на пленуме ЦК компартии Казахстана первый секретарь этой организации Ж.Ш. Шаяхметов, отстаивая интересы скотоводов республики, предложил увеличить только посевы зернофуражных культур для укрепления кормовой базы. Областные комитеты компартии Казахской ССР выступали за интенсивный путь развития сельского хозяйства. Руководители Талды-Курганского, Кызыл-Ординского и Кокчетавского обкомов сообщали о том, что, согласно их опыту, урожайность зерновых на целине быстро теряет устойчивость и колеблется от 1,4 до 5,3 ц/га [4, с. 316]. Против проведения широкомасштабной целинной кампании выступили и многие российские обкомы партии, в частности, Сталинградский, Куйбышевский, Саратовский, Чкаловский. В число критиков целинной кампании входил В.М. Молотов, который говорил о том, что вложенные в целину средства вернуть не удастся и что лучше их инвестировать в старопахотные районы центра страны [1, с. 217–218].

В то же время в ЦК КПСС стали поступать записки с просьбой начать целинную кампанию. За ее проведение выступило, в частности, руководство Алтайского края и Омской области. Освоение целины поддержали президент ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко, министр сельского хозяйства РСФСР П.П. Лобанов и министр сельского хозяйства СССР И.А. Бенедиктов [1, с. 208–214].

Н.С. Хрущев получил шанс реализовать свою идею и при подготовке к ее осуществлению проявил известный максимализм. Масштабы и сроки распашки целины, определенные П.П. Лобановым и И.А. Бенедиктовым, вызвали у него критику. В записке Н.С. Хрущева «Пути решения зерновой проблемы», направленной в Президиум ЦК КПСС в январе 1954 г., говорилось о том, что в течение двух лет можно распахать 13 млн га новых земель и рассчитывать на урожайность в 14–15 ц/га. И.А. Бенедиктов же предлагал за три года освоить только 11 млн га целины и залежей. Урожайность на них, по всей видимости, должна была составить не более 10–11 ц/га. Если И.А. Бенедиктов подчеркивал значимость использования на целине паров и посевов трав, то Н.С. Хрущев настаивал на отказе от них. Посевы трав предлагалось заменить зерновыми культурами, в том числе кукурузой. Ставка делалась на использование минеральных удобрений [1, с. 212–217; 5, с. 89].

¹ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 20 апреля 1940 г. «О дальнейшем подъеме зернового хозяйства в колхозах и совхозах восточных районов СССР: Алтайского и Красноярского краев, Новосибирской, Омской, Челябинской областей; Акмолинской, Павлодарской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей» [2, с. 749–752].

² Постановление Совета Министров СССР от 26 декабря 1946 г. «О расширении посевных площадей и повышении урожайности зерновых культур и особенно яровой пшеницы в восточных районах СССР» [3, с. 368–379].

Т а б л и ц а 1

Вспашка целинных и залежных земель в 1954–1960 гг. (в хозяйствах всех категорий), тыс. га

Регион	1954 г.	1955 г.	1954–1955 гг.	1956–1960 гг.	1954–1960 гг.
СССР	17 198	12 555	29 753	12 083	41 836
Казахская ССР	8531	9436	17 967	7517	25 484
РСФСР	8667	3119	11 786	4566	16 352
Урал	1827	681	2508	417	2925
Поволжье	1203	695	1898	431	2329
Сибирь	5303	1570	6873	3433	10 306
Западная Сибирь	4337	1057	5394	1560	6954
Восточная Сибирь	966	513	1479	1873	3352
Амурская область	203	82	285	507	792

Источники: Народное хозяйство СССР в 1956 г.: стат. сб. М., 1957. С. 127; Народное хозяйство РСФСР: стат. сб. М., 1957. С. 182; Народное хозяйство РСФСР в 1960 г.: стат. ежегод. М., 1961. С. 195; Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель: сб. док. М., 1979. С. 418.

Примечание. В табл. 1–3 Западная Сибирь включает Алтайский край, Омскую, Новосибирскую, Кемеровскую, Томскую и Тюменскую области; Восточная Сибирь – Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области, Бурятию, Туву.

Согласно записке Н.С. Хрущева машинно-тракторные станции (МТС) и совхозы целинных районов должны были получить большое количество техники. На новых землях планировалось развернуть строительство значительного количества зерновых совхозов с благоустроенными поселками. Источниками пополнения трудовых ресурсов в целинных областях становился организованный набор добровольцев из различных отраслей народного хозяйства. Авангардом движения за подъем целины должна была стать комсомольская молодежь [5, с. 90–92].

Целинная программа была директивно оформлена в постановлении пленума ЦК КПСС от 2 марта 1954 г. «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель» [6, с. 160–191]. В нем воспроизводились установки упомянутой выше записки Н.С. Хрущева. В районах Казахстана, Урала, Сибири предстояло в течение двух лет освоить 13 млн га целины и залежи и получить с них 18–19 млн т хлеба, в том числе товарного – 13–14 млн т. Хлебозаготовки должны были увеличить на 30–40 % относительно уровня 1953 г.

Принятие решения об освоении целинных и залежных земель было большой политической победой Н.С. Хрущева, свидетельством чему являлось отстранение от работы Ж.Ш. Шаяхметова. Первым секретарем ЦК Компартии Казахской ССР стал П.К. Пономаренко, вторым – Л.И. Брежнев.

Реализация «целинного проекта» превратилось в хозяйственно-политическую кампанию, имевшую общенациональные масштабы и существенные последствия. На целинные и залежные земли СССР по комсомольским путевкам приехали около полу-миллиона человек, из них 350 тыс. – в первые три года кампании. Около 200 тыс. юношей и девушек прибыло в Казахскую ССР. На целинные земли Сибири в этот период направили 130 тыс. чел. [7, с. 253; 8, с. 99].

В 1954–1956 гг. совхозам и МТС, осваивавшим новые земли, было отгружено более 200 тыс. тракто-

ров, или треть от их поставок всему сельскому хозяйству за это время [9, с. 222]. В сельском хозяйстве Западной Сибири за четыре года кампании тракторный парк увеличился в 1,5 раза, зернокомбайновый – в 2 раза; в Казахской ССР – в 3 и 4 раза соответственно³.

На целинных землях развернулось строительство зерновых совхозов. Весной 1955 г. в СССР функционировало уже 425 таких сельхозпредприятий, в том числе в Казахской ССР – 337, в РСФСР – 88 [10, с. 185]. В Алтайском крае организовали 22 целинных совхоза, в Омской области – 11, в Новосибирской области – 8, в Красноярском крае – 5. Новые государственные хозяйства создавались не только на пустовавших земельных массивах, но и на неиспользуемых для производства зерна целинных и залежных землях колхозов [11, с. 147].

План распахки (13 млн га) был перевыполнен уже в первый год кампании, в СССР было поднято 17,2 млн га целины и залежей. Удалось собрать хороший урожай. В связи с этим к 1956 г. посев зерновых культур на новых землях было решено довести до 30 млн га. Эта задача была выполнена. Освоение целины продолжилось. В итоге к 1960 г. в СССР распахали 41,8 млн га пустующих земельных массивов, в том числе 25,4 млн га в Казахской ССР и 10,3 млн га в Сибири (6,9 млн га – в Западной и 3,3 млн га – в Восточной) (табл. 1). Если в 1953 г. в Казахской ССР зерновые культуры выращивали на 7 млн га пашни, то в 1960 г. – на 21,9 млн га, а в Западной Сибири соответственно на 9,3 и 13,6 млн, в Восточной – на 3,5 и 4,9 млн га (табл. 2).

Объемы производства зерна в середине 1950-х гг. значительно увеличились. В Западной Сибири в 1954–1958 гг. они выросли относительно предшествовавшего пятилетия в 2,2 раза, в Восточной – в 1,5 раза (с 2,8 до 4,4 млн т)⁴. В Казахской ССР зерновое производство увеличивалось более быстрыми темпами. Сборы зерна здесь поднялись в 3,5 раза соответственно (табл. 3).

³ Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 411–414.

⁴ Там же. С. 226–227.

Т а б л и ц а 2

**Посевные площади зерновых культур в Казахстане и Сибири в 1953–2015 гг.
(в хозяйствах всех категорий), млн га**

Год	Казахстан	Западная Сибирь	Восточная Сибирь
1953	7,02	9,37	3,50
1960	21,93	13,59	4,89
1965	24,29	13,35	5,03
1975	25,56	12,02	5,38
1985	25,12	10,74	4,55
1990	23,35	9,96	4,12
1997	15,65	8,81	3,00
2010	16,62	8,28	1,57
2015	14,98	8,56	1,66

Источники: Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1960. С. 147; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 115; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 64; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1998. С. 203; Народное хозяйство СССР в 1975 г.: стат. ежегод. М., 1976. С. 352; Народное хозяйство СССР в 1985 г.: стат. ежегод. М., 1986. С. 208; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегод. М., 1991. URL: <http://istmat.info/node/486> (дата обращения: 03.03.2017); Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: стат. ежегод. М., 1976. С. 171; Экспертно-аналитический центр агробизнеса. URL: <http://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-regionov-rossii> (дата обращения: 03.03.2017); *Есайдар У.С.* Развитие зернового производства в Казахстане // Проблемы агрорынка. 2015. № 4. С. 88; Казах-зерно. Новости и аналитика зерновых культур. URL: <http://www.kazakh-zerno.kz> (дата обращения 03.03.2017).

Примечание. Зерновые посевы в Казахстане за 1997, 2010 и 2015 гг. представлены вместе с посевами риса и зернобобовых культур.

Т а б л и ц а 3

**Валовое производство зерновых в Казахстане и Сибири в 1949–2015 гг. по пятилетиям
(в хозяйствах всех категорий, в среднем за год), тыс. т**

Годы	Казахстан		Западная Сибирь	
	В весе до доработки	В весе после доработки	В весе до доработки	В весе после доработки
1949–1953	3942	—	5987	—
1954–1958	13 760	—	13 567	—
1959–1963	15 768	—	11 205	—
1961–1965	14 502	—	9588	—
1966–1970	20 652	—	13 415	—
1971–1975	21 662	—	15 409	14 315
1976–1980	27 497	—	15 204	13 928
1981–1985	21 321	—	13 531	12 330
1986–1990	—	24 100	—	13 031
1991–1995	—	н.св.	—	10 714
1996–2000	—	11 180	—	9075
2001–2005	—	14 556	—	11 752
2006–2010	—	15 048	—	12 812
2011–2015	—	18 777	—	11 573

Источники: Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 226–227; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 154–155; Сельское хозяйство СССР. М., 1988. С. 129, 132; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. сб. URL: <http://istmat.info/node/486> (дата обращения: 09.03.2017); Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz> (дата обращения: 09.03.2017); *Кайгородцев А.А.* Экономическая и продовольственная безопасность Казахстана (вопросы теории, методологии и практики). URL: <https://refdb.ru/look/2320007-pall.html> (дата обращения: 11.03.2017); Российский статистический ежегодник. 2000 г. М., 2000. С. 375; Российский статистический ежегодник. 2001 г. М., 2001. С. 408; Российский статистический ежегодник. 2010 г. М., 2010. С. 434; Российский статистический ежегодник. 2011 г. М., 2011. С. 420; Российский статистический ежегодник. 2014 г. М., 2014. С. 382; Российский статистический ежегодник. 2016 г. М., 2016. С. 391.

Примечание. Валовое производство зерна в Казахстане за 1991–2015 гг. представлено вместе с рисом и бобовыми культурами.

В середине 1950-х гг. от подъема целинных и залежных земель в Сибири была получена финансовая выгода. По данным Л.Н. Ульянова, за первые пять лет сибирская целина дала чистый доход государству в 10 млрд руб. На ее освоение было потрачено примерно 14 млрд руб., доход от зерна составил 24,7 млрд руб. [12, с. 66]. Целинная кампания в Казахстане принесла убытки. В 1954–1957 гг. затраты на ее проведение в основном были связаны со строительством практически с нуля большого количества совхозов. Их создание в эти годы могло быстро окупиться при урожайности полей в 14–15 ц/га, но в первые годы кампании с каждого гектара совхозной пашни в среднем было получено 6,4 ц зерна. В 1954–1957 гг. в Казахской ССР вернуть удалось только 17 % средств, потраченных на совхозное строительство [11, с. 150].

В целом условия для сохранения высокого уровня производительности зернового хозяйства на новых землях созданы не были. Сформировать здесь соразмерную достигнутым масштабам производства хозяйственную и социальную инфраструктуру в сжатые сроки не удалось, что привело к большим потерям технических и трудовых ресурсов. Массовый отток населения с целины начался уже в 1956 г. Из сельхозоборота выводились сотни тысяч гектаров вновь вспаханных земель. Немалую их часть составляли малопригодные для обработки почвы, поднятые в период «натиска на целину». Потеряно было и немало зерна. В связи с нехваткой складов и элеваторов хлеб свозился во временные хранилища, где портился и расхищался.

Игнорировались основы почвозащитной агротехники. Известные советские ученые – новатор сельского хозяйства Т.С. Мальцев, директор Казахского института зернового хозяйства А.И. Бараев, директор Почвенно-агрономической станции М.Г. Чижевский – предупреждали об опасности скоропалительного отказа от паров и посевов трав. Но Н.С. Хрущев слушал не их, а академика Т.Д. Лысенко, который не видел в этом опасности. Мало того, вместо щадящей поверхностной обработки почвы, о которой говорил Т.С. Мальцев, Т.Д. Лысенко предлагать пахать целину глубоко, переворачивая пласт. В результате отказа от почвозащитных технологий, насаждения экспериментов с пропашной системой земледелия, кукурузой и по-прежнему недостаточного использования минеральных удобрений вновь освоенные земли стали эродировать. Широкое распространение получила вредоносная флора и фауна.

В начале 1960-х гг. темпы роста производства зерна снизились. В 1961–1965 гг. в Казахской ССР валовые сборы хлеба уменьшились по сравнению с уровнем 1956–1960 гг. на 23 % (18,8 млн и 14,5 млн т), в Западной Сибири – на 35 % (14,7 млн и 9,5 млн т). Для Западной Сибири самым неурожайным оказался 1963 г., когда хозяйствам удалось собрать с полей только 4,9 млн т зерна⁵. В Алтайском крае в этом году

«пыльные бури» уничтожили и сильно повредили 658 тыс. га пашни (20 % ее общей площади), в том числе 583 тыс. га зерновых посевов [13, с. 113–114]. Низкий урожай хлебов (6,4 млн т) был получен в Западной Сибири и в 1965 г. В Казахской ССР в этом году собрали только 7,6 млн т зерна – наименьший объем за десятилетие. В Восточной Сибири производство хлеба отличалось стабильностью. В 1955–1965 гг. его валовые сборы колебались в пределах 4,1 млн – 4,9 млн т⁶. В целом в начале 1960-х гг. потребности страны в хлебе полностью не были удовлетворены. С 1963 г. дефицит зерна восполнялся за счет его ввоза из-за границы.

Качество целинного зерна оказалось низким, существенная его часть не могла использоваться для выработки высших сортов муки, отгрузки на экспорт, закладки в госрезервы и в семенные фонды. Много было зерна порушенного, влажного, с примесью сорняков. Во многих целинных регионах Сибири из-за дефицита качественной муки хлебопеки недовыполняли план по ассортименту продукции, с прилавков магазинов исчезали хлеб высших сортов, макаронные и кондитерские изделия. Министерство хлебопродуктов добивалось санкции на производство хлебобулочной продукции с добавлением муки из сорного зерна. Выпеченный с ее примесью хлеб при этом не должен был реализовываться в Москве и Ленинграде [13, с. 126–134].

Рост производства зерновых культур в середине 1950-х гг. обеспечивался в основном за счет увеличения валовых сборов пшеницы. Ее доля в общих зернопоставках возрастала. В то же время объемы поступления в государственные фонды зернофуражных культур и круп снижались. Нехватка кормового зерна негативно отражалась на развитии животноводства [13, с. 127–128]. При этом попытки пополнить зернофуражные фонды за счет кукурузы провалились.

Освоение целинных и залежных земель во второй половине 1950-х гг., по сути дела, являлось чрезвычайной мобилизационной хозяйственно-политической акцией, рассчитанной на быстрый результат, на немедленное получение большого количества дешевого зерна. И целина была распахана, и хлеб был получен. Краткосрочные итоги кампании впечатляли. Количественные показатели развития целинного земледелия были довольно высокими, чего нельзя сказать о его качественных характеристиках, крайне важных для закрепления достигнутых успехов. Поэтому в среднесрочной перспективе мобилизационное освоение целинных и залежных земель не обеспечило бескризисного развития сельского хозяйства. Негативные явления в целинном земледелии пришлось преодолевать в рамках реализации долгосрочной и дорогостоящей программы интенсификации сельского хозяйства, разработанной в последние годы правления Н.С. Хрущева.

Рассмотрение результатов целинной кампании, исходя из реалий сегодняшнего дня, позволяет сде-

⁵ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 226–227; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1971. С. 154–155.

⁶ Сельское хозяйство СССР. М., 1960. С. 226–227; Сельское хозяйство СССР. М., 1971. С. 154–155.

лать вывод о том, что для юго-восточных национальных окраин страны, в первую очередь для Казахстана, данная акция стала настоящим мотором социально-экономического развития, ускорила модернизацию общества.

В 1960–1980-е гг. зерновые посевы в Казахстане оставались примерно на одном уровне (в среднем 24 млн га), при этом валовые сборы хлеба возрастали, что свидетельствовало о повышении урожайности полей, интенсификации производства. После 1991 г. посевные площади зерновых культур стали стремительно сокращаться. К 1997 г. они уменьшились относительно 1990 г. на 33 %, к 2015 г. – на 36 %. Валовые сборы хлеба сначала существенно уменьшились (в 1996–2000 гг. они были меньше, чем в 1986–1990 гг., на 53 %), а затем начался рост производства зерна (в 2011–2015 гг. – меньше, уже соответственно на 22 %), однако уровень последней советской пятилетки не был достигнут. Но даже ощутимо понизившись, валовые сборы хлеба в настоящее время превосходят показатели второй половины 1950-х – первой половины 1970-х гг. (с учетом того, что в настоящее время принимается во внимание только подработанное, т.е. очищенное и просушенное зерно). Посевы зерновых при этом не увеличиваются (см. табл. 2 и 3). Значительная часть хлеба идет на экспорт. По прогнозам экспертов, в 2016/2017 маркетинговом году из Казахстана будет вывезено 9 млн т зерна, т.е. 43 % к его валовому сбору 2016 г. (20,6 млн т)⁷.

В Сибири иная ситуация: в долгосрочной перспективе целина дала ей меньше, чем Казахстану. В Западной Сибири зерновые посевы стали сокращаться сразу после завершения массовой распашки целинных и залежных земель и к 2015 г. достигли 8,5 млн га, что меньше, чем в 1960 г. (13,6 млн га), на 38 %, и чем в 1990 г. (9,9 млн га), на 25 %. В Восточной Сибири резкое сокращение посевов наблюдалось в постсоветский период. В 2011–2015 гг. валовые сборы зерна в Западной Сибири находились примерно на уровне второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. (см. табл. 2 и 3).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1967. Т. 2, кн. 2.
3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). М., 1968. Т. 3. 750 с.
4. Пивоваров Н.Ю. Страсти по целине: политическая борьба вокруг целинного проекта в июле 1953 – феврале 1954 гг. // После Сталина. Реформы 1950-х гг. в контексте советской и постсоветской истории: Материалы VIII Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 15–17 окт. 2015 г. М., 2016.

⁷ Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz> (дата обращения: 09.03.2017); 9 млн т зерна экспортирует Казахстан в 2016–2017 маркетинговом году – Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан. URL: <http://www.ratel.kz> (дата обращения: 29.03.2017).

5. Хрущёв Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1962. Т. 1: Сентябрь 1953 года – январь 1955 года. 495 с.
6. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1958. Т. 4. 864 с.
7. История Сибири. Л.: Наука, 1969. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму. 470 с.
8. Ульянов Л.Н. В борьбе за освоение целины. Работа партийных организаций по освоению целинных и залежных земель Западной Сибири. М., 1959. 186 с.
9. История советского крестьянства. М.: Наука, 1988. Т. 4: Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945 – конец 50-х гг. 499 с.
10. Богденко М.Л., Зеленин И.Е. Совхозы СССР: краткий исторический очерк. М., 1976. 279 с.
11. Андреев С.Н. Колхозно-совхозная система в Сибири в 1946–1964 гг.: функционирование и реформирование. Новосибирск: Сибпринт, 2016. 256 с.
12. Ульянов Л.Н. Освоение сибирской целины и влияние ее на развитие края // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1979 г.: сб. науч. тр. Новосибирск, 1979. С. 59–69.
13. Андреев С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2007. 212 с.

REFERENCES

1. Projects of the agrarian system transformation in Siberia in the XX century: the choice of modernization ways and methods. Novosibirsk: Sibprint, 2015, 298 p. (In Russ.)
2. Decisions of the party and government on economic issues (1917–1967). Moscow, 1967, vol. 2, bk 2. (In Russ.)
3. Decisions of the party and government on economic issues (1917–1967). Moscow, 1968, vol. 3, 750 p. (In Russ.)
4. Pivovarov N.Yu. Passions on the virgin land: political struggle around the virgin project in July 1953 – February 1954. *Posle Stalina. Reformy 1950-kh v kontekste sovetskoi i postsovetskoi istorii: materialy VIII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 15–17 oktyabrya 2015 g.* Moscow, 2016. (In Russ.)
5. Khrushchev N.S. Communism construction in the USSR and the agriculture development. Moscow, 1962, vol. 1: September 1953 – January 1955. 495 p. (In Russ.)
6. Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues (1917–1957). Moscow, 1958, vol. 4, 864 p. (In Russ.)
7. The History of Siberia. Leningrad: Nauka, 1969, vol. 5: Siberia in the period of the socialism construction completion and transition to communism, 470 p. (In Russ.)
8. Ul'yanov L.N. In the struggle for the virgin lands development. The party organizations activity to develop virgin and fallow lands in West Siberia. Moscow, 1959, 186 p. (In Russ.)
9. History of the Soviet peasantry. Moscow, Nauka, 1988, vol. 4: The peasantry during the socialist society consolidation and development. 1945 – late 50s, 499 p. (In Russ.)
10. Bogdenko M.L., Zelenin I.E. State farms of the USSR: a brief historical essay. Moscow, 1976, 279 p. (In Russ.)
11. Andreenkov S.N. The collective farm and state farm system in Siberia in 1946–1964: functioning and reforming. Novosibirsk: Sibprint, 2016, 256 p. (In Russ.)
12. Ul'yanov L.N. Exploring Siberian virgin lands and its effect on the province development. *Khoyzaistvennoe osvoenie Sibiri i rost eyo narodonaseleniya (XVIII–XX vv.): Bakhrushinskije chteniya 1979 g.* Novosibirsk, 1979, pp. 59–69. (In Russ.)
13. Andreenkov S.N. Agrarian transformations in West Siberia in 1953–1964. Novosibirsk: NGU, 2007, 212 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 03.04.2017

DOI: 10.15372/HSS20170219
УДК 061.62:621(571.14)

Н.А. КУПЕРШТОХ¹, И.А. КРАЙНЕВА²

ИСТОРИЯ НОВОСИБИРСКОГО ИНСТИТУТА РАДИОФИЗИКИ И ЭЛЕКТРОНИКИ (1957–1964 гг.)*

¹Институт истории СО РАН,

РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, 8

²Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН,

РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. ак. Лаврентьева, 6

В статье воссоздана краткая история Института радиофизики и электроники (ИРЭ) СО АН СССР в 1957–1964 гг. С появлением в Новосибирске в начале 1950-х гг. выдающегося физика-теоретика Ю.Б. Румера возникли реальные предпосылки для создания первого в Западной Сибири академического института физического профиля. Он был организован в январе 1957 г. в составе Западно-Сибирского филиала АН СССР. В мае 1957 г. ИРЭ вместе с другими институтами филиала вошел в Сибирское отделение АН СССР. Рассмотрены проблемы формирования кадрового потенциала института, его научных направлений и экспериментальной базы. Проанализированы причины реорганизации института в 1964 г. Показано значение научного потенциала, накопленного в ИРЭ, для дальнейшего развития научных направлений в институтах СО АН СССР и других научных центрах.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Западно-Сибирский филиал, Сибирское отделение, отдел технической физики, Институт радиофизики и электроники, профессор Г.В. Кривошеков, профессор Ю.Б. Румер.

N.A. KUPERSHTOKH¹, I.A. KRAINEVA²

HISTORY OF THE NOVOSIBIRSK INSTITUTE OF RADIOPHYSICS AND ELECTRONICS (1957–1964)

¹Institute of History SB RAS,

8, Acad. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 6300090, Russia

²A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS,

6, Acad. Lavrentiev Av., Novosibirsk, 6300090, Russia

The paper reconstructs the history of the Institute of Radiophysics and Electronics of Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in Novosibirsk in 1957–1964. The formation of the Institute of Radiophysics and Electronics dates back to the mid-1940s, when a sector, and later a department, of Technical Physics in the structure of the West Siberian Branch (WSB) of the USSR Academy of Sciences led by Prof. G.V. Krivoshechekov was organized. The Department was focused on solving the problems of the rapidly growing industrial potential of Siberia. Yu. B. Rumer, an outstanding theoretical physicist, who moved to Novosibirsk in 1950, contributed greatly to the development of physics fundamental research. In 1957, the Institute of Radiophysics and Electronics was created as a part of WSB. Yu. B. Rumer was its director from 1957 to 1964. It is concluded that after organizing the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences the growth rate of the personnel potential of the Institute of Radiophysics and Electronics increased substantially and important results were obtained in a number of academic fields. The resource base of the Institute became much stronger, and new equipment was purchased. At the same time, a complex of subjective and objective factors caused the Institute reorganization in 1964. The paper shows the research potential significance of the Institute of Radiophysics and Electronics for the further development of scientific fields in institutions of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and other research centers. Despite the

*Опубликовано по: Комплексная программа СО РАН II.2П. Проект «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе».

Наталья Александровна Куперштох – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: nataly.kuper@gmail.com

Ирина Александровна Крайнева – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН, e-mail: cora@iis.nsk.su

Natalya A. Kupershtokh – Candidate of Historical Science, senior researcher, Institute of History SB RAS

Irina A. Krayneva – Candidate of Historical Science, senior researcher, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS

fact that the Institute of Radiophysics and Electronics had existed only for seven years, it left a notable mark in the history of the Russian academic science. The scientists of the Institute of Radiophysics and Electronics were the founders of new scientific trends, they obtained world-class results and were awarded prestigious prizes and tributes. Further studies are required to find out, whether there was an opportunity to preserve the Institute of Radiophysics and Electronics as an independent institution.

Key words: Russian Academy of Sciences, West Siberian Branch, Siberian Branch, Department of Technical Physics, Institute of Radiophysics and Electronics, Professor G.V. Krivoshchekov, Professor Yu. B. Rumer.

Единственный в Западной Сибири институт физического профиля в «досоановский» период был организован в январе 1957 г. История новосибирского Института радиофизики и электроники (ИРЭ) рассматривалась в ряде работ [1; 2; 3; 4; 5], однако до воссоздания его полновесной деятельности пока далеко. В последние годы наметились определенные перспективы в изучении данной проблемы. В процессе работы над монографией о Ю.Б. Румере [6] выявлены новые документы в центральных и местных архивах. В Научном архиве СО РАН существует фонд ИРЭ, документы которого практически не введены в научный оборот.

Цель статьи – воссоздать краткую историю Института радиофизики и электроники СО АН СССР в 1957–1964 гг. на основе новых источников, показать причины его реорганизации, а также значение потенциала ИРЭ для дальнейшего развития новых научных направлений, основоположниками которых стали его научные сотрудники.

В 1946 г. в составе Западно-Сибирского филиала (ЗСФ) АН СССР был организован сектор физики, вскоре переименованный в сектор технической физики. Руководители ЗСФ констатировали, что «в настоящее время физика – одна из ведущих отраслей науки, почти не представлена в филиале». В 1950 г. в составе сектора действовали всего две лаборатории – электрофизики и технической электроники, а также кабинет физических методов¹. Формирование сектора проходило с большим трудом из-за дефицита кадров. Направленный Советом филиалов АН СССР в качестве руководителя канд. физ.-мат. наук И.Г. Гурвич в октябре 1951 г. был освобожден от занимаемой должности как «не отвечающий необходимым деловым требованиям и не внушающий доверия»².

Между тем промышленность Новосибирска остро нуждалась в разработках по радиофизике и электронике сверхвысоких частот. Большую роль в развитии сектора, а затем отдела технической физики (ОТФ) сыграл его руководитель Георгий Васильевич Кривошечков (1918–1998). Он пришел в ЗСФ с оборонного предприятия³, в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, начал активно формировать коллектив отдела и его производственную инфраструктуру, организовал кафедру общей физики в Новосибирском электротехническом институте связи. Среди первых сотрудников ОТФ – Н.В. Вахмянин, А.И. Щекотов, А.Ф. Рогожников, И.И. Капралов.

В 1954 г. заведующим ОТФ назначен Юрий Борисович Румер (1901–1985). Для того чтобы понять, какого масштаба ученый оказался в Новосибирске, необходимо обратиться к его биографии. В 1924 г. Ю.Б. Румер окончил физико-математический факультет МГУ. Блестящее знание современной математики позволило ему в конце 1920-х гг. стать ассистентом школы теоретической физики Макса Борна в Геттингене. После возвращения в Москву Ю.Б. Румер читал в МГУ курсы лекций по квантовой механике, электронной теории, теоретической механике⁴. Работая в Физическом институте АН СССР (ФИАН), издал монографии «Введение в волновую механику (1935 г.) и «Спинорный анализ» (1936 г.), стал ведущим специалистом теоретической физики в СССР. В соавторстве с Л.Д. Ландау опубликовал несколько классических работ, в том числе научно-популярную книгу «Что такое теория относительности», изданную более чем на 20 языках мира.

После ареста в 1938 г. Ю.Б. Румер работал в «шарагах» (закрытых КБ) по различным проблемам, подготовил цикл работ по пятимерному обобщению теории относительности (пятиоптике). В 1948–1950 гг. ученый находился в ссылке в Енисейске, откуда благодаря усилиям его коллег и президента АН СССР С.И. Вавилова был переведен в Новосибирск. В декабре 1952 г. в Академии наук была организована дискуссия по пятиоптике с участием ведущих физиков страны, по результатам которой Ю.Б. Румеру предложили выбрать место работы. Он выбрал Новосибирск.

После смерти Сталина в 1953 г. Ю.Б. Румер был реабилитирован и восстановлен в звании профессора и ученой степени д-ра физ.-мат. наук. По ходатайству академиков Л.Д. Ландау, М.В. Келдыша, Б.С. Стечкина, И.Е. Тамма 28 марта 1953 г. он принят на работу в ЗСФ⁵, а в 1954 г. возглавил ОТФ и развернул исследования в области теоретической физики, установив научные связи с ведущими институтами АН СССР. В 1955 г. профессор Румер возглавил кафедру теоретической физики и астрономии в Новосибирском педагогическом институте, где читал лекции до конца 1962 г.⁶, затем продолжил преподавательскую деятельность в Новосибирском государственном университете. А.В. Чаплик вспоминал, что с появлением Ю.Б. Румера Новосибирск стал мощным центром притяжения для молодежи из различных городов Советского Союза [4, с. 69]. Первыми сотрудниками лаборатории теоретической физики являлись Ф.Р. Улинич и М.Я. Минц

¹ Научный архив СО РАН (НАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 905. Л. 6–10.

² НАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 579. Л. 6.

³ Куперитов Н.А., Мягков В.П. «Отец квантовой электроники за Уралом» // Наука в Сибири. 2008. 4 дек.

⁴ Архив МГУ. Ф. 46. Оп. 1-л. Д. 217а. Л. 11.

⁵ НАСО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1848. Оп. 1. Д. 59. Л. 36.

из Харькова; С.К. Саввиных и В.А. Топоногов из Томска и др., среди первых аспирантов ОТФ были П.А. Бородавский, В.Л. Покровский, Ю.В. Троицкий [4, с. 23]. Научная активность Румера и его учеников позволила говорить о становлении школы теоретической физики в Новосибирске [6, с. 268, 277].

В 1955 г. руководители ЗСФ поставили вопрос о создании на базе ОТФ Института физики⁷, однако Совет филиалов АН СССР признал вопрос преждевременным⁸. Итогом активного диалога руководства ЗСФ с Академией наук явилось постановление Президиума АН СССР о создании ИРЭ в январе 1957 г. во главе с Ю.Б. Румером. Содействие в его организации оказали московские академики М.А. Лаврентьев, Л.А. Арцимович, В.А. Котельников и др., а также руководитель ЗСФ Т.Ф. Горбачев. В феврале 1957 г. директор ИРЭ Румер рассказал о задачах нового института в прессе: «Институт позволит сосредоточить усилия ученых и материальные ресурсы на разработке наиболее актуальных проблем радиоэлектроники и обеспечить подготовку специалистов в области теоретической физики и радиоэлектроники»⁹. Намеченная структура ИРЭ из пяти лабораторий – теоретической физики, электроники, сверхвысоких частот, катодной электроники, физики газового разряда – должна была обеспечить реализацию поставленных задач¹⁰.

В мае 1957 г. организовано Сибирское отделение АН СССР, и уже в 1958 г. институты ЗСФ вошли в его состав. Финансирование СО АН по развитию институтов было несопоставимым со скромным бюджетом ЗСФ. Численность кадров в ИРЭ увеличилась (от 77 чел. в 1958 г. до 389 чел. в 1962 г.)¹¹, расширились возможности привлечения специалистов из других организаций (Г.Ф. Поляков, Н.И. Макрушин, В.В. Артемьев, В.А. Смирнов, Н.И. Кабанов, Р.В. Гострем и др.), для подготовки кадров через аспирантуру и т.п. Для института было построено пятиэтажное здание на ул. Мичурина, 23 (к 100-летию со дня рождения Ю.Б. Румера на этом здании установлена мемориальная доска).

В 1961 г. в ИРЭ действовали три отдела: электроники СВЧ (Г.В. Кривощёков) в составе четырех лабораторий; радиосвязи (В.А. Смирнов) в составе пяти лабораторий; ядерной электроники (Р.В. Гострем) в составе трех лабораторий; лаборатория теоретической физики (В.Л. Покровский); лаборатория физики газового разряда (И.И. Капралов)¹². Структура института оставалась подвижной. В отделе Г.В. Кривощёкова была организована лаборатория Ю.В. Троицкого¹³, который вспоминал, что «Г.В. Кривощёков предложил нашей группе заняться квантовыми ге-

нераторами оптического диапазона, которые только что появились. Мы должны были специализироваться на газовых лазерах»¹⁴. Лаборатория физики газового разряда во главе с И.И. Капраловым в 1961 г. была передана в состав Института автоматики и электрометрии (ИАиЭ).

Под прибывших «высоких гостей» из Москвы В.А. Смирнова и Р.В. Гострема по решению Президиума СО АН СССР организованы отделы, которые стали претендовать на приоритетное финансирование. Амбиции В.А. Смирнова (до приезда в Новосибирск он возглавлял подмосковный НИИ связи) создать полигон для космической связи в итоге привели к выделению отдела из состава ИРЭ. По решению бюро Президиума СО АН от 27 февраля 1962 г. отдел В.А. Смирнова перешел в подчинение Президиума и Проблемного совета. ИРЭ обязали выделить отделу радиосвязи финансирование в размере 151,4 тыс. руб., 57 штатных единиц, оборудование, а также предоставить возможность пользоваться экспериментальной базой института¹⁵.

Р.В. Гострем в 1959–1960 гг. работал в МАГАТЭ в Австрии и оказался в институте по рекомендации М.А. Лаврентьева, хотя его научная тематика находилась в русле ИЯФ. Отдел ядерной электроники, несмотря на заявленные широкомасштабные планы исследований, на практике выдавал скромные результаты, что и стало причиной его реорганизации. На развитие отделов В.А. Смирнова и Р.В. Гострема ИРЭ выделил значительные ресурсы и кадры, однако в силу разных причин отделы прекратили свое существование, а их руководители покинули Новосибирск. Деятельность В.А. Смирнова и Р.В. Гострема в ИРЭ сопровождалась конфликтными ситуациями, которые не могли не сказаться на имидже института.

В то же время инициативы ИРЭ по развитию некоторых перспективных направлений реализовать не удалось. Открытие в 1947 г. полупроводникового транзистора означало новую эру в развитии науки и техники, проблемы полупроводников активно изучали как академические, так и отраслевые институты. В ФИАН под руководством академика С.И. Вавилова были организованы исследования, в которых принимал участие А.В. Ржанов (1920–2000). Он открыл пьезоэффект поляризованных керамических образцов титана бария, что совершило революцию в гидролокации и других областях техники, создал первый в СССР германиевый транзистор, разработал физические основы его технологии, в 1961 г. защитил докторскую диссертацию [7, с. 218–219].

В ИРЭ неоднократно обращались специалисты с заводов с просьбой обеспечить научное сопровождение набиравшего темпы производства полупроводниковых приборов¹⁶. В сентябре 1961 г. Ю.Б. Румер обратился к М.А. Лаврентьеву с просьбой создать

⁷ НАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 905. Л. 67, 69.

⁸ Там же. Д. 901. Л. 4–6.

⁹ Румер Ю.Б. Создан новый институт // Советская Сибирь, 1957. 2 февр.

¹⁰ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 45. Л. 29.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Там же. Л. 11.

¹⁴ Воспоминания Ю.В. Троицкого // Личный архив В.П. Мягкова. Документы переданы авторам статьи И.В. Мягковой.

¹⁵ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 51. Л. 5.

¹⁶ Там же. Ф. 15. Оп. 1. Д. 26. Л. 1; Д. 29. Л. 4–5.

в институте отдел физики полупроводников как естественное продолжение исследований на стыке квантовой физики и радиоэлектроники¹⁷. Возглавить его должен был д-р техн. наук В.А. Преснов из Томского государственного университета, однако М.А. Лаврентьев не разрешил организацию нового отдела [4, с. 31]. Не поддержала Румера и высокая комиссия АН СССР, проверявшая работу института. Не поддержала потому, что в 1962 г. в Новосибирске был организован Институт физики твердого тела и полупроводниковой электроники (ИФТТиПЭ) во главе с А.В. Ржановым, избранным в том же году членом-корреспондентом АН СССР на вакансию Сибирского отделения.

Интересы коллектива ИРЭ было бы проще защищать директору с академическим статусом. Попытки Ю.Б. Румера баллотироваться в члены Академии наук СССР в 1958 и 1962 гг. не увенчались успехом, прежде всего из-за настороженного отношения ряда академиков к исследованиям по пятиоптике. По мнению экспертов, работы Ю.Б. Румера по пятиоптике опередили свое время. Только в 1980-е гг. была осознана применимость многомерных теорий для описания не только электромагнитного, но и других взаимодействий [8, с. 303].

За семь лет своего существования ИРЭ получил крупные результаты по нескольким направлениям. Для того чтобы обеспечить интеграцию физиков-теоретиков и радиофизиков, была начата разработка теории электромагнитных волноводов. Исследования представляли интерес не столько для физики волноводов, сколько для релятивистской квантовой механики [4, с. 70]. Под руководством Ю.Б. Румера и В.Л. Покровского получены результаты мирового уровня в квантовой и классической механике (А.М. Дыхне, С.К. Саввиных, Ф.Р. Улинич), теории сверхпроводимости (В.Л. Покровский, М.С. Рывкин), электродинамике (А.М. Дыхне, И.А. Гилинский, А.П. Казанцев, С.К. Саввиных) [6, с. 274].

Созданный в ИРЭ первый в Сибири газовый лазер означал переход от молекулярных СВЧ-генераторов к оптическим квантовым генераторам, при этом ключевую роль в становлении квантовой электроники сыграл Г.В. Кривошёков. В дальнейшем стало ясно, что открытие и создание лазеров – крупнейшее достижение науки XX столетия [4, с. 28]. Среди пионерных исследований ИРЭ следует отметить работы П.А. Бородавского по применению гармонических колебаний электронов для генерации СВЧ, исследования Ю.В. Троицкого о влиянии магнитного поля на параметры электронных пушек в приборах СВЧ, результаты В.П. Чеботаева по исследованию СВЧ-генератора с тормозящим полем и др.

Тем не менее руководством СО АН высказывались суждения, что работы ИРЭ по электронике СВЧ больше соответствуют тематике отраслевого НИУ. В 1963 г. Сибирское отделение под предлогом освобождения от прикладной тематики передало в раз-

личные ведомства несколько институтов. Вполне возможно, что такая же участь ожидала ИРЭ, учитывая отношение М.А. Лаврентьева к институту. Как подметил Ю.В. Троицкий, «мы были “не его”, возникли давно и спонтанно, на основе местных кадров, без рекомендации людей, которым бы он доверял»¹⁸. Ю.Б. Румер видел причину “нелюбви” к институту в своих слабых менеджерских способностях: «Конечно, это была ошибка, что я согласился стать директором, и лаврентьевская была ошибка» [6, с. 72]. Точка зрения ряда авторов, что Румер решился на реорганизацию ИРЭ только потому, что его тяготили административные обязанности, представляется не совсем правомерной. На наш взгляд, в сентябре 1963 г. Ю.Б. Румер предложил объединить ИРЭ с институтом А.В. Ржанова, чтобы сохранить кадры и научные направления в Академии наук. Предполагалось, что объединенный институт будет заниматься изучением квантовых эффектов при взаимодействии электромагнитных волн с твердым веществом. Реакция М.А. Лаврентьева на предложение объединить институты была положительной. Но, как оказалось, концепцию деятельности объединенного института Ю.Б. Румер и А.В. Ржанов представляли себе по-разному.

5 ноября 1963 г. состоялось заседание Ученого совета ИРЭ с присутствием А.В. Ржанова¹⁹. Рассматривался проект объединения институтов ИРЭ и ИФТТиПЭ. После того, как А.В. Ржанов дал понять, что лаборатории ИРЭ будут перепрофилированы на полупроводниковую тематику, оказалось, что противников объединения институтов в коллективе ИРЭ гораздо больше, чем сторонников. 7 декабря 1963 г. состоялось второе заседание Ученого совета ИРЭ с той же повесткой²⁰. Г.В. Кривошёков высказался со всей определенностью: объединение институтов разрушит научные направления ИРЭ. Его поддержали ведущие сотрудники, в итоге Ученый совет ИРЭ принял решение считать нецелесообразным объединение институтов.

21 февраля 1964 г. Ю.Б. Румер и А.В. Ржанов обратились с совместным письмом к Лаврентьеву, в котором просили снять вопрос об объединении институтов с повестки дня²¹. Сторонником сохранения новосибирского ИРЭ как самостоятельного института выступил директор московского ИРЭ академик В.А. Котельников. Но идея объединения уже «проросла» в Президиуме СО АН: руководство надеялось решить пресловутую проблему «дублирования» исследований, а также «избавиться от отдела радиосвязи В.А. Смирнова, который создавал все больше проблем» [4, с. 34].

24 апреля 1964 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление об объединении ИРЭ и ИФТТиПЭ в Институт физики полупроводников

¹⁸ Воспоминания Ю.В. Троицкого // Личный архив В.П. Мягкова. Документы переданы авторам статьи И.В. Мягковой.

¹⁹ НАСО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 58. Л. 39-44.

²⁰ Там же. Л. 46-49.

²¹ Там же. Л. 45.

¹⁷ НАСО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-3.

(ИФП) под руководством чл.-кор. АН СССР А.В. Ржанова. Сотрудникам ИРЭ предстояло адаптироваться к новым реалиям. При объединении три лаборатории были расформированы, девять лабораторий перешли в ИФП, скорректировав деятельность под научные направления этого института.

И.Г. Неизвестный, один из организаторов ИФП, отмечал в качестве позитивного фактора появление двух теоретических лабораторий во главе с Ю.Б. Румером и В.Л. Покровским [4, с. 36]. Однако вскоре Ю.Б. Румер перешел в Институт математики, затем в ИЯФ, где трудился до конца своей жизни. В.Л. Покровский продолжил научную деятельность в Институте теоретической физики им. Л.Д. Ландау, разрабатывал теорию сверхпроводимости, ныне живет в США. В этом же институте А.П. Казанцев выполнил исследования по квантовой теории лазера и заложил основы современной теории резонансного светового давления. А.М. Дыхне с 1962 г. работал в Институте атомной энергии в Троицке, в 1992 г. избран академиком РАН, возглавлял Центр теоретической физики и вычислительной математики ТРИНИТИ. Академик РАН А.В. Чаплик руководит лабораторией теоретической физики в ИФП. Г.В. Кривошечков несколько лет заведовал лабораторией нелинейной оптики ИФП, затем возглавлял подразделения в ИАиЭ, Институте теплофизики, Институте лазерной физики, оставаясь выдающимся специалистом в области физики лазеров и лазерного излучения. Ю.В. Троицкий руководил лабораторией оптических квантовых генераторов ИФП, затем продолжил свою деятельность в ИАиЭ. Им в соавторстве с Л.С. Василенко и В.П. Чеботаевым выполнена первая в мире работа по удвоению частоты лазерного излучения в биологических средах. В.П. Чеботаев в 1992 г. избран академиком РАН, организовал Институт лазерной физики СО РАН.

Результаты изучения истории ИРЭ позволяют расширить представление о Новосибирском научном центре как регионально-локальном феномене идентичности [9]. В СО АН СССР, созданном в 1957 г. на новаторских для своего времени принципах, неизбежно сталкивались интересы местного сообщества и прибывших из центра страны ярких лидеров. Несмотря на то, что ИРЭ просуществовал всего семь лет, он оставил заметный след в истории академической науки России, а его сотрудники явились основоположниками новых научных направлений, достигли результатов мирового уровня, удостоены престижных премий и наград. Для того чтобы понять, была ли возможность сохранить ИРЭ как самостоятельный институт, нужны дальнейшие исследования его деятельности.

Авторы выражают благодарность сотруднику ГПНТБ СО РАН Н.Д. Черновой за техническую помощь в подготовке статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академия наук СССР. Сибирское отделение. Новосибирский научный центр / под ред. Г.С. Мигиренко. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1962. 207 с.
2. Куперштох Н.А. Институт радиофизики и электроники Сибирского отделения Академии наук СССР (ИРЭ СО АН СССР) // Энциклопедия «Новосибирск». Новосибирск, 2003. С. 375–376.
3. Ламин В.А., Куперштох Н.А. История первого академического центра Западной Сибири (1944–1957 гг.) // Философия науки. Новосибирск, 2004. № 2 (21). С. 69–84.
4. 40 лет Институту физики полупроводников Сибирского отделения Российской академии наук / отв. ред. И.Г. Неизвестный; ред. Э.В. Скубневский. Новосибирск, 2004. 375 с.
5. Kupershtokh N., Apolonskiy A. Physics in Novosibirsk and Akademgorodok // J. Physics in Perspective. 2014. N 16. P. 250–276. DOI: 10.1007/s00016-014-0138-4.
6. Юрий Борисович Румер: Физика, XX век / отв. ред. А.Г. Марчук; авт.-сост. И.А. Крайнева и др. Новосибирск: Изд-во «АРТА», 2013. 592 с.
7. Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / под ред. В.М. Фомина. Новосибирск: Наука, 2007. 603 с.
8. Владимиров Ю.С. Геометрофизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2005. 600 с.
9. Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запороженко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 25. № 3. С. 117–122.

REFERENCES

1. USSR Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk Scientific Center. Ed. G.S. Migirenko. Novosibirsk, Izd-vo SO AN SSSR, 1962, 207 p. (In Russ.).
2. Kupershtokh N.A. The Institute of Radiophysics and Electronics of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences. *Novosibirsk: entsiklopediya*. Novosibirsk, 2003, pp. 375–376. (In Russ.).
3. Lamin V.A., Kupershtokh N.A. The History of the first West Siberian academic center (1944–1957). *Filosofiya nauki*, 2004, no. 2, pp. 69–84. (In Russ.).
4. 40th anniversary of the Institute of Semiconductor Physics of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences / eds.: I.G. Neizvestnyi, E.V. Skubnevskii. Novosibirsk, 2004, 375 p. (In Russ.).
5. Kupershtokh N., Apolonskiy A. Physics in Novosibirsk and Akademgorodok. *Journal of Physics in Perspective*. 2014, no. 16, pp. 250–276. DOI: 10.1007/s00016-014-0138-4.
6. Yuri Borisovich Rumer: physics, XX century. Ed. A.G. Marchuk; comp. I.A. Krayneva [et al]. Novosibirsk, Izd-vo ARTA, 2013. 592 p. (In Russ.).
7. Russian Academy of Sciences. Siberian branch. Members. Ed. V.M. Fomin. Novosibirsk, Nauka, 2007. 603 p. (In Russ.).
8. Vladimirov Yu.S. Geometrophysics. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy, 2005. 600 p. (In Russ.).
9. Shelegina O.N., Kupershtokh N.A., Zaporozhchenko G.M., Pokrovskii N.N. The identity of local research communities: the experience of formation and translation (based on the materials of Novosibirsk Research Center SB RAS). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, vol. 25, no. 3, pp. 117–122. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 30.03.2017

DOI: 10.15372/HSS20170220
УДК 069:008

О.Н. ШЕЛЕГИНА

МУЗЕИ- ЗАПОВЕДНИКИ СИБИРИ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ОСВОЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Ак. Николаева, 8

В статье впервые обобщены результаты исследований музеев-заповедников в Сибирском регионе во втором десятилетии XXI в. в российском и мировом историографическом контексте. Представлены работы известных отечественных музеологов М.Е. Каулен, А.И. Мартынова, А.Ю. Майничевой. Проведен анализ диссертационных работ Л.В. Еремина, В.А. Каплунова, Т.С. Курьяновой, П.В. Глушковой. Дана систематизация действующих сибирских музеев-заповедников по доминантному типу осваиваемого наследия: археологические, историко-архитектурные, мемориальные, этнографические, экологические. Выявлены алгоритм создания и роль музеев-заповедников в освоении культурного наследия Сибири, показаны перспективные направления их развития в формировании геобрендинга территории региона.

Ключевые слова: Сибирь, музеи-заповедники, археологическое, этнокультурное наследие, освоение культурного наследия, актуализация нематериального наследия, геобрендинг территории региона.

O.N. SHELEGINA

MUSEUMS-RESERVES OF SIBERIA: THE EXPERIENCE AND PERSPECTIVES OF THE CULTURAL HERITAGE DEVELOPMENT

Institute of History SB RAS,
8, Ak. Nikolaeva Str., Novosibirsk, 6300090, Russia

An increased attention of foreign and Russian scientists to current status, problems, and development prospects of the museum-reserves has been observed. Its evidence is reflected in intensified scientific reflection, organizing relevant research-practical conferences. It is noted, that a system of open-air museum models offered by M.E. Kaulen should be considered as a theoretical background for the museum-reserves up-to-date classification. The article summarizes study results of Siberian museum-reserves in the 2nd decade of the XXI century in the Russian and world historiography. A.Yu. Maynischeva has revealed features of forming and functioning of this museum group focused on the Historical-Architectural Open-Air Museum-Reserve of the Institute of History and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. V.A. Kaplunov has offered a concept (disputed by the authors of this article) of a complex museum-reserve based on an archeological monument as a modern museum type. L.V. Eremin has defined and characterized the museumification processes based on founding the museum-reserves in especially protected territories of the historical-cultural significance in republics of South Siberia. T.S. Kuryanova and P.V. Glushkova have carried on research devoted to the heritage problematics including analysis of open-air museums and museums-reserves activities. Systematization of the current Siberian museum-reserves in accordance with the profile (archeological, historical-architectural, memorial, ethnographical ones) has been implemented; the algorithm and perspectives for their development (foundation of a landscape museum-reserve, museumification of the Russian Orthodox Church heritage in Biysk and tourist destinations in Kemerovo region) have been specified. A role of museum-reserves in the development of the Siberian population's cultural heritage and regional geobranding has been determined.

Key words: Siberia, museum-reserves, archaeological, ethnic and cultural heritage, development of heritage, intangible heritage actualization, region geobranding.

Важнейшим фактором развития музейного мира России в современный период является масштабный переход от актуализации наследия (путем музеефици-

кации отдельных памятников и объектов) к его освоению через музеефикацию целых территорий, обеспечивающую единство их культурного и природного

Шелегина Ольга Николаевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: oshelegina@yandex.ru
Olga N. Shelegina – Doctor of Historical Science, leading researcher, Institute of History SB RAS

наследия [1, с.13]. В связи с этим наблюдается усиление внимания зарубежных и российских музеологов и культурологов к современному состоянию, проблемам и перспективам развития музеев под открытым небом, музеев-заповедников. Эти проблемы активно обсуждались на Международной научно-практической конференции «Музеи-заповедники – музеи будущего» (Республика Татарстан, г. Елабуга, 2014), что нашло отражение в принятой на ней резолюции; в ряде докладов, посвященных музеефикации этнокультурного наследия Сибири, в рамках II Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в развитии музеев и музееведения» (г. Новосибирск, 2014), а также на организованных Историко-культурным и мемориальным музеем-заповедником «Киммерия М.А. Волошина» международных музеологических семинарах на тему «Время и пространство «Genius loci» в музеях-заповедниках» (Республика Крым, пгт. Коктебель, 2015, 2016 г.)¹

К приоритетным научным проблемам, обсуждаемым на столь представительных форумах относятся: типологизация музеев под открытым небом, особенности организации и деятельности музеев-заповедников, прогнозирование перспектив их сетевого развития. Поднимается вопрос о необходимости проведения под эгидой Министерства культуры РФ мониторинга сети музеев-заповедников и анализа их распределения на территории РФ с целью разработки государственной программы по расширению сети музеев-заповедников. Для обобщения опыта и содействия развитию музейного мира целесообразным признано создание энциклопедического словаря «Музеи – заповедники России».

Круг вышеобозначенных теоретических и научно-практических задач до настоящего времени не решался в полной мере применительно к территории Сибири. Цель данной статьи – представить результаты исследований музеев-заповедников как составной части музеев под открытым небом, полученные в Сибирском регионе во втором десятилетии XXI в., осуществить на их основе систематизацию действующих сибирских музеев-заповедников, отразить перспективные направления исследований в этой области музейного дела.

Некоторые особенности музеев под открытым небом в Сибири, с акцентом на историю формирования и функционирования Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН выявила А.Ю. Майничева. К музеям-ветеранам, созданным в 1970-е гг., она относит музей-заповедник в с. Шушенское, Этнографический музей народов Забайкалья (г. Улан-Удэ), музей под открытым небом «Ангарская деревня» (г. Братск). Музеями-новаторами, возникшими в 1990-е гг. и базирующимися на идее национальной самобытности,

являются: «Торум Маа» (г. Ханты-Мансийск), «Томская писаница», «Тюльберский городок», экомузеи Кемеровской области. В этот период, как отмечает А.Ю. Майничева, в регионах разрабатывались программы создания музеев-заповедников. Например, в Иркутской области предлагалось учредить археологические заповедники: «Глазковский некрополь» (г. Иркутск), «Шишкинские писаницы» (Верхняя Лена), историко-мемориальная зона «Декабристы в Иркутске», музей усадьба В.П. Сукачева, Кругобайкальская железная дорога как уникальный природно-архитектурный и инженерный комплекс. В Новосибирской области на базе Историко-архитектурного музея под открытым небом (создаваемого по инициативе академика А.П. Окладникова с 1970 г.) планировалось организовать музей-заповедник с последующим его включением во всероссийскую систему достопримечательных мест [2, с. 31–32]. Однако до настоящего времени эти проекты, к сожалению, не реализованы.

В Сибирском регионе к началу XXI в. имелось 18 600 объектов историко-культурного наследия, в том числе памятников археологии – 8700, истории – 3300, архитектуры – 440; искусства – 160) [3] и музеев – 358 государственных и муниципальных². Уже из этого соотношения очевидна необходимость в развитии традиционных и поиске новых эффективных форм презентации регионального наследия, имеющего ярко выраженную этнокультурную составляющую.

Из совокупности сибирских этнографических музеев и музеев под открытым небом [4] выделим основные профильные группы широко известных музеев-заповедников с учетом того, что достаточно четкая профилизация присутствовала, как правило, только на начальном этапе их организации:

– *археологические* (музей-заповедник на оз. Андреевское (Тюменская обл., 1983), «Томская писаница» (Кемеровская обл., 1988), «Казановка» (Республика Хакасия, 1996), «Долина царей» (Республика Тыва, 2004);

– *историко-архитектурные* (Тобольский, г. Тобольск, 1961), Ленский музей-заповедник «Дружба» (Республика Саха (Якутия), 1992), «Красная горка» (г. Кемерово, 1991), «Кузнецкая крепость» (г. Новокузнецк, Кемеровская обл., 1991), «Мариинск исторический» (г. Мариинск, Кемеровская обл., 2008);

– *мемориальные* (музей-заповедник В.М. Шукшина, с. Сростки Алтайский край, 1978),

– *этнографические* («Шушенское», с. Шушенское, Красноярский край (1993), «Старина Сибирская» (р. п. Большеречье, Омская обл., 2013);

– *экологические* («Тюльбергский городок», Кемеровская обл., 2002), «Трехречье» (Кемеровская обл., 2009)³

¹ Автором данной статьи был представлен доклад «Опыт музеефикации культурного наследия в полиэтничных регионах России (на примере музеев-заповедников Сибири)».

² На 2013 г. в Сибирском федеральном округе – по данным Министерства культуры РФ.

³ Краткую характеристику названных музеев-заповедников см.: Шелегина О.Н. Музеи-заповедники Сибири: вклад в освоение

Комплексное изучение процесса и перспектив развития названных и создаваемых музеев-заповедников позволит в дальнейшем осуществить структурирование этой значимой части музейного мира Сибири на основе предложенных М.Е. Каулен моделей: «ансамблевый музей-заповедник», «средовой музей-заповедник», «территория живых традиций», «экомузей», «скансен», «тематический парк» [1, с.15–33].

По оценке известного российского археолога и музеолога А.И. Мартынова, музей-заповедник «Томская писаница» является пока единственным в Сибири примером создания многофункционального, комплексного историко-культурного и природного музея-заповедника на основе археологического памятника – Томской писаницы [5, с. 40]. Результаты анализа успешной деятельности этого музея-заповедника положены в предлагаемую В.А. Каплуновым концепцию комплексного музея-заповедника, создаваемого на базе археологического памятника, как одного из типов современного музея. Типологизация проводится по ряду параметров: уровню актуализации и музеефикации объекта наследия, наличию соответствующей пространственной музейной инфраструктуры; синергии природного, материального, нематериального наследия; степени интегрированности в региональное социокультурное и научно-образовательное пространство, сферу внутреннего туризма [6]. С нашей точки зрения данная концепция может рассматриваться как дискуссионная и требует дальнейшей апробации, но несомненно, что она способствует утверждению эффективных форм музеефикации доминантного в Сибири археологического наследия.

Актуальным и перспективным направлением освоения наследия в полиэтничных регионах Сибири является определение и музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в республиках Южной Сибири. На основе исследований Л.В. Еремина [7] можно выделить следующие этапы этого процесса: 1) формирование объективных условий и специфического политико-правового поля в сфере культурного наследия республик Южной Сибири (1991–1996 гг.); 2) накопление необходимого информационного и методического фонда, начало музейного строительства (Хакасия) и формирования концептуальных разработок (Тыва, Алтай) в области музейного проектирования (1996–2003 гг.); 3) создание координационных органов, организация музеев на особо охраняемых территориях историко-культурного значения во всех республиках Южной Сибири (2003–2007 гг.); 4) проектирование, организация и функционирование музеев-заповедников федерального, регионального и муниципального уровней, учреждений музейного типа на территориях историко-культурного значения в Республике Хакасия, Республике Алтай, Республике Тыва (с 2007 г. по настоящее время). Два республиканских – «Казановка» и «Доли-

на царей» – и один муниципальный археологический музей-заповедник – Полтаковский музей наскального искусства – осуществляют комплексную (природную, археологическую и этнографическую) презентацию национального наследия, проводят научно-исследовательскую и экспозиционно-выставочную деятельность, способствующую сохранению традиционной этнической культуры, с ориентацией (через образовательные и досуговые функции) на решение проблем местного населения.

В современном историографическом ресурсе можно выделить исследования по наследиеведческой проблематике, включающие анализ деятельности музеев под открытым небом и музеев-заповедников Сибири. Т.С. Курьяновой отмечено, что «новой тенденцией является «дрейфование «традиционных» музеев в сторону «новационных» (организованных по принципам «новой музеологии». – О.Ш.) в выборе методов работы и в стремлении наиболее комплексно представить спектр объектов наследия» [8, с.15], основным механизмом актуализации наследия при этом становится музейная педагогика. Согласно шкале эффективности музеев, предложенной П.В. Глушковой, в аспекте актуализации нематериального культурного наследия русских, наибольшим потенциалом обладают средовые музеи, музеефицирующие историко-культурную среду и сохраняющие нематериальное наследие в развитии (музеи-заповедники «Шушенское», «Сибирская старина»)⁴; наименьшим – музеи с имитацией историко-культурной среды на основе объектов-новоделов (музей-заповедник «Тюльберский городок»). Разработанная культурологом модель музеефикации календарной обрядности с использованием специализированной научно-информационной и коммуникационной системы носит универсальный характер и может быть адаптирована к условиям работы российских музеев-заповедников [9].

Одним из целесообразных путей организации музеев-заповедников может стать, как показала практика, объединение нескольких профильных учреждений культуры. В 2013 г. на основе слияния Большереченского историко-этнографического музея, Национального археологического и природного парка «Батаково» и Историко-культурного комплекса «Старина Сибирская» был создан Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». В настоящее время, органично сочетая в своей деятельности статорную (постоянное пополнение, сохранность и научная обработка фондов) и ротаторную (внедрение адаптированных к социокультурным реалиям музейных продуктов) функции, данный музей-заповедник имеет необходимый потенциал для создания новых экспозиционных пространств (Музей натуральной истории, Музей-усадьба сибирского казака, Дом сибирского старожила, интерактивная экспозиция «Кузня»), а также для расширения сферы своего вли-

регионального наследия // Музеи-заповедники – музеи будущего С. 170–178.

⁴ Мы относим к этой группе и музей-заповедник В.М. Шукшина, с. Сростки Алтайский край.

яния в регионе на основе активного освоения нематериального этнокультурного наследия [10].

Следует подчеркнуть, что в 1995 г. указом Президента РФ музейный комплекс под открытым небом «Тальцы» (1980 г.) был отнесен к объектам исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения и в настоящее время Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» имеет существенный потенциал для превращения его в музей-заповедник, организационные работы в этом направлении уже ведутся [11].

В Сибирском регионе происходит соответствующее мировым тенденциям дальнейшее расширение круга объектов исторического и культурного наследия и появление новационных форм освоения этого наследия. В Ханты-Мансийском автономном округе (Югре) для сохранения и развития известного природно-археологического парка функционирует (с 1991 г.) Историко-культурный и научно-производственный центр «Барсова Гора» [12]. В 2012 г. им был получен официальный статус – достопримечательное место регионального значения «Барсова Гора», что позволяет реализовать при содействии координаторов действий органов власти, хозяйствующих субъектов и научных организаций идею о создании первого в Сибири ландшафтного музея-заповедника. С учетом общественной инициативы и музейной потребности идет процесс разработки и апробации концепции организации в г. Бийске на основе ансамбля Бийского архиерейского подворья первого в Сибири мемориального историко-архитектурного и культурного музея-заповедника, связанного с наследием Русской православной церкви [13]. В Кемеровской области предполагается создание новых туристических дестинаций на основе бережного использования территорий с уникальными памятниками (археологическими, палеонтологическими, природными) путем одновременной организации национальных парков и музеев-заповедников. Под девизом «Восьмое чудо Кузбасса» разработана концепция создания подобного музея-заповедника, охватывающего Шестаковский археологический микрорайон [14].

Важно обратить внимание и на проблему расширения музейной аудитории, поддержать позицию А.Ю. Майничевой о необходимости нового взгляда на функционирование музеев под открытым небом, включая музеи-заповедники Сибири: активнее внедрять в них адекватные формы маркетинга, достижения в области социогуманитарных наук [15].

Таким образом, на основе анализа репрезентативного историографического и музеографического ресурса можно утверждать, что музеи-заповедники Сибирского региона развиваются в направлении комплексного освоения всех видов материального и нематериального наследия населения Сибири, интеграции с биосферными заповедниками и природными парками. Этот процесс можно представить в форме алгоритма: 1) выбор и музеефикация базовых объектов

наследия; 2) музеефикация сопряженных объектов наследия; 3) актуализация нематериального наследия; 4) деятельность в социокультурном пространстве региона; 5) выход в сферу внутреннего туризма, глобальных коммуникаций. Эффективность данного алгоритма коррелируется со следующими факторами: 1) культурная значимость, доступность, состояние объекта; 2) наличие административного, адаптивного, инвестиционного, информационно-коммуникационного ресурсов; 3) возможность обеспечения сохранности объекта после его вовлечения в деятельность музея-заповедника; 4) уровень социокультурного потенциала музеефицированного объекта материального/нематериального наследия; 5) возможность интеграции в международные, российские и региональные программы развития культуры, науки, образования. Значимая роль музеев-заповедников в освоении наследия Сибирского региона может усилиться в рамках перспективного тренда – геобрендинга территорий – путем глобального позиционирования их как престижных брендовых объектов, инициаторов интеграции в индустрию туризма, креативную экономику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каулен М.Е. Музеи под открытым небом: многообразие моделей и проблема выбора // Музеи-заповедники – музеи будущего. Междунар. науч.-практ. конф. Елабуга, 18–22 нояб. 2014 г.: материалы и доклады / отв. ред. М.Е. Каулен, Г.Р. Руденко, И.В. Чувилова. Елабуга: ООО «ЕЛТИК», 2015. С. 11–34.
2. Майничева А.Ю. Особенности развития музеев под открытым небом в Сибири // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 45-летию музея «Малые Корелы» (Архангельск, 8–11 июля 2009 года) / под ред. А.М. Шаева, Т.Г. Невзоровой, С.А. Герасимовой, Е.Б. Заручевской. Архангельск: Соломбальская типография, 2010. С. 30–39.
3. Колпакова М.Р. Историко-культурное наследие Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 1. С. 671.
4. Жигунова М.А., Шелегина О.Н. Этнографические музеи Сибири // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2010. Т. 3. С. 587–588.
5. Мартынов А. И. Особенности и проблемы музеефикации культурно-исторического наследия России // Музеи-заповедники – музеи будущего. Междунар. науч.-практ. конф. Елабуга, 18–22 нояб. 2014 г.: материалы и доклады / отв. ред. М.Е. Каулен, Г.Р. Руденко, И.В. Чувилова. Елабуга: ООО «ЕЛТИК», 2015. С. 35–44.
6. Каплунов В.А. Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея: автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2016, 20 с.
7. Ерёмин Л.В. Музеефикация особо охраняемых территорий историко-культурного значения в Республике Южная Сибирь: дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2010. 256 с.
8. Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 24 с.
9. Глушкова П.В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири: автореф. ... канд. культурологии. Кемерово, 2015. 24 с.
10. Гулько А. Д. Перспективы развития музея-заповедника «Старина Сибирская» // Аношинские чтения: материалы I Межрегион. науч.-практ. конф. (р.п. Большеречье Омской области, 12–13 окт. 2016 г. / гл. ред. Т.Н. Золотова, отв. ред. И.А. Селезнева, Г.М. Па-

трушева, О.Н. Шелегина – Омск: Издательский дом «Наука», 2017. С. 53–62.

11. Колзнова Е.Ю. Особенности музеефикации культуры переселенцев Предбайкалья в комплексах под открытым небом: автореф. ... канд. культурологии. Кемерово, 2013. 24 с.

12. Сокурова А.В. Охрана памятников истории и культуры на Севере Западной Сибири в 1917–1991 гг. (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. 30 с.

13. Коваленко П.С. Музеефикация памятников культурного наследия Русской православной церкви (по материалам города Бийска): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2015. 26 с.

14. Ковешникова Е.А. Перспективы создания и развития новой туристской дестинации в Кемеровской области // Наука, образование, музеи: формы освоения наследия / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. Барнаул; Новосибирск: Изд-во «ТРИАДА»; Ин-т истории СО РАН, 2016. С. 55–60.

15. Майничева А.Ю. Музеи под открытым небом: другой взгляд // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 29 сент. – 3 окт. 2014 г.) / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Шелегина. Новосибирск: Автограф, 2014. С. 143–149.

REFERENCES

1. Kaulen M.E. Open-air museums: the variety of the models and a problem of choosing. *Muzei-zapovedniki – muzei budushchego: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Elabuga, 18–22 noyabrya 2014 g.: materialy i doklady*. Elabuga, 2015, pp. 11–34. (In Russ.).

2. Mainicheva A.Yu. The specifics of the development of the open-air museums in Siberia. *Traditsionnaya kul'tura Russkogo Severa: istoki i sovremennost': sbornik materialov Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 45-letiyu muzeya «Malye Korely» (Arkhangel'sk, 8–11 iyulya 2009 g.)*. Arkhangel'sk, 2010, pp. 30–39. (In Russ.).

3. Kolpakova M.R. The cultural-historical heritage of Siberia. *Istoricheskaya ehntsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2010, vol. 1, p. 671. (In Russ.).

4. Zhigunova M.A., Shelegina O.N. Ethnographic museums of Siberia. *Istoricheskaya ehntsiklopediya Sibiri*. Novosibirsk, 2010, vol. 3, pp. 577–578. (In Russ.).

5. Martynov A.I. The specifics and problems of the cultural-historical heritage of Russia. *Muzei-zapovedniki – muzei budushchego: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Elabuga, 18–22 noyabrya 2014 g.: materialy i doklady*. Elabuga, 2015, pp. 35–44. (In Russ.).

6. Kaplunov V.A. An integrated museum-reserve based on an archaeological monument as a museum modern type: dissertation theses. Kemerovo, 2016. 20 p. (In Russ.).

7. Eremin L.V. Museumification of protected areas of the historical-cultural significance in republics of South Siberia: dissertation. Tomsk, 2010, 256 p. (In Russ.).

8. Kuryanova T.S. Actualization of the cultural heritage of indigenous peoples in the museums of South Siberia: dissertation theses. Tomsk, 2013, 24 p. (In Russ.).

9. Glushkova P.V. Updating the calendar ritualism of the Russians in the activities of Siberian open air museums: dissertation theses. Kemerovo, 2015, 24 p. (In Russ.).

10. Gulko A.D. Prospects of developing the museum-reserve “Starina Sibirskaya”. *Anoshinskie chteniya: materialy I Mezhtregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (r.p. Bol'sherech'e, Omskaya oblast', 12–13 oktyabrya 2016 g.)*. Omsk, 2017, pp. 53–62. (In Russ.).

11. Kolganova E.Yu. The specifics of museumification in the settlers culture of the Baikal region in open-air complexes: dissertation theses. Kemerovo, 2013, 24 p. (In Russ.).

12. Soyurova A.V. Protection of historical-cultural monuments in North-Western Siberia in 1917–1991 (based on materials of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra): dissertation theses. Ekaterinburg, 2015, 30 p. (In Russ.).

13. Kovalenko P.S. Museumification of monuments of cultural heritage of the Russian Orthodox Church (based on the materials of Biysk city): dissertation theses. Tomsk, 2015, 26 p. (In Russ.).

14. Kovesnikova E.A. Prospects for creation and development of a new tourist destination in Kemerovo region. *Nauka, obrazovanie, muzei: formy osvoeniya naslediya*. Barnaul, Novosibirsk, 2016, pp. 55–60. (In Russ.).

15. Mainicheva A.Yu. Open-air museums: another view. *Sovremennyye tendentsii v razviti muzeev i muzeevedeniya: materialy II Vserossiiskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 29 sentyabrya – 3 oktyabrya 2014 g.)*. Novosibirsk, 2014, pp. 143–149. (In Russ.).

Статья принята
редакцией 02.03.2017

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«АКАДЕМИНА» – ФЕСТИВАЛЬ УМНЫХ, КРАСИВЫХ, СМЕЛЫХ ЖЕНЩИН

6 марта 2017 г. в г. Новосибирске в Концертном зале им. А.М. Каца состоялось значимое региональное мероприятие: презентация и торжественное награждение лауреатов конкурса «Академина». Фестиваль-конкурс был организован и проведен Союзом женщин Новосибирской области (председатель – член Совета Федерации Федерального собрания РФ Н.Н. Болтенко) совместно с Новосибирским отделением Федерации женщин с университетским образованием. Содействие в его проведении оказали: Министерство региональной политики Новосибирской области, Министерство образования, науки и инновационной политики НСО, Сибирское отделение Российской академии наук, Совет ректоров вузов НСО.

Прежде всего следует отметить, что инициатива и первый опыт проведения в 2012 г. конкурса женщин, работающих в сфере науки, – «Академина» – принадлежит общественности Новосибирского академгородка, имеющей традиции в организации конкурсов для женщин. Так, известно, что 8 марта 1967 г. в клубе «Под интегралом» состоялся первый в СССР конкурс красоты.

Участницам «Академины-2012» предлагалось наряду с официальной анкетой написать эссе на тему «Мой путь в науку» и «Как современные информационные технологии содействуют моей научной карьере», что позволило номинанткам полнее раскрыть свои личностные качества и своеобразие путей утверждения отдельных научных идентичностей. Представляется, что указанный опыт продолжает оставаться актуальным с точки зрения сохранения и трансколенной передачи ментальности научного поиска. Общественный резонанс «Академины-2012», успешно проведенной фондом «Академгородок» (руководитель – депутат Новосибирского совета депутатов Н.И. Пинус), дал импульс для выхода мероприятия на региональный уровень.

Основные задачи, которые была призвана решать «Академина – 2017», состояли в выявлении и поддержке талантливых и успешных женщин, работающих в сфере науки, образования и экономики Новосибирской области, популяризации творческих профессий ученого, преподавателя высшей школы, исследователя-инноватора, а также установлении творческих контактов, укреплении и поощрении дружеских связей и солидарности в достижении успешного развития Новосибирской области.

Важную роль в организации фестиваля, формировании репрезентативных данных об участницах конкурса (на основе вопросов специально разработанной анкеты, касающихся всех видов научной, педагогической и общественной дея-

тельности) сыграла доктор социологических наук Н.Д. Вавилина, ректор АНО ВПО «Новый сибирский институт».

Выдвижение кандидатур для участия в конкурсе осуществлялось путем открытого приема заявок в период с 6 по 24 февраля 2017 г. На конкурс подали заявки-анкеты 99 чел., они были распределены по 10 объявленным номинациям следующим образом:

- «Научный дебют 2016 г.» (для студентов и магистрантов вузов и колледжей) – 15 чел.;
- «Первое научное открытие 2016 г.» (для молодых ученых без степени и аспирантов) – 20 чел.;
- «Кандидат наук 2016 г.» – 36 чел.;
- «Доцент 2016 г.» – 7 чел.;
- «Доктор наук 2016 г.» – 8 чел.;
- «Исследователь-аналитик 2016 г.» – 5 чел.;
- «Профессор 2016 г.» – 4 чел.;
- «Член-корреспондент РАН 2016 г.» – 1 чел.;
- «Ректор вуза 2016 г.» – 2 чел.;
- «Директор научного исследовательского института 2016 г.» – 1 чел.

Основным критерием при выборе лауреатов, которым руководствовались члены оргкомитета и жюри по номинациям, являлась успешная научная, исследовательская, аналитическая или образовательная деятельность соискательницы, подтверждающаяся сведениями из анкеты. В них указывались данные о:

- научных разработках и достижениях;
- научных трудах и публикациях;
- участии в проектах и грантах;
- цитируемости научных работ;
- практической значимости (наличие патентов);
- учебных пособиях и методических работах;
- успехах студентов в олимпиадах, конференциях и конкурсах;
- премиях и наградах.

В качестве дополнительных критериев рассматривались общественная и творческая деятельность соискательницы, уникальные личностные качества, вклад в формирование культурной и социальной среды Новосибирской области.

Внеконкурсную премию «Почетная Академина» губернатор Новосибирской области В.Ф. Городецкий вручил О.И. Лаврик. Российский ученый-химик, член-корреспондент РАН Ольга Ивановна в 1966 г. окончила Новосибирский государственный университет, с 1972 г. работала старшим научным сотрудником Новосибирского ин-

ститута биоорганической химии СО АН СССР (ныне Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН), с 1984 г. заведует лабораторией биоорганической химии ферментов, доктор химических наук, профессор НГУ, автор 320 статей в научных журналах и 11 монографий и учебников. Под ее руководством защищены 27 кандидатских диссертаций и три докторские диссертации. Образ О.И. Лаврик и других известных участниц конкурса был представлен в документальном фильме, продемонстрированном гостям торжественной церемонии.

Победительницами в номинациях по результатам голосования жюри были названы:

«Научный дебют 2016 года» – К.А. Парц, студентка 2-го курса магистратуры механико-технологического факультета Новосибирского государственного технического университета;

«Первое научное открытие 2016 года» – М.Ш. Барковская, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института фундаментальной и клинической иммунологии СО РАН;

«Кандидат наук 2016 года» – О.Е. Брызгунова, кандидат биологических наук, младший научный сотрудник лаборатории молекулярной медицины Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН;

«Доцент 2016 года» – С.В. Мишенина, кандидат медицинских наук, доцент кафедры фармакологии, клинической фармакологии и доказательной медицины Новосибирского государственного медицинского университета;

«Доктор наук 2016 года» – И.В. Филимонова, доктор экономических наук, доцент, член-корреспондент РАЕН, академик ЕАЕН, ведущий научный сотрудник лаборатории экономики недропользования и прогноза развития нефтегазового комплекса Института нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН, заведующая кафедрой политической экономики экономического факультета Новосибирского государственного университета;

«Исследователь-аналитик 2016 года» – И.А. Гайнова, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник лаборатории численных методов математического анализа Института математики СО РАН;

«Профессор 2016 года» – Т.Г. Толстикова, доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией фармакологических исследований Института органической химии СО РАН.

«Член-корреспондент РАН 2016 года» – Г.Г. Лазарева, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, старший научный сотрудник Института вычислительной математики и математической геофизики СО РАН.

«Ректор вуза 2016 года» – Н.В. Багрова, доктор культуры, ректор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств.

«Директор научного исследовательского института 2016 года» – Е.Г. Багрянская, доктор физико-математических наук, профессор НГУ, директор Новосибирского института органической химии СО РАН им. Н.Н. Ворожцова.

В церемонии вручения премии «Академина» участвовали губернатор Новосибирской области В.Ф. Городецкий, мэр г. Новосибирска А.Е. Локоть, руководители ряда мини-

стерств и ведомств Новосибирской области, институтов СО РАН, высших учебных заведений. В поздравлении номинанток и лауреатов «Академины» рефреном звучали слова: «Мы уважаем и гордимся умными, красивыми и смелыми в научных поисках женщинами»!!!

Авторы данного сообщения принимали непосредственное участие в конкурсе: в номинациях «Доктор наук – 2016 года» – д-р ист. наук Г.М. Запороженченко, «Исследователь – аналитик 2016 года» – д-р ист. наук О.Н. Шелегина. На основании метода «включенного наблюдения», изучения проблем региональной идентичности [1], многолетнего опыта работы по музейно-образовательной программе «История сибирской науки в лицах» считаем целесообразным предложить некоторые идеи в развитие концепции данного конкурса.

Во время церемонии представления номинанток на «красной ковровой дорожке» следовало бы называть приоритетное направление и результаты деятельности лауреатов с целью популяризации достижений сибирской науки и их личного вклада. Представляется необходимым ввести в регламент мероприятия помимо присуждения дипломов победительниц в номинациях обязательное вручение всем участникам конкурса сертификатов участия, что также способствовало бы распространению информации о конкурсе, формированию и продвижению позитивного имиджа фестиваля «Академина».

Не менее важно обратить внимание присутствующих на финальном мероприятии гостей на вклад известных ученых старшего поколения в воспитание молодого научного резерва, отмечая научных руководителей конкурсанток и принадлежность их к фундаментальным научным школам.

Поддерживая стремление руководства и общественности Новосибирской области придать конкурсу-фестивалю «Академина» статус всероссийского, хотелось бы предложить и новые номинации с учетом специфики научно-образовательной деятельности и необходимости активизации деятельности по популяризации и актуализации российского научного наследия: «Организатор научных мероприятий» (научные и научно-практические конференции разных уровней, симпозиумы, семинары), «Популяризатор научного наследия и достижений современной науки».

Развитию и совершенствованию фестиваля «Академина» будет способствовать более широкое привлечение к его организации и формированию резюме участниц специалистов в области гуманитарных наук. Материалы фестиваля «Академина-2017» были широко представлены в Интернет-пространстве. Перспективы его актуализации связаны с включением в информационный ресурс Института истории СО РАН (сектор «Музей СО РАН») с целью введения в научный оборот.

Проведение фестиваля «Академина» и перспективы его развития свидетельствуют о появлении в Новосибирске – известном в нашей стране и за рубежом научном центре, важной социокультурной инновации, направленной на продвижение Сибирского региона на новый уровень в плане общественного признания роли женщин в условиях глобализации.

Д-р. ист. наук О.Н. Шелегина,
д-р. ист. наук Г.М. Запороженченко,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

ПАМЯТИ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА ХУДЯКОВА

26 февраля 2017 г. ушел из жизни видный представитель регионального сибирского сообщества историков и педагогов высшей школы, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан факультета истории, философии и права Омского государственного педагогического университета Виктор Николаевич Худяков.

Родился Виктор Николаевич 14 сентября 1942 г. Окончил школу в 1959 г. и тогда же поступил на историко-филологический факультет Омского государственного педагогического института. Будучи, согласно его собственным воспоминаниям, «сорокакилограммовым мальчиком с блатной прической и в хромовых сапогах (которые носил и летом, и зимой)», вошел в новый мир исторических знаний и романтики научных поисков. С этого момента его судьба оказалась буквально спаяна с родным вузом и историческим факультетом, деканом которого он служил в 1972–1985 и в 1997–2017 гг., успешно совмещая эту деятельность с заведованием кафедрой отечественной истории и руководством докторским диссертационным советом.

Сухие биографические данные вряд ли могут отразить все многоцветие жизненного пути В.Н. Худякова. Писать о Викторе Николаевиче в прошедшем времени невыносимо трудно хотя бы потому, что его незримое присутствие на факультете и в университете продолжает ощущаться. Совсем недавно во время обсуждения в деканате проекта аттестации профессорско-преподавательского состава его портрет «бурно реагировал» в самых острых точках дискуссии, словно намереваясь упасть тыльной стороной. ... Нечто подобное уже происходило с портретом любимого наставника Виктора Николаевича – профессора И.Н. Новикова, обрушившегося в аудитории во время выборов ректора. Чем не вариант простестного голосования?

В среде коллег нередко можно услышать рассуждения о том, что административная работа на факультете и кафедре «увела» В.Н. Худякова из науки в управление образовательным процессом. Позволим себе в этом усомниться, поскольку на историческом факультете Омского педагогического университета научный потенциал декана постоянно раскрывался в новом ракурсе. Сегодня научный путь и идеи В.Н. Худякова стремительно становятся историографическим фактом. Несомненно, он – крупнейший специалист в области истории региональной аграрной политики, проблемы которой активно им осваивались в 1970–1980-х гг., вылившись в написание монографии и защиту кандидатской (1973 г.) и докторской (1988 г.) диссертаций. Симптоматично, что в последние годы жизни Виктор Николаевич вновь вернулся к теме аграрного строя и аграрной политики в Сибири, обнаружив дополнительные перспективы в исследовании аграрного вопроса. Он отмечал, что господствующая в социально-экономической истории триада «феодализм – капитализм – социализм» долгие годы являлась главным ориентиром для историков, и ее исчезновение стало лич-

ной профессиональной катастрофой для многих талантливых авторов, что предопределило на время снижение уровня научного интереса к аграрной проблематике. Между тем непреходящий общественный интерес к аграрной истории и аграрной политике вовлекал пытливых историков, к числу которых, безусловно, относился и В. Н. Худяков, к чтение альтернативных текстов – трудов имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в., публицистов, путешественников, военных деятелей, материалов периодической печати, личной переписки. Подход к научному знанию Виктора Николаевича стал напоминать монгольскую военную тактику, когда в окружение попадало не войско противника, а обширная территория. В результате открывались иные траектории исследования темы, которые формально выбивались из традиционной аграрной канвы, но расширяли поле видения и горизонты ожидания историка.

Вместе с тем, кафедральная повседневность и коммуникативная среда исторического факультета позволяли Виктору Николаевичу постоянно «обкатывать» и транслировать возникшие идеи и соображения. Коллеги хорошо помнят о «мозговых штурмах», внедренных заведующим кафедрой в повседневный процесс научной рефлексии, когда в ходе коллективного блиц-обсуждения буквально «на коленке» формулировались и обретали стройность темы докторских, кандидатских, магистерских диссертаций, квалификацион-

ных работ бакалавров, выстраивался научный аппарат исследования. Такой подход невозможен без регулярного научного тренинга, систематического и предметного чтения, вовлеченности в проблемные и методологические сферы современной исторической науки, без постоянных контактов с научным сообществом и студенческой аудиторией, являющейся важным каналом репрезентации интеллектуальных идей.

Чтобы это понять и прочувствовать, достаточно обратиться к темам студенческих курсовых и дипломных работ, выполненных под руководством В.Н. Худякова, его собственным публикациям последних лет. Мир научных увлечений Виктора Николаевича был необыкновенно широк и вместе с тем строен, чему способствовало чтение авторских курсов по методологии и философии истории, «стягивающих» сюжеты российской повседневности, элементы поколенческого дискурса, представления современников о текущих событиях в единый смысловой узел. Предметом научной рефлексии стали проблемы исторической политики, что реализовалось не только в чтении специального курса для студенческой аудитории, но и в многочисленных интервью, неизменно ярких выступлениях на «круглых столах» и научных семинарах. Виктор Николаевич чутко, иногда слишком болезненно реагировал на попытки государственных инстанций узурпировать пространство размышлений и действий историка, использовать те или иные исторические события в сугубо политических целях.

Постоянно находясь в гуще общественно-политической и образовательной жизни страны, В.Н. Худяков одну из своих основных задач видел в осуществлении постоянного научного поиска, причем ориентируясь во многом на собственные опыт и знания, он был убежден в том, что такой поиск должен начинаться в студенческие годы. Будучи многолетним и бессменным редактором факультетских научных сборников, Виктор Николаевич рассматривал их в качестве важной «научной площадки», в системе координат которой происходил постоянный и эффективный обмен мнениями, осваивались продуктивные научно-исследовательские подходы и практики современной исторической науки.

Трудно представить факультет истории, философии и права ОмГПУ без В.Н. Худякова, но мы всегда будем помнить его слова: «Человек от животного отличается своим любопытством к прошлому. Нам повезло – историк может удовлетворять это любопытство за счет государства. Но о прошлом нужно говорить максимально правдиво. Как бы ни была горька правда об истории, нужно говорить всю правду. Это традиция нашего факультета». Виктор Николаевич Худяков был одним из лучших представителей той замечательной когорты наших учителей, которые создавали современному поколению комфортные условия для развития творческих, личностных начал в науке.

Коллеги и ученики

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 25 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.